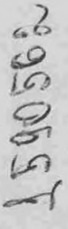
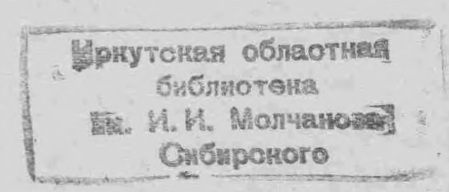

Мюллер
В пламени революции

А. А. МЮЛЛЕР

В ПЛАМЕНИ РЕВОЛЮЦИИ (1917—1920 гг.)

Воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Арманд Абрамович Мюллер — один из видных руководителей интернациональных отрядов в Сибири.

В воспоминаниях рассказывается, как трудящиеся венгры, австрийцы, немцы, находившиеся в лагерях военнопленных, под влиянием идей марксизма-ленинизма становились сознательными борцами за дело социализма и рука об руку с русскими рабочими и крестьянами, верные своему интернациональному долгу, боролись за победу Октябрьской социалистической революции, героически защищали Советскую власть от интервентов и белогвардейцев, рассматривая утверждение диктатуры пролетариата в России как свое кровное дело.

Автор описывает также, как развивалось под влиянием Октябрьской социалистической революции революционное движение в Китае, где ему пришлось побывать в 1919 году и начале 1920 года.

Арманд Абрамович Мюллер

В пламени революции (1917—1920 гг.)

Редактор *В. Г. Фридман*

Обложка художника *С. А. Трофимова*

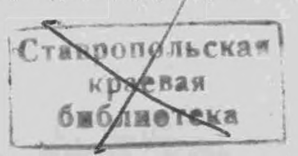
Техн. редактор *Т. И. Сорокина*

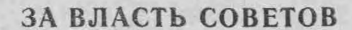
Корректор *Л. И. Кудинова*

Сдано в набор 26 сентября 1957 г. Подп. к печати 15 ноября 1957 г.
Печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 9,2. Бум. 84×108/32. Заказ № 1557. Тираж 3000. НЕ 0470

Иркутское книжное издательство, ул. Красной звезды, 18.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ЧЕРНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

28 июля 1914 года в 6 часов вечера в моем родном городе Панчова, расположенном против сербской столицы — Белграда, загремели впервые в Европе пушки. Гром их явился как бы третьим звонком и одновременно поднятием занавеса перед премьерой долгожданного империалистами спектакля.

В этот день австро-венгерская артиллерия из орудий, разместившихся за дунайской дамбой, обстреляла гранатами крепость, выстроенную сербами еще в XIV веке против турок, правительственные здания и мирное население Белграда. Непрерывно в течение трех часов грохотали пушки, как бы демонстрируя мощь и силу Австро-Венгерской монархии.

Когда стемнело, артиллеристы снялись и спокойно возвратились в свои казармы, как будто после маневров. Взамен их на ночную охрану границ отправилась дунайская флотилия мониторов.

Ночью перед многотысячной толпой, собравшейся у берегов Дуная и Темеш, открылась жуткая картина.

Столица Сербии — город Белград, расположенный в пяти километрах от Панчова на высоких холмах, омываемых реками Дунаем и Савой, — была объята огнем. Багровое пламя колоссального пожара освещало небо.

Телеграф нервно работал, передавая всему миру: «Белград в огне».

Война между Австро-Венгерской монархией и Сербией началась.

В толпе, стоявшей на берегу, было не мало шовинистов; они восхищались разрушительным пожаром, по-

здравляли и обнимали друг друга: «Превосходно стреляли!», «Пускай гибнут эти свинопасы», «Мы им покажем!»

На большой площади города с балкона магистрата выступали представители политических партий. Здесь в трогательном единении оказались представители «партии 1867 года», руководимой графом Тисса (эти государственные либералы исповедовали платформу «мирного сотрудничества» с Австрией), венгерской независимой национальной партии — «партии 1848 года», ратовавшей за отделение от Австрии, социал-демократической партии.

Бургомистр доктор Рада авторитетно заявлял:

— Через три месяца войну закончим как победители, ибо в союзе с Германией мы превратим весь мир в наших послушных рабов.

По улицам до поздней ночи шли тысячные толпы с факелами. В ресторанах и кафе, до отказа переполненных местной буржуазией, веселились генералы и сотни офицеров. Капелла венгерских цыган темпераментнее, чем когда-либо, непрерывно играла чардаш.

Топот гусаров-аристократов в такт бешеной музыке колебал люстры, лампы, стулья, зеркала. Никогда не выпивалось столько шампанского и токайского, как в этот вечер.

На следующий день с раннего утра город стал еще многолюднее. Тысячи телег запрудили улицы: из близлежащих деревень ехали мобилизованные крестьяне. Среди них — высокие, стройные венгры, с закрученными усами, в белых широких полотняных шароварах, в жилетах и круглых черных шляпах, в черных, начищенных до блеска сапогах. Тут и широкоплечие, плотные немцы, и смущенные грозными событиями сербы, румыны и словаки.

Крестьяне расположились прямо на улицах и возле казарм, вынули из своих чемоданов и торб скромную еду: хлеб, сало, колбасу. Ели медленно, задумчиво, под плач и рыдания провожающих жен, детей, отцов, матерей.

В первые же дни войны австро-венгерские власти распространяли провокационные слухи о предательстве и шпионаже сербского населения пограничной полосы. Венгерская жандармерия приступила к рас-

праве и массовым арестам сербов — руководителей буржуазных националистов.

Только в одном нашем округе жили представители пяти национальностей, и это положение таило в себе большую опасность для монархии. Еще задолго до войны выборы в парламент происходили всегда в самой напряженной обстановке и сопровождались столкновениями между немецко-венгерским и сербским населением. Реакционное избирательное право, охраняемое всем аппаратом государственной власти, не давало возможности иметь своих представителей в парламенте ни трудящимся, ни национальным меньшинствам, хотя они в нашем округе составляли абсолютное большинство населения.

Если верхи австрийской буржуазии смыкались с сербской, венгерской, югославянской, так же как и с жалкими предателями из социал-демократического руководства, то с самой массой национальных меньшинств, в первую очередь с сербами, контакта они не могли установить.

В первые дни войны солдаты из крестьян (сербы, румыны, словаки) держались обособленно. Их молчаливая отчужденность, лишенная всякого, даже внешнего, проявления воодушевления, говорила больше слов о горечи людей. Только поражение монархии могло открыть путь к объединению югославянских народов в единое государство, к чему они стремились десятки лет.

Политика сербо-хорватских националистических деятелей проводилась по двум линиям. Официально она сводилась к требованию образовать в рамках Австро-Венгерской монархии третью равноправную составную часть, то есть превратить дуалистическую монархию в триалистическую, в которой территория с югославским населением стала бы равноправным партнером с Австрией и Венгрией, а государство должно было бы называться Австро-Венгерско-Югославской монархией под эгидой Габсбургской династии. Ведя официально борьбу за эту концепцию, сербо-хорватские националисты из тактических соображений не ставили вопроса об объединении с Сербией и образовании вместе с ней совершенно самостоятельного югославского государства.

Правящие круги как Австрии, так и Венгрии были против этих стремлений, рассматривая их как угрозу мощи, а возможно и полного распада монархии.

По существу же сербо-хорватские националисты Австро-Венгрии ставили перед собой задачу объединения с Сербией, но эта работа велась сугубо конспиративно и поддерживалась политическими деятелями Антанты.

Из Сербии в Австро-Венгрию направлялись сотни агитаторов в лице музыкантов, певцов, артистов, туристов. Их задача: подогреть националистические стремления югославян. Обстановка все более накалялась, особенно после Балканской войны 1912 года, и достигла максимального напряжения летом 1914 года, к моменту убийства наследника престола Франца Фердинанда в Сараеве. Едва ли монархия не учитывала опаснейших тенденций объединения югославян. Попав в фарватер германского империализма, она не могла вести самостоятельную политику. Удовлетворить требования югославян — означало бы способствовать созданию нового государства из чехов и словаков и объединению румынского населения Трансильвании с Румынией. Все это не было в интересах правящих кругов Австро-Венгрии и прежде всего германского империализма, который хотел видеть в Австро-Венгрии, своем младшем партнере, такого союзника, который по существу служил бы трамплином для осуществления германской захватнической политики на востоке.

Значит, война, и чем раньше, тем лучше, — таков был лозунг двух враждебных лагерей.

Капиталисты и той и другой стороны должны были разрешить задачу — разделить мир на победителей и побежденных, чтобы одна группа за счет другой монопольно владела источниками нефти, угля, металла, хлопка, каучука, важнейшими мировыми путями сообщения, рынком рабского труда и рынком сбыта своих промышленных и сельскохозяйственных изделий.

Усиленное преследование национальных меньшинств скоро сказалось на фронтах, где славянские полки охотно сдавались в плен.

Фронты удлинялись, все большие и большие массы людей втягивались в эту грандиозную бойню.

Какие три месяца?! Уже седьмой месяц шла война, но как будто только начиналась по-настоящему.

На сербском фронте бои приняли позиционный характер. Венгерские и австро-немецкие полки иногда предпринимали десантные операции через реки Саву и Дрину, но не всегда удачно. Месяцами солдаты сидели в сырых окопах. Краснощекие, здоровые мужчины побледнели и ослабли, шатались, как пьяные.

В Карпатских ущельях и за хребтами Карпат большие морозы, недоедание и постоянные бои истощали людей. Кругом — опустошение, разруха.

Десятки тысяч солдат гибли в этой борьбе, и это способствовало освобождению других от вредной иллюзии скорого окончания войны. Упоминание истасканных фраз о всеобщей победе вызывало теперь у солдат саркастический смех.

Ежедневные встречи с большими колоннами русских пленных, среди которых нередко встречались знающие немецкий язык, и их совершенно иные взгляды на причины возникновения и цели войны заставляли солдат задумываться.

Наши части все чаще пополнялись солдатами старших возрастов: оторванными от своего труда малоземельными и безземельными крестьянами-батраками, пожилыми рабочими, которые своим классовым инстинктом чувствовали ложь ура-патриотической пропаганды. Все это помогало тому, что солдаты начинали мало-помалу разбираться в кровавом хаосе мировой бойни.

Угар шовинизма и все еще крепкая воинская дисциплина в первый год войны сдерживали развитие пацифистских настроений. Внешне сохранялось благополучие и преданность солдатских масс. Но время делало свое. Люди гибли кругом как мухи. Что стоила жизнь человека и целых подразделений? Ровным счетом ничего. Жестокие бои сметали с лица земли целые полки. Погибли они или попали в плен — об этом в окопах не знали.

В середине февраля 1915 года я, попав со своей ротой в плен к русским, по дороге из Самбора в Львов наблюдал, как озабоченность солдат своей дальнейшей судьбой скоро сменилась настроением внутреннего облегчения. Рабочие, еще вчера воевавшие, сегодня

высказывали затаенное: «Как хорошо было бы поступить работать на фабрику или завод»; крестьяне же мечтали о хозяйстве и полевых работах: «Ведь и у русских тоже большие потери, им нужны рабочие руки, и почему бы нам не дать работу».

По дороге от Львова через Броды, Радзивилов, Ровно, Дубно до Киева отдельные солдаты в своих рассуждениях пошли еще дальше: «Мы подружимся на предприятиях с русскими рабочими. Социал-демократы мы или нет?! Нас учили: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Однако во время длительной поездки из Киева через Харьков, Пензу, Самару, Челябинск, Петропавловск, Омск, Новониколаевск в Томск, где нас, пленных, временно оставили на лето, выяснилось, что расчеты получить работу на предприятиях больших городов и связанную с этим личную свободу для нас иллюзорны, так как строго воспрещалось даже простое общение или разговоры с населением. Льготы в виде работы и личной свободы предоставлялись только чехам, сербам и владеющим русским языком полякам.

Приток новых военнопленных продолжался, причем их отправляли все дальше в глубь страны: за Урал, в Среднюю Азию, в Сибирь и на Дальний Восток, где вопросы снабжения продовольствием огромной массы людей не представляли трудности.

К тому же в Восточной Сибири во многих местах имелись военные городки, выстроенные царским правительством до и во время русско-японской войны, где в больших бараках можно было разместить военнопленных.

Я с большой партией в мае 1915 года попал первоначально в Томск, а осенью того же года после новой сортировки пленных с группой 1200 человек был направлен в Песчанский городок, расположенный недалеко от города Читы.

В 1916 году здесь одно время было сосредоточено 7—8 тысяч военнопленных разных национальностей.

Царское правительство во всех лагерях Сибири проводило жестокую политику. Чиновники бездушно относились к военнопленным солдатам. После длительных переездов из города в город пленных, прибывших к месту назначения, размещали в грязных, холодных

бараках по 100 и более человек; иногда привозили на совершенно голое место, и военнопленные должны были сами строить жилища. В бараках были устроены нары в несколько этажей; пленным не давали ни шинелей, ни обуви, ни белья, ни одеял. Не хватало продуктов питания, безобразно было поставлено медицинское обслуживание. Жизнь становилась еще тяжелее оттого, что пленные не знали ни языка, ни обычаев новой страны.

Зато в полной мере мы познали неслыханную эксплуатацию со стороны царских чиновников и их прихвостней. Эта свора грабила военнопленных со всех сторон: комендант лагеря наживался на выделенных для военнопленных продуктах, белье и топливе; для предпринимателей и помещиков военнопленные являлись бесплатной рабочей силой; за малейшую провинность их избивали нагайками, заставляли простаивать по 2—3 часа без движения с тяжестью за спиной в сибирский мороз.

В 1915 году в 40 лагерях, в 1916 году в 52 лагерях, в 1917 году в 33 лагерях свирепствовали различные эпидемические заболевания, главным образом тиф. От болезней погибло больше военнопленных, чем на русско-румынском фронте империалистической войны. В австро-венгерской армии за 4 года (1914—1918 гг.) на Восточном фронте погибло 312 581 человек, а в плену умерло 471 398 человек.

На постройке Мурманской и Амурской железных дорог военнопленные массами гибли от непосильного труда, голода и тифа. Еще больше погибло пленных в многочисленных лагерях Сибири, Средней Азии и других местах Российской империи от голода и разных эпидемий. Кто бывал в Чите и ее окрестностях в период 1915—1918 годов, тот помнит огромное кладбище военнопленных с тысячами стандартных крестиков.

Во всех лагерях бросалась в глаза полная материальная обеспеченность военнопленных офицеров, ежемесячно получавших в зависимости от чина из русской казны жалованье 50—100 руб., и нищета солдатских масс. Офицеры везде уютно устраивались, доставали постели, теплую обувь и одежду, они часто получали посылки с родины и денежные переводы. Каж-

дый год посещали лагерь представители кайзера, обыкновенно графини-шпионки, разные гранд-дамы; они привозили офицерам ценные подарки, а солдатам маленькие, специально изготовленные библии с приветом от кайзера и призывали их со сладкой улыбкой терпеливо ждать конца войны и возвращения на любимую кайзеровскую родину.

Офицеры имели в своем распоряжении клубы, библиотеки-читальни, концертные, спортивные помещения и костел с полным оборудованием, где католические пленные священники совершали богослужения. Размещались офицеры в хороших зданиях по 10—20 человек, имели свои кухни, в которых приготовлялась изысканная пища. Продукты доставали из города, не считаясь с ценами, скупая все, что требовалось.

В сибирских городах уже в конце 1916 и в начале 1917 года заметно стал чувствоваться кризис с доставкой из сел продуктов питания. Цены росли. Большие аппетиты военнопленных офицеров использовались торговцами для взвинчивания цен на рынке, что, естественно, вызывало недовольство населения.

Это обстоятельство использовали, между прочим, русские шовинисты, выступая в печати с требованием не допускать пленных к рынку, не продавать им продуктов питания. Однако дело ограничилось лишь разговорами; мало того, предприимчивые сибирские купцы и коммерсанты, несмотря на свой «патриотизм», давали пленным офицерам деньги взаймы даже с погашением долга лишь после окончания войны, разумеется, при высоких процентах.

На устраиваемых пленными офицерами музыкальных концертах появлялось вначале только лагерное начальство, обычно отставной полковник с семьей и адъютантами, а в скором времени стало бывать все офицерство города с семьями и избранная городская буржуазия. В антрактах велись самые безобидные «культурные» разговоры. Странные взаимоотношения: мирные беседы в тылу, а на фронтах продолжающееся кровопролитие и взаимное истребление.

Знатные люди из буржуазного общества скоро свыклись с офицерским миром враждебной страны, и это взаимное тяготение росло по мере затягивания войны.

«Малина, а не жизнь», — говорили некоторые офицеры. Одно только маленькое обстоятельство портило настроение этим филистерам — между многочисленными национальностями военнопленных Австро-Венгерской монархии, как и в самой стране, все более усиливался антагонизм.

Ранее всех взбунтовались чехи, затем австрийские поляки, потом сербы, итальянцы, румыны. Усилилась старая вражда между австрийскими немцами и венграми. В конце 1916 года и в 1917 году дело доходило до драк и избиения кадровых и штабных офицеров, представляющих германскую и австрийскую государственную власть.

Представители славян и других национальностей выступили с декларацией о необходимости полного отделения от Австро-Венгерской монархии.

В этой обстановке активную деятельность развернули буржуазные националисты, стремясь использовать благоприятную ситуацию в своих узкоклассовых целях.

Буржуазных националистов поддерживали и царское правительство, и вся антантовская пресса, доставлявшаяся в Россию и попадавшая в лагеря. Большое усердие в этом направлении проявлял в Англии чешский буржуазный деятель доктор Массарик со своими сподвижниками из национального совета.

Хотя пленные офицеры еще сохраняли влияние на своих солдат, последние далеко не все их поддерживали.

Война и плен многим открыли глаза.

Жизнь рядовых военнопленных была тяжелым испытанием. Промышленных предприятий в Сибири было мало. Приходилось наниматься денщиками к своим офицерам, делать кустарные художественные изделия и продавать их за бесценок своим же офицерам или русским посредникам-перекупщикам.

Постепенно в лагерях открывались многочисленные мастерские: сапожные, портняжные, часовые, столярные, слесарные и другие, где выполнялись заказы лагерного начальства; впоследствии стали принимать и заказы из города. Работать в таких мастерских считалось счастьем: как ни был мал заработок, он давал возможность хоть немного улучшить свое питание.

Военнопленные же, работавшие на фабриках, заводах, в шахтах,[1] на участках железнодорожного строительства, на лесозаготовках вместе с русскими рабочими, хотя первоначально с трудом объяснялись с ними из-за незнания русского языка, все же скоро сблизились благодаря общей трудовой деятельности, одинаковому нищенскому положению. Положение этой категории военнопленных было крайне тяжелым: работая и находясь одновременно под надзором, они получали за одинаковый с русскими рабочими труд лишь половину и даже менее платы и не имели возможности сменить износившееся обмундирование. В случае невыполнения повышенных, непосильных норм выработки (лесозаготовки, земляные работы) они подвергались репрессиям, избиениям. Все это истощало терпение военнопленных. В беседах с русскими рабочими выяснялось, что военнопленным также была ненавистна затянувшаяся война, так как чьей бы победой она не закончилась, это было бы выгодно только капиталистам, а не трудящимся. Военнопленные начинали понимать, что в предвоенные годы и особенно в начале войны их ввели в заблуждение и отравили ядом шовинизма.

Лживая пропаганда правительственных кругов о том, что победа над врагом будет очень скоро завоевана, что зачинщикам войны за это придется очень дорого заплатить, что после войны на родине наступит небывалое процветание, жизнь станет лучше и, наконец, что это — последняя война, после которой наступит вечный мир и благоденствие, сыграла свою роль. Да

---

[1] Военнопленные работали не только на строительстве Мурманской железной дороги, огромное количество их работало на Дону и Донце, на рытье каналов и выкорчевке леса, в сельском хозяйстве на Урале и Украине, на фабриках и заводах. Так, в 1915 году удельный вес военнопленных, работавших на шахтах Урала, составлял 18 процентов, на шахтах Донбасса — 11, а в отдельных местах доходил до 60 процентов. В Европейской России военнопленные работали в 838 местах. В 1916 году число работающих военнопленных значительно увеличилось, только в Европейской России на сельскохозяйственных работах было занято 545 тыс. человек, на выкорчевке леса — 160 тыс., на шахтах — 294 тыс., на сахарных заводах — 60 тыс., на строительстве железных дорог и водных каналов — 168 тыс., на разном строительстве — 103 тыс., всего — около полутора миллионов человек. (примечание автора).

и как же было не верить в правдивость таких заявлений, когда вожди социал-демократической партии внушали трудящимся, что Германия и Австро-Венгрия ведут оборонительную войну, что война против Антанты справедлива и что жертвы, принесенные на алтарь родины, дадут после войны свои плоды — мир, счастье и процветание.

Но на второй и третий годы войны многие военнопленные из рабочих и крестьян начали постепенно отрезвляться, и в этом большую роль сыграло общение с русскими рабочими, имевшими большой опыт борьбы против царизма. Известную роль сыграла пропагандистская работа молодых офицеров — революционных социал-демократов, — определенно настроенных против войны и требовавших ее немедленного прекращения без всяких условий, ратовавших за заключение справедливого мира. Организовывались небольшие группы единомышленников, которые постепенно и с осторожностью связывались с военнопленными солдатами из рабочих. Такие группы революционно настроенных офицеров разъясняли солдатам сущность социал-шовинизма и предательство вождей социал-демократов, необходимость доведения классовой борьбы до торжества социализма. Уже в конце 1916 года велась антивоенная и революционная пропаганда среди военнопленных как на предприятиях, так и в больших лагерях. На Урале на Надеждинском военном заводе среди работавших там военнопленных такую работу вел Самфли Тибор; в Омском лагере среди немецких пленных—Карл Томан, один из сподвижников Фридриха Адлера, среди венгров — Мегети Кароль; в Томске среди венгров — Бела Кун, среди немцев — Макс Юнг; в Иркутске — Фихтер и Эмбер, оба владеющие немецким и венгерским языками; в Чите — Штейнгардт, Мюллер и Гримм, все трое также владели обоими языками.

В 1917 году революционные социал-демократы усилили пропагандистскую работу среди военнопленных, проводя ее под ленинским лозунгом: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Узнали мы о Ленине и его позиции из буржуазных газет. В Песчанке в офицерском клубе военнопленных была богатая библиотека. Книги на наиболее распро-

А. А. Мюллер.

страненных языках Европы доставлялись посылками от близких, а также через шведский Красный крест. Помимо книг и журналов, мы получали также газеты стран Антанты и швейцарские газеты на немецком языке из Цюриха и других городов. Эти газеты, выходившие в нейтральной стране, царское правительство разрешало читать военнопленным.

В декабре 1916 года в одной из газет была помещена большая статья какого-то политического обозревателя, освещавшая положение на фронтах и в тылу воюющих стран. В статье говорилось о том, что в случае затягивания войны капиталистическому миру и прежде всего России, Австро-Венгрии и Германии грозит серьезная опасность.

В доказательство обозреватель ссылался на происходившие в 1915 году в Циммервальде, а затем в 1916 году в Кинтале конференции «экстремистских», по его выражению, элементов социал-демократических партий Европы и на Ленина как «идеолога новой доктрины». Автор изображал В. И. Ленина как раскольника рабочих партий и организатора «безумного заговора», поставившего целью превратить мировую войну в войну гражданскую. Он указывал, что Ленин провозглашает необходимость обратить винтовки солдат воюющих стран против своих господствующих классов, чтобы свергнуть власть буржуазии и установить длительный мир.

Ленин изображался автором как человек большой эрудиции, сильной воли, страстный фанатик, на мельницу которого льет воду затянувшаяся война. Она, разумеется, чинит большие разрушения, требует массы человеческих жертв, а отсюда то тут, то там возникает недовольство, слабеет чувство патриотического долга.

В конце статьи этот обозреватель дал правительствам воюющих стран совет поддержать «разумных» вождей социал-демократических партий, которые ищут выхода не в революционных переворотах, а всей душой поддерживают свои правительства. Заканчивалась статья примерно так. С исторической точки зрения в конце концов даже неважно, какая из группировок: Антанта или Тройственный союз — победит, важно всеми способами предотвратить намерение радикальных элементов во главе с русским Лениным осуществить на практике социальную революцию, ибо это был бы конец нашим общественным порядкам и конец цивилизации.

Не напрасно напуганный буржуазный обозреватель советовал капиталистическим странам отказаться даже от своих государственных границ и объединиться в Европейские Соединенные Штаты, лишь бы не торжествовала социалистическая революция, лишь бы сохранить свои привилегии и «право» на ограбление трудящихся масс. Автор этой статьи раскрыл мысли буржуазии и поставил «точку над і».

Из этой газеты мы со Штейнгардтом впервые узнали о том, что Ленин возглавляет борьбу трудящихся

всего мира за свержение буржуазии и установление справедливого длительного мира.

Эту газету мы решили дать прочесть и другим пленным, настроение которых мы хорошо знали, а спустя неделю собралось нас человек восемь и совместно обсудили статью. Так возникла у нас группа горячих сторонников революционной тактики Ленина. Мы теперь знали, что делать. Это было в конце декабря 1916 года.

Через два месяца поступили волнующие телеграммы из Петрограда о свержении царского самодержавия.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

Деятельность нашей революционной антивоенной группы протекала в весьма сложной и путаной обстановке Забайкалья.

Февральская революция произвела огромное впечатление и была принята с радостным возбуждением не только русскими рабочими и солдатами, но также и военнопленными солдатами. «Русские рабочие и революционные солдаты свергли царя, теперь — конец войне», — эту мысль родила революция в солдатской массе военнопленных. Они ждали мира так же, как его жаждали народные массы России. Однако мир еще надо было завоевывать.

Вскоре после первых восторгов от Февральской революции мы испытали и первые разочарования, услышали все тот же истасканный лозунг «Война до победного конца», правда, уже не о «спасении России», а о «спасении революции».

На улицах Читы мы видели, что лидеры русских социалистов,[1] в недавнем прошлом политические заключенные и ссыльнопоселенцы, теперь, в дни революции, ведут интимные разговоры с высшими чинами армии.

«С такими людьми каши не сварить, — говорил мне Штейнгардт. — Надо ближе связаться с рабочими главных железнодорожных мастерских Читы-I: ведь

---

[1] Автор имеет в виду лидеров социалистов-революционеров и меньшевиков (примечание редакции).

они не могут забыть славный Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов 1905 года».

4 марта 1917 года в Чите состоялось организационное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, но преобладающее большинство на нем имели меньшевики и эсеры, которые всячески старались тормозить дальнейшее развитие революции.

Пределом устремлений соглашателей был парламент, как в западноевропейских странах, и буржуазная демократия при сохранении капитализма. Полагая, что отсталой России понадобится до построения социализма не менее 100 лет, эти «социалисты» проповедовали рабочим и солдатам тактику воздержания от захвата власти.

12 марта 1917 года в газете «Забайкальский рабочий» — официальном органе Читинского комитета РСДРП, в котором ведущую роль в этот период играли меньшевики, — появились весьма знаменательные строки: «Победитель-народ в лице пролетариата и армии проявил величайшую политическую мудрость: он отказался от власти, то есть воздержался от лозунга революции социальной».

Эсеро-меньшевистская линия «воздержания» от курса на социалистическую революцию характерна для Читинского комитета не только в первые дни революции, но и на последующих ее этапах, когда партия большевиков приняла и уже осуществляла ленинский план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Руководители читинских большевиков не создали самостоятельной партийной организации. Они считали, что при расколе большевики потеряют газету «Забайкальский рабочий», которая редактировалась меньшевиками и находилась в их руках, типографию, влияние на кооперации и т. д. Читинский комитет РСДРП объединял большевиков и меньшевиков. Это «сожительство» накладывало неизгладимый отпечаток компромиссов и колебаний, отставания организации от революционных сдвигов в настроении рабочих и солдатских масс, для которых лозунг «Вся власть Советам!» становился основным лозунгом, отражавшим их кровные интересы в борьбе за мир, землю и рабочий контроль над производством.

Власть в Чите оказалась не у рабочих и солдат. В первые же дни Февральской революции на авансцену выступил Комитет общественных организаций, олицетворявший коалицию соглашательских и буржуазных партий. Он осуществлял власть как местный орган Временного правительства, оттеснив в сторону Совет рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики и эсеры, полностью поддерживая политику буржуазного Временного правительства, ратовали за продолжение войны до победоносного конца и раздували шовинизм под видом «революционного оборончества».

Если в первые дни и месяцы под влиянием Февральской революции режим, существовавший в нашем лагере военнопленных, несколько смягчился, то в период июня—сентября, когда русскую армию бросили в наступление, поток возобновившихся репрессий сделал режим в лагерях нестерпимым. Военнопленных солдат почти перестали кормить, участились случаи избиения, вновь ввели принудительные работы. У многих военнопленных отняли право работать в разных кустарных мастерских в Чите, выходить из лагеря стало трудным делом.

Лагерное начальство за короткое время дважды сменилось. Охрану лагерей также заменили, прежнюю направили на фронт. Начальство запрещало какое бы то ни было общение солдат и офицеров охраны с военнопленными, требуя, чтобы последних даже не допускали к заборам. Воспрещалось общение военнопленных офицеров с солдатами; размещенные в одном лагере, они были отделены друг от друга забором.

Находившиеся сейчас в охране пожилые солдаты-ополченцы относились к военнопленным неплохо. Они старались формально соблюдать дисциплину и выполнять приказы своего начальства, опасаясь, что в случае нарушения воинской дисциплины их могут отправить в штрафной батальон на фронт, чего ни один из солдат не хотел, особенно после Февральской революции. Они жаждали мира и возвращения в родные места, может быть, мечтали получить там и землю в собственность. Поэтому, как только офицеры заканчивали проверки постов, начинались дружеские разговоры солдат охраны с военнопленными.

В июльские дни 1917 года, когда коалиционное Временное правительство расстреляло демонстрацию революционных рабочих и солдат Петрограда, объединенное заседание Читинского комитета общественных организаций, исполкомов городского Совета рабочих и солдатских депутатов и областного Совета крестьянских депутатов большинством голосов одобрило действия Временного правительства.

Это позорное решение вызвало возмущение рабочих предательством эсеров и меньшевиков. Большевики и меньшевики-интернационалисты порвали с меньшевиками-оборонцами, образовали организацию социал-демократов интернационалистов и объявили, что они стоят на позициях газеты «Новая жизнь». [1]

Известны весьма шаткие позиции «новожизненцев», прозванных Лениным «партией бесхарактерных» из-за их политических колебаний.

С колебаниями социал-демократов интернационалистов нам пришлось столкнуться на практике, когда в центре Октябрьская социалистическая революция завершилась созданием первого в мире пролетарского государства и нужно было осуществить переход власти в руки Советов на местах.

Нам, военнопленным, нелегко было разобраться в обстановке главным образом из-за колеблющегося поведения Читинского комитета РСДРП по основному вопросу революции — о переходе всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В летние месяцы 1917 года Штейнгардт мне говорил, что настроение большинства рабочих определенно боевое, но в местном комитете РСДРП что-то неладное, непонятное: некоторые товарищи высказываются за ленинскую тактику, но большинство — против. Такое впечатление сложилось у него после бесед со многими работниками комитета. Поэтому мы со Штейнгардтом решили, что лучше теснее связаться с рабочими: «Тут разочарования не будет, это более надежно».

---

[1] «Новая жизнь» — ежедневная газета меньшевистского направления. Выходила с апреля 1917 г. по июль 1918 г. Группировавшиеся вокруг газеты элементы постоянно колебались между соглашателями и большевиками (примечание редакции).

В конце августа и начале сентября 1917 года Штейнгардт, имевший к тому времени надежные связи с рабочими железнодорожных мастерских Читы-I, предложил мне использовать телегу, на которой доставляли лагерную почту, для перевозки винтовок и патронов.

В конце августа железнодорожные рабочие вручили нам 11, а в начале сентября еще 19 винтовок с патронами. С помощью двух военнопленных — Кираля и Асталоша, работавших в городе, — я перевез эти винтовки на окраину Читы, в район городской бойни, в трех километрах от нашего лагеря, и оставил их на хранение молодому рабочему Гулину.

Как я уже указывал, лагерное начальство запрещало общаться военнопленным офицерам с солдатами, но мне повезло. В конце 1916 года на меня была возложена обязанность помогать лагерному почтмейстеру из военнопленных офицеров получать и раздавать почту в солдатском лагере. Часто по почтовым делам приходилось бывать мне и в Чите. Благодаря этому обстоятельству я мог осуществлять связь с революционной группой в солдатском лагере и со Штейнгардтом. Наш дорогой Ференц был специалистом-электротехником и большую часть дня находился на электростанции и в железнодорожных мастерских в Чите, которые он обслуживал. Таким образом, Штейнгардт и я постоянно держали связь с нашей группой солдат в лагере и некоторыми военнопленными в городе, снабжая их новостями из газет, сведениями о настроении рабочих, о положении в Читинском комитете РСДРП, о соотношении классовых сил, о перспективах дальнейшего развития революции, о задачах нашей работы среди военнопленных.

Накануне Октябрьской революции в Чите и в Забайкалье сложилась очень сложная политическая обстановка.

В центре области — Чите власть по-прежнему находилась в руках Комитета общественных организаций, в который входили и представители большевиков.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были фактически разобщены, и деятельность их сведена к роли своеобразных профессиональных организаций. Выделялся своими революционными пози-

циями Совет рабочих депутатов Читы-I. Во главе его стояли рабочие-большевики. Вместе с тем и в этом основном рабочем районе значительным влиянием пользовались левые эсеры и анархисты.

Совет крестьянских депутатов был целиком в руках правых эсеров.

Верхушка казачества, возглавляемая бывшим членом Государственной думы Таскиным и генералом Шильниковым, являлась организатором реакционного «Союза казачьих войск» в Забайкалье.

При содействии этого «Союза» есаул Семенов вербовал казаков в свою «дивизию».

В такой неблагоприятной для большевиков Читы обстановке получены были первые сведения об Октябрьской революции.

Но победа социалистической революции в центре всколыхнула трудящихся Забайкалья. В тот же вечер, 25 октября (7 ноября), собрание профессионального союза печатников единодушно приветствовало переход власти к Советам: «Долой Керенского и его единомышленников!», «Вся власть Советам!» — так указывалось в резолюции собрания.

27 октября (9 ноября) железнодорожники, требуя перехода власти к Советам, заявили, что они будут бороться против всяких попыток восстановления власти буржуазного Временного правительства. В конце ноября объединенное собрание всех профсоюзов города приветствовало решение II Всероссийского съезда Советов о передаче власти Советам.

Военные власти в Чите и Песчанке заявили о своей солидарности и полном единении с Советами. Рабочие Читы приступили к созданию Красной гвардии.

Учитывая изменение обстановки, мы провели совещание своей организации и приняли решение направить в Читинскую Красную гвардию 11 вооруженных интернационалистов и выделить 30 товарищей для охраны лагеря.

В эти дни наша организация начала действовать открыто. Я и Гримм из офицерского лагеря переселились в солдатский. К 20 декабря 1917 года наша прежде нелегальная организация насчитывала уже около 40 человек, которые считали, что дело Октябрьской социалистической революции есть кровное дело про-

летариата всего мира, и готовы были защищать ее с оружием в руках. К этому времени наша организация интернационалистов-военнопленных уже установила хорошие братские отношения не только с Красной гвардией в городе, но и с солдатами из ополченской дружины.

Из четырех дружин, охранявших лагеря военнопленных, три были распущены, и дружинники вскоре уехали в родные места — на Волгу, в Татарию и на Урал. Одна дружина хотя и осталась со своим командным составом в казарме, но охранять нас отказалась. Это дало нам возможность созвать 20 декабря большой митинг в лагерях, на котором присутствовало несколько сот пленных солдат разных национальностей.

Первым на митинге выступил Штейнгардт. В своей пламенной речи он раскрыл громадное значение Октябрьской революции для пролетариата всего мира. Потом выступали Гримм, Вайсман, я и другие.

На митинге присутствовали делегаты от комитета дружинников. Председатель комитета т. Ксенофонтов, уральский рабочий, выступил перед военнопленными, передал нам большевистский привет от русских солдат и приглашение на митинг дружины.

На следующий день 10 наших представителей — Штейнгардт, Гримм, я, Вайсман, Шоош, Донат и другие — присутствовали на митинге дружинников. Мне поручили приветствовать русских солдат от нашей организации, так как я несколько лучше других владел русским языком. Я заявил, что мы, военнопленные, готовы с винтовкой в руках защищать первое пролетарское государство в мире. Оно дало труженикам мир, землю и свободу, оно предоставило одинаковые права всем национальностям, мы готовы защищать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — власть, которая покончила с эксплуатацией человека человеком. В заключение я призвал совместными усилиями защищать завоевания Октября. Дружинники в восторге подхватили нас и качали. После митинга Ксенофонтов сказал нам:

— Увидите, что через пару дней здесь не останется ни одного солдата из охраны, все мы вернемся в родные места, теперь вы свободны, как и мы.

Наши дружинники, уезжая домой, решили захватить с собой оружие. Ксенофонтов говорил:

— Кто знает, оно нам еще может понадобиться, но мы решили винтовок 20 оставить вам, приходите вечером и возьмите их.

22 декабря 1917 года офицерский и солдатский лагери военнопленных никем не охранялись: дружинники разъехались. Наша организация с утра 23 декабря решила взять лагерную охрану над офицерами в свои руки. Утром, когда большая группа офицеров уже вышла за ворота, намереваясь прогуляться в Читу, солдаты, вооруженные винтовками, загнали их обратно в лагерь. Офицеры возмущались, ругались, угрожали рассчитаться на родине; некоторые бросали камни в ворота, где стояла наша охрана, но когда услыхали щелканье винтовочных затворов, офицеры, как зайцы, разбежались по баракам.

В тот же день ворота солдатского лагеря военнопленных открылись, и каждый солдат мог свободно ходить, куда хотел.

Мы взяли под свой контроль питание военнопленных — рядовых солдат, стремились организовать медицинскую помощь больным, улучшить культурное обслуживание лагерей, потому что эти тысячи людей были лишены все тяжелые годы войны и плена минимальной человеческой заботы и внимания.

Свежий ветер революции проник и в наши мрачные, точно тюрьма, казармы.

ЧИТИНСКАЯ «ПРОБКА»

12 декабря Забайкальская областная конференция РСДРП в своей резолюции признала «неизбежный переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во всей Российской республике».

Однако это признание еще не означало перехода к решительным и смелым действиям для завоевания власти Советов в самом областном центре.

Числа 27 декабря мы узнали, что, вопреки воле рабочих утвердить власть Советов, читинские меньшевики и эсеры при участии группы большевиков еще 22 декабря создали коалиционный областной орган вла-

сти так называемый Народный совет во главе с лидером меньшевиков Ваксбергом.

Во многих городах Сибири — в Омске, Томске, Красноярске, Владивостоке — власть уже перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; в Иркутске трудящиеся отвоевали ее в девятидневных уличных боях, а у нас в Чите — коалиция. Народный совет объявил о переходе к нему «всех прав и обязанностей», которые принадлежали местным органам свергнутого Октябрьской революцией Временного правительства.

Участие большевиков в Народном совете совместно с меньшевиками и эсерами было большой ошибкой и свидетельствовало о наличии у них соглашательских, оппортунистических тенденций. Эсеры и меньшевики были изгнаны из Советов рабочих и солдатских депутатов в Забайкалье только 3 апреля 1918 года. Рабочие массы в Чите проявили больше решительности в борьбе за Советы, чем некоторые местные большевики.

Антисоветская сущность поведения меньшевиков и эсеров скоро выявилась вполне очевидно. Они сразу же пошли на сговор с белогвардейскими офицерами 1-го Читинского казачьего полка и совместными усилиями пытались разоружить Красную гвардию, горячую поборницу Советов, состоявшую главным образом из рабочих и фронтовиков, а также интернационалистов-военнопленных, имевших оружие, но на первых порах такая попытка кончилась неудачей.

В начале января казачий атаман Семенов, обосновавшийся на станции Маньчжурия на китайской территории, вторгся в Забайкалье и повел наступление на Читу, заняв станции Оловянная и Даурия.

Красная гвардия готовилась к немедленному выступлению против Семенова. Однако 15 января Народному совету при помощи командного состава 1-го Читинского казачьего полка удалось обезоружить красногвардейцев. Власть в городе перешла фактически в руки контрреволюционных элементов. В Чите наступили мрачные дни расправ с революционными рабочими. Облавы, аресты, грабежи были ежедневным явлением.

Забастовка печатников в Чите против белого разгула не улучшила положения революционных рабочих.

Около месяца торжествовали реакционеры. Белоказаки предприняли репрессивные меры также против руководителей организации интернационалистов-военнопленных, стоявших на позициях Октябрьской социалистической революции и Советской власти. Они с помощью шпиков — военнопленных офицеров — узнали фамилии наших активистов, находили их в лагере и при общем хохоте ватаги казаков издевательски пороли их в лесу между Песчанкой и Антипихой.

Правда, Штейнгардту, мне и Гримму удалось избежать этого наказания, ибо мы своевременно укрылись в Чите, захватив с собою даже наше богатство — 39 винтовок, но охрану в лагере пришлось временно распустить. На охрану лагерей военнопленных стали казаки 1-го Читинского казачьего полка, явно настроенные против Советской власти, против всех военнопленных.

Находясь в Чите в это тяжелое время, мы теснее связались с Матвеевым, Недорезовым и другими большевиками, осудившими собственное участие и участие некоторых других большевиков в Народном совете.

В начале февраля 1918 года через Читу начали возвращаться с фронта в родные места — в Забайкалье на Амур, в Приморье — казачьи полки, артиллеристы и большое количество пехотных частей. Прибывающие части определенно высказывались за большевистские Советы. Вагоны эшелонов были украшены красными флагами и лозунгами Октября.

Бросались в глаза организованность, дисциплина, спайка вооруженных солдат, особенно пехотинцев, они ходили группами вблизи вокзала, а затем направлялись в город. Встречая офицеров, солдаты этих частей предлагали им немедленно снять погоны Несомненно, точно так же они поступили бы и с самим атаманом Семеновым, если бы встретили его. Некоторые офицеры подчинялись без разговоров, но были и такие, которые заявляли со злобой: «Не снимем, можете сами снимать». Солдаты не церемонились и срезали погоны.

Сторонники атамана Семенова не зря увидели в них грозную силу. В ночь на 16 февраля революционный 2-й Читинский казачий полк совместно с Красной гвардией разоружил контрреволюционные воинские части в Чите. Народный совет был разогнан, власть

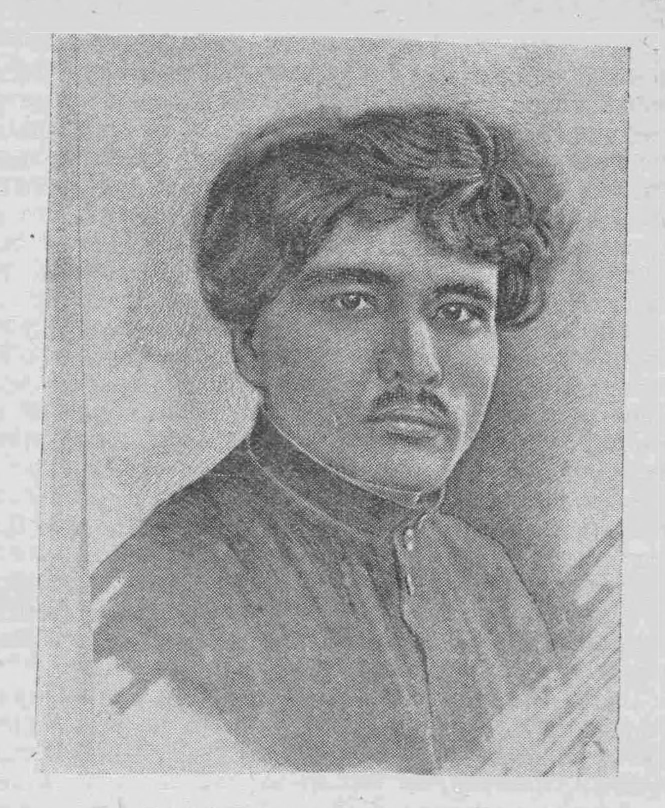
перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Сразу же стали формироваться отряды для борьбы с Семеновым, объявившим себя атаманом забайкальского казачества. Его банды, захватывая линию железной дороги, грозили Чите. Под руководством Сергея Георгиевича Лазо, назначенного Центросибирью командующим фронтом, войска Советов в течение двух недель разгромили атамана и вынудили с остатками войск бежать за границу. Атамана били не только рабочие и солдаты, но и революционные казаки. Казачьи полки три с половиной года пробыли в пекле империалистической бойни. Казалось, нет такой силы, которая могла бы заставить их продолжать войну. Но долг перед родиной — великая сила. Даже не заходя домой, революционные казаки пошли громить Семенова. Так же добровольно, по велению долга, на фронт пошли иностранные рабочие из военнопленных. Их первые отряды были сформированы революционными интернационалистами Омска и Томска, к ним примкнули бойцы революции из нашего лагеря.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ ИЗ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С переходом государственной власти в Чите в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов мы получили возможность усилить работу группы. Если в конце 1916 года нас было трое энтузиастов — Штейнгардт, Мюллер и Гримм, то в марте 1918 года в группу входило 45 человек разных национальностей. 22 марта состоялось организационное собрание нашей группы с целью оформления своей партийной организации. На это собрание мы пригласили председателя исполкома Советов Забайкалья И. А. Бутина и представителя читинских большевиков Д. С. Шилова. На этом закрытом собрании присутствовало 30 мадьяр и 15 немцев.

Нашим признанным руководителем был Ференц Штейнгардт, активный деятель венгерского рабочего движения, электромеханик будапештского завода «Ганц Данубиус». Он открыл это знаменательное для нас собрание, кратко рассказал о состоянии рабочего движения, напомнил о предательской роли профсоюзных, парламентских, партийных лидеров социал-де-

Член Сибвоенкомата Д. С. Шилов.

мократии западноевропейских стран еще до войны, их гнусном поведении перед войной и во время войны.

Штейнгардт особенно подчеркнул, что социал-демократические боссы и сейчас, после почти четырехлетнего кровопролития, поддерживают свои буржуазные правительства, ратуют за сохранение капиталистического строя. Он указал, что недалек тот день, когда рабочий класс раскусит их политику и покончит со своими вековыми угнетателями: капиталистами и с их лакеями — социал-предателями своих стран.

Штейнгардт говорил: «Великая заслуга Ленина — вождя русских большевиков — состоит в том, что он сумел разоблачить оппортунистов. Следуя его указаниям, русские большевики смело выступили с принципиальной позицией по коренным вопросам жизни об-

щества, парализовали влияние оппортунистов на рабочий класс, повели трудящихся России на штурм твердынь капитализма. В результате победоносно закончившейся Октябрьской революции рабочий класс России взял в свои руки власть, установил диктатуру пролетариата и начал строить социалистическое общество».

Рассказав, что деятельность Советов — новой формы государственной власти — развивается у нас на глазах, Штейнгардт заявил: «Основываясь на теории Маркса — Энгельса, целиком и полностью одобряя политическую линию и революционную тактику большевиков, мы заявляем, что дело Октябрьской революции и борьба русского пролетарита за советскую власть являются нашим кровным делом, которое мы будем защищать здесь, пока находимся в России, а после возвращения на родину будем бороться в Венгрии, Австрии, Германии. Мы сплотились и оформляемся сегодня, чтобы в организованном порядке систематически разъяснять военнопленным рабочим и крестьянам великое значение Октябрьской революции и напомнить им, что в европейских условиях, и там даже больше, чем в России, необходимо будет развернуть беспощадную борьбу против всяких попыток искажать, ревизовать марксизм, толкать рабочие массы на путь реформизма, на соглашение с капиталистами.

Когда мы вернемся на родину, мы должны будем через головы оппортунистов настойчиво и крепко связаться с рабочими и создать новую самостоятельную боевую партию».

Далее Штейнгардт предложил назвать нашу организацию «Интернационалисты-коммунисты». Он сказал также, что пока нашей организации целесообразно входить в местную организацию РСДРП(б) в Чите в качестве секции по аналогии с Иркутском, Омском и другими городами.

В развернувшихся прениях некоторые товарищи предлагали назвать нашу организацию «Интернационалисты-большевики», другие — «Интернационалисты», большинство же высказалось за наименование «Интернационалисты-коммунисты».

Прения продолжались и на следующий день. Выступивший на собрании Иван Афанасьевич Бутин по-

дробно рассказал о задачах Советской власти. Он тепло отозвался о заявлении Штейнгардта, что все присутствующие товарищи одобряют политику и тактику большевиков, что дело Октябрьской революции, дело русского рабочего класса — есть кровное дело венгерских коммунистов, которое они будут защищать до последней капли крови.

— Эта ваша декларация, — сказал Бутин, — выражает самое главное, чем жива и будет жить пролетарская революция. Она победила в России, она неминуемо победит и во всем мире.

Затем выступил Дмитрий Шилов:

— Спор ваш — назвать ли организацию большевистской или коммунистической — не существенный, потому что большевики, возглавив русский пролетариат в революции, стоят за построение социалистического общества, а это и есть начало перехода к коммунизму. Большевики и есть коммунисты.

Поскольку мы с вами стоим на одной политической платформе и перед нами стоят одни и те же задачи — совместная вооруженная борьба против врагов Октябрьской революции, — вы можете рассчитывать на полную поддержку читинских большевиков.

На собрании был избран партийный комитет в составе Штейнгардта, Мюллера и Гримма. Протокол собрания был послан в Москву Владимиру Ильичу Ленину.

С созданием своей партийной организации мы смогли более энергично проводить агитационно-пропагандистскую работу. Коммунисты-интернационалисты разъясняли значение Октябрьской социалистической революции не только для России, но и для народов всего мира. Эта работа имела тем большее значение, что войска германского империализма вторглись в советскую страну и захватили Украину, Угрожая Донбассу.

26 марта партийный комитет созвал митинг военнопленных в Песчанке, на котором присутствовало 600 человек. На митинге была принята резолюция против империалистической войны и наступления германского милитаризма на Советскую республику

«Мы, венгры, австрийцы, германцы, не желаем быть палачами русской революции. Дело русских ра-

бочих есть наше собственное дело. Долой заговор международной буржуазии! Да здравствует мировая пролетарская революция!»

После митинга в Песчанке 300 военнопленных организованно направились в Читу. Здесь на привокзальной площади, с участием военнопленных, живущих в городе, и представителей Читинского Совета (Матвеев и др.) состоялся митинг, на котором известная уже резолюция была одобрена присутствующими.

В агитационно-пропагандистской деятельности интернационалистам-коммунистам приходилось сталкиваться с большими трудностями. Сказывались укоренившиеся традиции социал-демократии в рабочем движении, национализм, десятками лет внедряемый буржуазными демократами. В Чите, Антипихе и Песчанке в начале 1918 года было около трех тысяч военнопленных, в том числе 600 офицеров. Смело можно утверждать, что больше половины из них (а многие у себя на родине были организованы в профсоюзы и состояли членами социал-демократических партий) приветствовали переход власти в России в руки пролетариата. Но немало было и таких, кто не освободился еще от старого наследия шовинизма. Это были люди, не совсем уверенные в неизбежной победе пролетариата, многие были связаны со своими реакционно настроенными офицерами, к голосу которых еще прислушивались. Многие офицеры препятствовали нашей работе подлой клеветой. Они запугивали своих солдат-соотечественников. «Это бунтари, разрушающие цивилизацию, религию и семью», — говорили они по нашему адресу.

Невзирая на эти препятствия, партийный комитет упорно проводил разъяснительную работу среди военнопленных. Наша организация часто организовывала чтение лекций на венгерском и немецком языках на темы: «Как, почему и в чьих интересах возникла империалистическая война?», «О значении Октябрьской социалистической революции», «О декретах Советского правительства и их значении». Через все доклады красной нитью проходила мысль о том, что мировой Октябрь будет рожден международной солидарностью и единым фронтом рабочего класса всех стран.

Часто на лекциях присутствовали военнопленные офицеры, призванные на войну из запаса; среди них

были профессора, адвокаты, инженеры; кое-кто из них даже состоял у себя на родине в социал-демократической партии. Они задавали докладчикам ехидные вопросы по поводу частной собственности, семьи, религии, организации труда и т. д. Помню выступление офицера запаса инженера Коха, уроженца Нижней Австрии. Он открыто высказался за «сотрудничество между капиталом и трудом», против революционных методов и тактики большевиков, за реформы, за парламентскую систему управления государством, как самую подходящую для рабочего класса. При этом Кох призывал военнопленных учиться у таких якобы авторитетных личностей в международном рабочем движении, как Бауэр, Каутский, Вандервельде, и даже их последователей в России — меньшевиков.

Присутствовавшие пленные поняли, что правда не на его стороне, и на такую фальшь и предательство ответили дружно: «Долой!». Один наш активист военнопленный ефрейтор из того же полка, что и Кох, знавший его ранее, задал вопрос этому социал-предателю:

— Господин обер-лейтенант, ведь вы работали до войны в концерне Алпина-Монтана. Скажите, почему концерн более трех лет ежемесячно посылал вам по 2000 крон? Скажите, за какие услуги дирекция проявляет такую заботу о вас? Скажите, какие секретные списки вы передали представителю шведского Красного креста?

Обер-лейтенант, бывший инженер, Кох побледнел и растерянно пошел к выходу, а вслед ему неслись крики:

— Шпион! Холуй! Спекулянт! Сколько бриллиантов и пушнины скупил за три года плена?

Достойный ответ получили и венгерские офицеры Денеш, Шранц, Новобацки, Берзевици и другие, расхваливавшие жизнь венгерских крестьян и рабочих и венгерскую буржуазную демократию.

ПОД ВЛИЯНИЕМ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В течение трех тяжелых лет войны и плена западноевропейские рабочие и крестьяне имели время задуматься над причинами своего горестного положения. Под влиянием пережитого и развернувшихся на их

глазах классовых боев и потрясений они стали как бы более развитыми и теперь уже критически относились ко многим вопросам, стремясь разобраться в происходящих событиях.

Важно отметить, что особенно большое впечатление произвели на военнопленных декреты II Всероссийского съезда Советов, происходившего в Петрограде 25—26 октября 1917 года.

Согласно декрету о земле право частной собственности на землю навсегда отменялось без всякого выкупа и заменялось всенародной государственной собственностью на землю. Помещичьи, удельные и монастырские земли передавались в безвозмездное пользование всех трудящихся.

Малоземельные крестьяне, батраки, составлявшие безусловное большинство военнопленных, говорили:

— Вот теперь мы знаем, как покончить с рабским трудом, с унижением, как осуществить вековую мечту своих отцов. Вот теперь знаем, как ее добыть, эту землю, которую мы сделали плодородной нашими руками, нашим горбом, но плодами ее пользуются черные вороны в рясах — князья римско-католической церкви, австрийские эрцгерцоги и венгерские дворяне, способные только на кутежи и разврат.

Один из типичных венгерских батраков, по фамилии Шоош, выступив на многолюдном собрании, проведенном нашей партийной организацией в марте 1918 года, сказал:

— Я бы теперь мог дать определенный ответ на поставленный нашим Петефи вопрос: «Что ела ты, земля, — ответь на мой вопрос, — что столько крови пьешь и столько пьешь ты слез?»

— Товарищи, помогая русским братьям рабочим и крестьянам защищать и укреплять Октябрьские завоевания, мы тем самым ускоряем шаги революции и передвигаем фронт революции к самой Венгрии: пора и нам предъявить счет господам.

Декреты Советского правительства по вопросу о мире и о земле были для всех крестьян разных национальностей Австро-Венгерской монархии самым веским аргументом, самым важным политическим событием, сумевшим склонить колеблющихся на сторону революции.

Старая буржуазная демократия явно отцветала в глазах широких масс военнопленных. Над испепеленными городами и селами Европы загоралась светлая заря освобождения. И этот свет шел из Советской России, Советская власть начала борьбу за мир и дружбу народов.

В те дни едва ли можно было встретить такой лагерь военнопленных в Сибири, который стоял в стороне от событий.

В конце 1917 г. под влиянием Октябрьской социалистической революции во многих сибирских лагерях военнопленных создавались инициативные группы интернационалистов, устанавливающие связь с отдельными большевиками из рабочих или с большевистской организацией в целом и Советами. Многие военнопленные вступали в местную Красную гвардию либо организовывали красногвардейские отряды. Отряды Красной гвардии из военнопленных были созданы в Песчанке (близ Читы) в сентябре 1917 г.; в Иркутске — 8 декабря 1917 г.; в Березовке — 25 декабря 1917 г.; в Даурии — 30 декабря 1917 г.; в Сретенске — в начале января 1918 г. В этот же период такие отряды организовались в Омске, Тюмени, Тобольске, Барнауле, Томске, Ачинске, Красноярске, Нижнеудинске, Благовещенске, Хабаровске.

Движение быстро ширилось и крепло.

Советы рабочих и крестьянских депутатов, руководимые большевиками, правильно учли важность этого движения, стремились помочь в пропагандистской работе нашим революционным социал-демократам, создать благоприятные условия для объединения интернационалистов.

В агитационно-пропагандистской работе среди военнопленных нашей партийной организации приходилось сначала пользоваться русскими центральными и местными газетами и отдельными брошюрами. С марта же 1918 года мы стали выпускать ежедневный бюллетень, наподобие стенной газеты, с освещением политических событий, сообщений с фронтов, жизни и работы в лагерях. Название ему дали «Правда» — «Игазшаг» по-венгерски, «Ди Вархейт» по-немецки (бюллетень выходил в двух изданиях: венгерском и немецком).

В дальнейшем, особенно после конгресса интернационалистов в Иркутске, издание газет и листовок для иностранных пролетариев усилилось, призывы к ним помещались на родном языке — венгерском и чешском, немецком и польском — в советских газетах многих городов Сибири.

До выступления чехов, пока Сибирская магистраль была свободна, к нам попадали часто венгерские газеты «Форадалом» («Революция») из Москвы, «Вилаг форадалом» («Мировая революция») из Омска.

15 апреля 1918 года в Иркутске был созван конгресс иностранных рабочих-интернационалистов. Наша партийная организация избрала делегатами Штейнгардта и меня.

Конгресс проходил в гостинице «Гранд-отель» на главной улице Иркутска. На нем присутствовали 60 делегатов, большинство которых было из городов Восточной Сибири от Ачинска до Благовещенска. Из Западной Сибири был только делегат от Томска; представители Западной Сибири выехали в Москву, где происходил в это время конгресс иностранных интернационалистов всей страны.

Созыв этих конгрессов имел большое значение в деле укрепления и развития пролетарского интернационализма в массе военнопленных.

В работе конгресса в Иркутске приняли участие не только делегаты, избранные в лагерях разных городов, но и представители красногвардейских отрядов; в качестве сочувствующих присутствовали делегаты пленных из иркутского лагеря, ранее не связанного с рабочим движением. Здесь были малоземельные крестьяне, батраки, молодые рабочие.

В работе конгресса приняли участие члены Центросибири — Н. Н. Яковлев, Боград, Исаксон и Лыткин. Очень ценен был доклад крупного марксиста, большевика Якова Бограда, находившегося долгие годы в эмиграции в Швейцарии и Германии и окончившего там два высших учебных заведения. Он выступал с темой: «Кто такой Ленин, и почему клевещут на него буржуазные партии не только России, но и Европейских стран». Боград ярко раскрыл сущность всех враждебных пролетариям партий, начиная с монархистов и кадетов и кончая эсерами, меньшевиками

Председатель Центросибири Н. Н. Яковлев.

и всякими оппортунистами; он осветил историю борьбы Ленина против многочисленных политических противников, начиная с 1903 года; помог военнопленным понять роль Ленина в международном рабочем движении, роль его как организатора партии большевиков, как великого стратега пролетарской революции; помог пленным ясно увидеть причины, вызвавшие Февральскую, а затем Октябрьскую социалистическую революцию. Все это имело неоценимое значение и являлось для большинства присутствующих просто откровением, ибо в то время рабочие военнопленные не знали и не имели возможности прочесть подробные материалы по этому вопросу. На родине же для всех нас

Член Центросибири Я. Е. Боград.

без исключения имя Ленина до войны не было известно.

Доклад Бограда, прочитанный на прекрасном немецком языке, не только просвещал, но и мобилизовал на борьбу за Советскую власть, на борьбу с предстоящими и уже существующими трудностями, вооружал непоколебимой верой в победу дела трудящихся. Доклад переводился по частям тут же на венгерский язык и вызвал горячее одобрение всех присутствующих.

В повестку дня конгресса было включено много вопросов: задачи организации в интернациональной

работе среди военнопленных; отношение к Советской власти и взаимоотношения с местными Советами; отношение к Красной Армии, социалистическое строительство; борьба с разрухой и помощь Советам в развитии новых отраслей промышленности; организация различного рода мастерских; о возвращении военнопленных на родину и об отношении к этому организации интернационалистов.

Необходимо было также определить программу и устав организации интернационалистов.

Подавляющее большинство делегатов, выступавших на конгрессе, продемонстрировало свою политическую зрелость. Они твердо заявляли, что пролетарский интернационализм и солидарность с русскими рабочими и крестьянами в их борьбе за диктатуру пролетариата есть главная задача иностранных рабочих и крестьян военнопленных, что дело русского рабочего класса является их кровным делом и защищать его они готовы до последней капли крови.

На конгрессе чувствовался здоровый революционный дух, торжество большевизма, торжество ленинских идей, непоколебимая вера в окончательную победу пролетариата.

Но в семье не без урода. Так, например, делегат ачинских военнопленных венгр Киш по существу выступил против пролетарского интернационализма, ибо, высказываясь за диктатуру пролетариата, он тут же подчеркивал, что военнопленные, находясь в России, не должны вооружаться; другое дело — дома, на родине.

С совершенно путаной концепцией выступил анархо-коммунист венгр Миграй. Он, видите ли, за социалистическую революцию против капитализма, против эксплуатации человека человеком, но ему не нравится кровопролитие. «С другой стороны, — заявил он дальше, — без маузера и бомбы революции тоже не сделаешь: буржуа так просто не сдастся, я это понимаю, но все же полезно было бы не забывать, что существует и крест — символ любви к человеку». Такой софизм вызвал смех и острую критику.

Делегаты конгресса Штейнгардт, Швабенгаузер, Эмбер, Фрид и иркутский большевик Лыткин разобла-

чили реакционный характер выступлений Миграя и Киша.

В конце работы конгресса Миграй вновь выступил и сказал:

— Признаю, что для блага трудящихся придется отказаться от креста.

А Киш в коридоре все еще продолжал спорить и не сдавался.

От военнопленных на конгрессе выступило не менее 30 делегатов. В декларации, принятой единогласно, говорилось о готовности отстаивать перед любым врагом Октябрьские завоевания, иностранные рабочие призывались «вступать в ряды Красной Армии, которая теперь борется против русской буржуазии и которой предстоят в будущем схватки с иностранным капитализмом и империализмом».

Подчеркивая свой разрыв с оппортунизмом социал-демократии, свою преданность Октябрьской социалистической революции и готовность бороться за ее идеи, конгресс решил вместо прежнего названия «Организация интернационалистов» именовать ее: «Организация иностранных рабочих социал-демократов-коммунистов».

Было решено издавать в Иркутске газету на немецком и венгерском языках, а также избрали редакционную коллегию этой газеты.

Конгресс избрал Исполнительный комитет иностранных рабочих-коммунистов всей Сибири, который должен был функционировать при Центросибири. В состав Комитета вошли 7 человек: Фихтер, Зингер, Швабенгаузер, Эмбер, Фрид, Унгар и Каплелер.

Перед закрытием конгресса вторично выступил Штейнгардт и предложил не ограничиваться резолюцией, а дать наказ Исполкому составить устав организации иностранных рабочих. Его предложение было одобрено. Комиссии, которая состояла из четырех старейших деятелей рабочего движения — председателя Штейнгардта, членов Швабенгаузера, Омаста, Эмбера, поручили в двухдневный срок выработать устав, в котором были бы сформулированы задачи и обязанности организации. Комиссия успешно справилась с поставленной задачей. Согласно выработанному ей уставу на Исполнительный комитет возлагались

3 основные функции: агитационно-пропагандистская, организационная и военная.

После конгресса члены Исполкома предполагали выехать в агитационную поездку в сибирские лагеря с целью информации военнопленных о решениях конгресса.

В апреле-мае, до выступления белочехов, некоторым членам Исполкома удалось побывать в лагерях. Так, Швабенгаузер побывал в Березовском лагере, два дня провел у нас в Песчанке, выступил перед немецкими интернационалистами, затем выехал на восток.

Фрид Дежэ проездом в Сретенск также остановился в Песчанке. Он совместно с руководителями нашей партийной организации провел дискуссию, на которую были приглашены все желающие, в том числе обитатели офицерского лагеря. Член Исполкома Унгар побывал в Красноярске и Томске (Томский лагерь посылал его делегатом на конгресс в Иркутск). Остальным членам Исполкома выехать в лагери не пришлось. В июне почти все члены Исполнительного комитета находились в Иркутске.

В дни эвакуации Иркутска наиболее интенсивную деятельность проявил член Исполкома Унгар. Ему удалось организовать из иркутских интернационалистов и иркутской русской молодежи Ангарский батальон, сражавшийся рядом с нами на Байкале — в Култуке, Слюдянке и под Мурино.

Конгресс длился несколько дней. Во время работы конгресса делегатам стало известно, что еще 5 апреля японцы высадили десант во Владивостоке, а также и о том, что атаман Семенов со своей бандой, получив от японцев вооружение, снова вторгся в Восточное Забайкалье. Части Даурского фронта, тогда еще малочисленные и плохо вооруженные, вынуждены были отступать в ожидании подкреплений.

В последний день работы конгресса председатель Центросибири Н. Н. Яковлев, неплохо владевший немецким языком, вкратце ознакомил делегатов с текстом телеграммы В. И. Ленина, полученной в Иркутске еще 6 апреля, в которой В. И. Ленин предупреждал о весьма серьезном положении, создавшемся в связи с высадкой десанта. В телеграмме говорилось, что японцам будут помогать и все остальные союзники,

что больше всего внимания надо уделить правильному отходу, увозу запасов и железнодорожного имущества. «Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье».[1]

Тов. Яковлев в связи с серьезностью создавшегося положения настойчиво рекомендовал делегатам не задерживаться долго в Иркутске.

Военнопленные-делегаты конгресса интернационалистов, учитывая поворот событий, стали спешно возвращаться в свои лагери, чтобы еще интенсивнее развертывать агитационную работу среди военнопленных, поднимая их на борьбу с врагами Советской власти.

В результате развернутой нами организационно-массовой работы и в связи с быстрым ростом нашей организации военнопленные рвались на фронт и группами по 50—100 человек присоединялись к проезжавшим через Читу отрядам красногвардейцев и интернационалистов. Так, когда на Даурский фронт проезжали сначала Первый, а затем Второй омские интернациональные отряды, главным образом состоявшие из мадьяр, к ним присоединилось 170 наших товарищей. В боях против семеновских банд участвовало немало интернационалистов из лагерей Даурии, Нерчинска, Сретенска.

Когда же для Советской власти в Сибири настали дни смертельной опасности, в ряды Красной гвардии влились и самоотверженно пошли на фронт уже не десятки и сотни, а тысячи иностранных рабочих. Только на Нижнеудинском и Байкальском фронтах участвовало в сражениях до 3 тысяч бойцов интернациональных отрядов из Нижнеудинска, Иркутска, Березовки, Читы, Омска и Томска.

I-й ЧИТИНСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТРЯД

В первых числах мая в Читу прибыл I-й Томский красногвардейский отряд интернационалистов из бывших военнопленных в количестве 350 человек с тремя пулеметами под командой Имре Ланьи.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 199.

Этот отряд направлялся, как и Омские отряды интернационалистов, на противосеменовский фронт. Однако прибывший из Благовещенска председатель Совнаркома Амурской области Федор Никанорович Мухин настаивал на срочной переброске подкреплений на Амурскую железную дорогу для ликвидации белоофицерских банд.

Читинский Военно-революционный комитет после довольно продолжительного обсуждения решил направить отряд в Амурскую область. Из Песчанского лагеря в него влилось пополнение в 150 бойцов. Таким образом, отряд увеличился до 500 штыков и имел четыре пулемета.

Наш отряд имел основание именоваться интернациональным. Кроме венгров, составлявших большинство, в отряде были немецкие бойцы-интернационалисты. Все немецкие интернационалисты — их было 35 человек — являлись представителями промышленного пролетариата, членами профессиональных союзов и социал-демократической партии. Они держались компактно в виде отдельного взвода, отказались одеть русское военное обмундирование, заявляя, что военная форма германской армии — зеленый китель, короткие сапоги, круглое кепи с красным кантом — является лучшим предостережением для всех белогвардейцев. Немецкие интернационалисты отличались не только обмундированием. В большинстве это были шахтеры из Рура; всегда неторопливые, с трубкой во рту, рассудительные, они не теряли мужественного хладнокровия в самые тревожные дни всей последующей эпопеи боев и испытаний.

Кроме венгров и немцев, в отряде было человек 7 сербов и хорватов, 13—15 румын из венгерской Трансильвании и даже трое венгерских цыган. Все бойцы нашего отряда жили по-братски и дрались вместе очень дружно. До конца существования отряд не изменил своего многонационального состава и интернационального характера.

Командиром отряда остался Имре Ланьи, бывший командир Томского отряда, который теперь вошел в состав объединенного отряда томских и читинских интернационалистов. Учитывая, что мы едем бороться в Амурскую область, этот объединенный отряд назвали

1-м Благовещенским. Помощниками назначили Гримма и меня. С нами выехал и Ф. Н. Мухин. Каждый вагон эшелона, а также паровоз были украшены красными флажками и лозунгами Октября на венгерском языке.

Проездом через станции Могоча и Ерофей Павлович мы столкнулись с чехословацким эшелоном, якобы застрявшим в дороге и мирно отдыхавшим в ожидании, когда освободится путь для дальнейшего следования. Это был один из многих эшелонов, направляющихся через Владивосток в Европу на основании соглашения, заключенного между Советским правительством и представителями Англии, Франции в Москве и командованием чехословацкого корпуса. Представители местных эсеров и меньшевиков выслали делегацию к семафору станции Могоча и остановили наш эшелон для переговоров. Делегаты стали уверять нас в том, что по имеющимся у них сведениям мы будто бы приехали для уничтожения чешских отрядов. Они заверяли нас, что чехи не зооружены и чужды всякой враждебности по отношению к Советскому правительству. Вот именно эти усердные заверения и показались нам подозрительными.

В. Н. Мухин в беседе с этими делегатами сказал:

— Так-так, товарищи господа, вот как вы хотите спасти репутацию Советской власти, которую завоевал рабочий класс, вопреки вашей клевете и шипению против большевиков. Разве мне, как председателю Совнаркома, [1] не известны условия эвакуации чехов на родину! Кто собирается их трогать или задерживать? Советская власть не нарушила и не собирается нарушать взятых на себя обязательств, а вот другая сторона нарушала не раз уже эти условия. Я вынужден вам сказать, что именно ваше подозрительное посредничество заставляет меня произвести проверку наличия и количества оружия у чехов и если мы установим, что у них оружия больше, чем им разрешено иметь для самообороны, я заберу все; если же они эту норму не нарушили, то ни одной винтовки не заберем.

Мухин тут же обратился к командиру отряда Ланьи

---

[1] В это время Амурский областной исполнительный комитет Советов назывался Амурским Совнаркомом.

и дал указание приступить к тщательной проверке опекаемого эсеро-меньшевиками эшелона.

Посадив в свой вагон делегатов, мы немедленно выехали на станцию Могоча, где стоял эшелон чехословацких войск и громадный состав из специальных санитарных вагонов. Чехи усиленно приглашали нас убедиться в том, что их войска безоружны.

Мы прошли по вагонам, все осмотрели, но оружия не нашли. Однако нам показалось очень странным большое количество больных в санитарном поезде: не спрятано ли в этих вагонах оружие? Решили произвести обход санитарного поезда. Здесь находились чехословацкие офицеры с большим количеством врачебного персонала, в их числе была целая стая молодых русских буржуазных дам, успевших превратиться в «сестер милосердия». Все категорически протестовали. «Как же можно беспокоить наших больных»? На эти реплики пришлось не обращать внимания.

Мы разделились на группы. С пятеркой красногвардейцев я попал в вагон-кухню. Повара страшно взволновались. Чтобы отвлечь наше внимание, они предложили нам пообедать. Мы почти приняли предложение, но в этот момент случилось нечто совершенно неожиданное. Один из наших бойцов нагнулся над котлом, чтобы попробовать ароматный жирный суп, и уронил часы. Пытаясь огромной деревянной ложкой выловить часы, красногвардеец наткнулся на что-то большое, твердое. Неизвестный предмет сказался пулеметом. Стали тщательнее проверять и обнаружили еще два пулемета. В других вагонах санитарного поезда красногвардейцы нашли много винтовок, спрятанных под матрацами. Чехам нечего было сказать в свое оправдание. У «сестер милосердия» сразу разболелись головы и зубы. Врачи стали клясться, что они об оружии ничего не знали: ведь они люди аполитичные. Офицеры признались, что ожидали нашего прихода и поэтому решили спрятать оружие.

Приходится сожалеть, что мы ограничились только изыманием лишнего оружия: другие меры тогда Советской властью были запрещены. Эти чехи потом вошли в ту приморскую группу, которая ровно через полтора месяца организовала контрреволюционное вы-

ступление во Владивостоке и проложила путь войскам Японии, США, Англии.

Операция с проверкой и изъятием винтовок и пулеметов длилась часа два. После ее завершения Ф. Н. Мухин и командный состав отряда собрались в обширном служебном вагоне, служившем нам читальней, чтобы обсудить результаты проверки и дальнейший план действий. Мухин вдруг спохватился:

— А где же эти господа в шляпах?

Несколько человек бросились на поиски, но тех и след простыл. Мухин потом сказал:

— Некуда им спрятаться, этим, с позволения сказать, социалистам, я их найду и судить буду, как подлых провокаторов и врагов.

Я подсказал т. Мухину, что полезно будет составить протокол об изъятии оружия. «Правильно», — заметил он и тут же приступил к составлению черновика.

Каждую фразу, написанную Мухиным, мы тут же коллективно обсуждали; потом то один, то другой предлагал добавить словечко. Общими усилиями черновик наконец был написан. Мухин, улыбаясь, сказал:

— Знаете, товарищи, когда мы только что стояли и сидели с вами вокруг стола и общими усилиями составляли вот этот немаловажный документ, мне вспомнилась знаменитая картина известного русского художника Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

К сожалению, мы не видели и не слыхали о такой картине.

— Кто из вас будет иметь счастье остаться в живых и побывает в Москве, советую посмотреть в музее эту картину, тогда вспомните сегодняшний день, — сказал Мухин.

Протокол, переписанный в двух экземплярах, Мухин пригласил подписать командира чешских легионеров, главного врача санитарного поезда и начальника станции.

Чехи согласились с содержанием протокола, признали его правдивость и подписали без разговоров. Протокол об изъятии у эшелона оружия подписали Мухин, командир чешского легиона, главный врач са-

нитарного поезда, где было обнаружено оружие, начальник станции и командир нашего отряда Ланьи.

Всего было изъято 2 пулемета, один из них неисправный, около 200 винтовок и много патронов.

В Бочкарево мы узнали, что севернее станции организовалась белогвардейская банда, очевидно подбадриваемая чехословаками, которая приступила к активным действиям. Решили разделить наш отряд пополам: одна часть во главе с Ф. Н. Мухиным и Ланьи двинулась на север, другая, в том числе Гримм и я, осталась охранять Благовещенскую ветку и дорогу в районе Бочкарево. Через 7 дней отряд Ланьи вернулся, потеряв в стычках с белыми трех товарищей убитыми и трех ранеными.

Ланьи и Мухин рассказывали, что им пришлось вести двухдневный бой с белобандитами в 60 верстах к северу от Бочкарево, в результате которого белобандиты понесли большие потери, не выдержали натиска красногвардейцев и отступили. Мухин счел преследование их нецелесообразным.

Несколько дней наш отряд пробыл в Бочкарево, затем двинулся по направлению к Хабаровску. На станции Архара мы получили телеграфный приказ вернуться обратно в Бочкарево. Там Мухин нам сообщил, что отряд должен срочно вернуться в Читу. Из-за отсутствия топлива и воды пришлось задержаться, воду для паровоза носили ведрами из деревни. Больше недели прошло, пока мы добрались до Карымской. Здесь топлива и воды было достаточно, зато пришлось встретиться с саботажем железнодорожной администрации, которая всячески старалась задержать наш эшелон.

* *
*

С трудом добрались до Читы. Здесь числа 26 июня нам стало известно о занятии белочехами Красноярска и о боях под Нижнеудинском. Наш отряд пополнился добровольцами из лагерей на Песчанке и стал именоваться I-м Читинским интернациональным отрядом. Это название он сохранил до 19 августа 1918 года, то есть до падения байкальских позиций.

Предполагалось наш отряд послать на подкрепление Нижнеудинского фронта. Однако отправка за-

тянулась, и к моменту нашего прибытия в Иркутск части Центросибири уже отступали под натиском чехословацких войск и офицерских отрядов, сформированных в Томске и других городах Сибири, захваченных врагом к этому времени.

5 июля наш отряд прибыл в Иркутск. Здесь мы узнали, что красногвардейцы первоначально имели успех в боях под Нижнеудинском, но затем началась полоса неудач, оставлены были позиции под Нижнеудинском и станцией Зима. В день нашего приезда красногвардейские отряды оставили Черемхово и отходили к станции Белая, которая находится в 80 километрах от Иркутска. В самом Иркутске чувствовалась некоторая растерянность.

К этому времени уже был решен вопрос об эвакуации Иркутска и отступлении к Байкалу. Советские учреждения со 2 июля начали выезжать в Верхнеудинск. Наш отряд получил задание задержать наступающих белочехов, хотя бы на короткий срок, помешать им переправиться через реку Белую и тем самым обеспечить эвакуацию на восток партийных, военных и гражданских учреждений.

6 июля мы отправились на фронт. Пока наш эшелон продвигался к Белой, мимо прошло в обратную сторону несколько эшелонов с красногвардейцами и артиллерией. Мы удивились, так как эти части могли бы еще воевать и вместе с нами задержать наступающего противника.

Недалеко от моста через реку Белую отряд высадился из вагонов и занял боевую позицию под прикрытием высокого кустарника и молодого леса. Здесь же у моста мы расположили все четыре имевшиеся у нас пулемета.

Противоположный берег был выше нашего, но со склоном к реке. Это давало возможность на расстоянии нескольких километров наблюдать за прибытием чехословацких эшелонов. Белочехи высаживались из вагонов и сразу же приступали к укреплению реки. Не прошло и часа, как ударный отряд противника, поддерживаемый сильным артиллерийским огнем, попытался бегом перебраться через мост. Мы допустили вражеских солдат примерно до середины моста и встретили их кинжальным огнем пулеметов. Недолго

продолжался этот бой. Из вражеской группы никто не ушел.

Командование противника, очевидно, предполагало, что, поскольку красногвардейцы отступают к Иркутску, в районе моста могло остаться лишь десятка два наблюдателей. Однако враг на этот раз просчитался.

Быстро темнело. Чехословаки усилили артиллерийский обстрел, особенно по прилегающему к мосту участку, и палили до поздней ночи.

Мы знали, что наш отряд является единственной арьергардной частью, значительно уступает противнику в силах и долго продержаться не сможет. Наши позиции были настолько невелики, что белочехи, добыв лодок десять, под покровом темноты могли перебраться через реку и окружить наш отряд.

Так оно и случилось: часам к 5 утра разведчики сообщили, что по обоим нашим флангам на расстоянии 1—2 километров большие партии чехов переправились, очевидно, еще ночью на нашу сторону и переброска войск продолжается. На рассвете противник возобновил артиллерийский обстрел прилегающих к мосту участков, где разместился наш отряд.

Часов в 6 утра переправившиеся группы противника начали атаковывать нас с флангов. Создалась реальная угроза окружения отряда. В этой обстановке единственным выходом для спасения жизни бойцов стало отступление. Наш эшелон находился в двух километрах. Пришлось добираться до него продолжительное время, упорно отстреливаясь, чтобы сделать посадку с возможно меньшими потерями

Части противника преследовали отряд по пятам, беспрерывно обстреливая. Убитых у нас не оказалось, но раненых было много.

Враги не смогли помешать посадке и отправлению нашего эшелона, два паровоза развили большую скорость, и наш состав скоро оставил за собой район реки Белой.

Мы предполагали отступить по железной дороге до Иркутска, но затем решили по мере возможности задержать белочехов и белогвардейцев еще у Тельмы. Недалеко от станции мы успели на протяжении 50

метров разобрать железнодорожный путь, разбросали рельсы и шпалы, заняли позицию и окопались.

Около 18 часов появился чехословацкий эшелон под прикрытием броневика. Надо полагать, что на этот раз командование белочехов наверняка считало, что путь до Иркутска совершенно свободен и что они беспрепятственно и торжественно, под колокольный звон могут въехать в Иркутск. Однако велико было разочарование врагов, когда они увидели разобранный нами железнодорожный путь. Это задержало продвижение броневика и следовавшего на некотором расстоянии за ним эшелона. Мы взяли их под обстрел. Под прикрытием огня с броневика солдаты противника трудились над восстановлением пути до наступления темноты. Потери у них были немалые.

На следующее утро железнодорожники нам сообщили, что в Иркутске идет бой с белыми. Полученная информация показалась нам сомнительной и провокационной, ибо мы полагали, что Центросибирь располагает достаточными силами, для того чтобы ликвидировать в городе любое контрреволюционное выступление. Тем не менее командир отряда Ланьи решил немедленно отправиться в Иркутск вместе с Гриммом и в сопровождении ста красногвардейцев, чтобы выяснить положение.

Через несколько часов подтвердилось, что в Иркутске, действительно, выступили организованные силы белогвардейцев. Ланьи прибыл в Иркутск как раз в разгар уличных схваток и направился со станции с двумя всадниками прямо в город через понтонный мост, но не успел добраться до центра города, как был убит из пулемета белогвардейцами. Сопровождавшим его всадникам удалось, несмотря на полученные ранения, доскакать обратно до станции.

Зачем понадобилось Ланьи заезжать в город, когда было видно, что красноармейцы стремительно бежали оттуда через мост к станции, осталось неизвестным. Позже не без оснований возникло предположение, что этот бывший кадровый офицер хотел перейти к белым.

Гримм со своими бойцами присоединился к другим частям, отходившим из Иркутска к Байкалу.

В спешке он упустил из виду, что ядро отряда осталось в Тельме.

Когда слухи о том, что белые находятся в нашем тылу — в самом Иркутске, подтвердились, красногвардейцы встревожились, ибо мы очутились между двух огней. Разумеется, нечего было и думать о дальнейшем сопротивлении на этом участке. Под огнем броневика противника мы сели в вагоны, и наш эшелон с максимальной скоростью направился на станцию Иркутск. Это было 12 июля. На станции Иркутск не оказалось ни одной души из железнодорожной администрации, ни одного служащего, здание станции было необитаемо. Было уже около 20 часов. Кое-где по ту сторону Ангары в самом городе еще слышались временами, все реже и реже, отдельные выстрелы. Ясно было, что сопротивляться в городе было некому. Коегде отдельные красногвардейцы не сдавались или, попав в засаду, расстреливали свои последние патроны.

Иркутск оказался в руках у белогвардейцев, а по Сибирской магистрали с запада двигались к Иркутску белочехи. В создавшейся обстановке мы решили с наступлением темноты отступать с эшелоном к Байкалу.

Подойдя к паровозу, находившемуся под парами, чтобы дать указание машинисту отправить эшелон, я убедился, что ни машиниста, ни кочегара нет. По-видимому, они сбежали от нас, и где мы их ни искали: в депо, на станции — нигде не нашли. И машинист, и кочегар были местные, иркутские, и они, очевидно, решили, что лучше остаться дома с семьей, чем отступать неизвестно еще куда и сколько.

Оставить наш эшелон, где было много амуниции и провианта, и ночью пешком добираться до Байкала под угрозой растерять людей очень не хотелось. Нас выручил ротный командир Фехер, который до войны много лет ездил машинистом на пассажирских поездах. Он, правда, предупредил, что уже три года не ездил на паровозе, к тому же русские паровозы ему незнакомы, так же как и профиль пути.

В конце концов Фехера мы убедили, что ехать недалеко — всего 90 километров, ехать будем медленно, осторожно.

Какое облегчение мы испытали, когда эшелон двинулся, сначала, действительно, медленно, но постепенно все быстрее и быстрее, наконец рано утром мы добрались до станции Байкал.

Так окончился наш первый этап борьбы с контрреволюционерами.

У БАЙКАЛА

Быстро рассеялся густой утренний туман, и перед нами открылась прекраснейшая картина: снежные вершины байкальских гор были залиты пурпуром восходящего солнца, казалось, будто оно спешит забраться все выше и выше над нашими головами, щедро посылая к нам вниз свое тепло. По мере того как оно продвигалось с востока на запад, воды Байкала меняли свой цвет: вначале они были серо-зеленые, но чем выше поднималось солнце, тем яснее становилась их темно-голубая окраска. Стоя на берегу Байкала, видишь свою до странности длинную, волнистую от набегающей ряби, тень.

Местность около Култука гористая, вся покрыта густым лесом и очень удобна для обороны. Ко времени прибытия нашего отряда и других частей в Култук специалисты уже подготовили укрепления К сожалению, командование проявило недопустимую медлительность, оказавшуюся роковой. Дело в том, что основные силы белочехов, захватив Иркутск, продвигались не по железной дороге, а по Тункинскому тракту (Иркутск—Култук) с целью выйти нам в тыл у Култука. Они опередили нас и без боя захватили подготовленные позиции.

Отряды красногвардейцев и артиллерия около полудня были отправлены по тракту для занятия приготовленных позиций. В 3—4 километрах от Култука мы вошли в узкую долину шириной 40—50 метров, окруженную высокими горами. Части двигались длинной лентой спокойно и даже с оркестром впереди. Подошли вплотную к намеченной позиции, но здесь на нас неожиданно обрушился бешеный ружейный и артиллерийский огонь. Колонна очутилась в мешке. Огонь поливал нас справа, слева, сзади. Испуганные лошади понесли орудия под откос в эту узкую долину и вре-

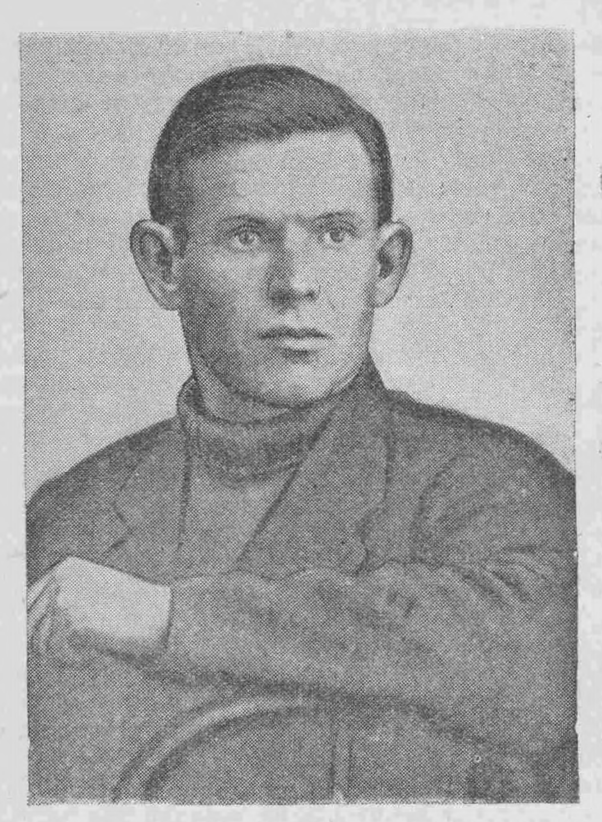
зались в колонну пехоты. Пехота шарахнулась по обе стороны тракта прежде всего от неожиданности, а также невозможности развернуться в котловине и вынужденно отступила на 1,5 километра. Затем бойцы вскарабкались влево и вправо от тракта на сопки; здесь они развернулись, образовав временную линию фронта на ночь. А на следующий день утром линия фронта продвинулась с боем вперед, приблизившись к белочехам на 400 метров. Здесь окопались. Артиллеристы возвратились и заняли свое место в боевых порядках.

Во время этих событий Гримм, ставший командиром отряда после гибели в Иркутске Ланьи, был ранен и уехал в Читу. Командиром отряда назначили меня.

Белочехи несколько дней особой активности не проявляли, если не считать ежедневной перестрелки и взаимного артиллерийского обстрела.

Ожидая нападения противника, мы готовились к активной обороне. Такова была установка главкома Голикова. Он часа три пробыл в нашем отряде и провел здесь совещание с командирами пяти отрядов. Все командиры высказали сомнение в правильности его распоряжений, выдвинули свои, более разумные предложения. Нужно было бы срочно подтянуть имевшиеся под рукой в тылу небольшие отряды и объединить их (они насчитывали до 2—3 тысяч человек). Эти отряды следовало направить на позиции для удлинения фронта на левом фланге, так как наша разведка установила, что длина линии фронта противника составляет 6—7 километров, а длина нашей — всего 4 километра. Нужно было также перебросить с Даурского фронта кое-какие воинские части и артиллерию. Многие отряды в нашем тылу не использовались, бездействовали, и этому нужно было положить конец.

Ссылаясь на какие-то директивы Центросибири, Голиков не проявил должной решимости и проницательности. Он все-таки оставил в тылу (от Култука до Мысовой) в общей сложности больше штыков, чем было на самом Култукском фронте. На Култукских позициях разместились следующие отряды: смешанный отряд под командованием Лебедихина, преимущественно из черемховских шахтеров; отряд читинских ра-

Командир красногвардейского отряда черемховских шахтеров Лебедихин.

бочих железнодорожных мастерских под руководством Орлова; I-й Читинский интернациональный отряд из бывших военнопленных (командир Мюллер); интернациональный отряд, имевший в своем составе и русских, так называемый Ангарский батальон под командованием Унгара; отряды анархистов; артиллерийский дивизион (командир Евгений Лебедев), кроме того, здесь находились бронепоезд и вооруженный ледокол «Байкал» под командованием Власова.

В тылу, растянувшись до Мысовой, расположились в резерве остатки отрядов, эвакуировавшихся после боев под Нижнеудинском: интернациональный отряд

под командованием Ренцнера, интернациональный кавалерийский отряд под командованием Ремиша и еще несколько небольших отрядов.

В ходе боев предпринимались попытки объединить разрозненные отряды в батальоны, полки, бригады, что свидетельствовало о желании командования укрепить дисциплину.

Особого эффекта это не дало. До конца боев отряды сохранились в том виде, какими они были с начала формирования. Вооруженные силы Центросибири на участке от Култука до Мысовой насчитывали не более 6—7 тысяч человек, из них на передовой линии у Култука находилось не более 3 тысяч.

Трудно было установить регулярную связь со штабом, который часто менял свое место. Командиры отрядов занимали позиции по своему усмотрению, там, где находили целесообразным.

От нашего отряда справа до тракта разместился отряд рабочих железнодорожных мастерских Читы-1, далее — отряд черемховских шахтеров, еще правее — части Ангарского батальона.

Только с Орловым и Лебедихиным, как с ближайшими соседями, я смог наладить ежедневную связь и информацию. Разведку мы организовали совместно и совместно составляли сводку в штаб.

Как правило, каждый отряд занимал одну возвышенность. Людей у нас не хватало, а главное, не было единого умелого штабного руководства. Занимая отдельные возвышенности, отряды находились на довольно большом расстоянии друг от друга.

Но если на правом фланге фронта положение было сравнительно благополучно, то на левом фланге оно было очень неустойчиво. Там стояли части анархистов. Сегодня там размещалось два отряда, а завтра их на этом месте уже не было. Через день они снова появлялись и вновь исчезали по неизвестным причинам. В этих отрядах отсутствовала элементарная военная дисциплина.

На шестой день боев во время проливного дождя разведывательные группы белочехов, используя лесистую местность, а главное уход с позиций анархистов, просочились в тыл нашему отряду и отряду Орлова и,

умело замаскировавшись, начали обстреливать и выводить из строя бойцов в окопах.

У меня с Орловым был общий командный пункт, расположенный в стыке наших отрядов. Для уничтожения засевших в тылу снайперов противника мы решили направить по взводу красногвардейцев. Через несколько часов лазутчики противника были уничтожены. Белочехов был немного, всего 23 человека во главе с офицером-легионером. Пленных солдат отправили в тыл вместе с несколькими нашими ранеными. В этой операции отличился взвод немецких бойцов-интернационалистов. Рабочие Вены и углекопы Рура действовали методически четко, организованно и стреляли без промаха.

На следующий день противник возобновил фланговые удары, но на этот раз действия происходили далеко от наших окопов. Операция противника проводилась в большем масштабе, чем накануне, и с иными целями. Через некоторое время нам удалось узнать, что белочехи прочно засели в тылу отрядов и намереваются отрезать нас от станции Култук. Им удалось смять один за другим два наших небольших отряда на левом фланге, и остатки последних начали отступать по направлению к Слюдянке.

Отряды Орлова и мой находились на хорошо укрепленных позициях. Главная масса чехословацких сил, стоявшая против нас, еще не поднималась в атаку. Не имея директив, приказов, не зная точно создавшейся обстановки, поскольку посланные в разведку бойцы долго не возвращались, мы с Орловым решили выжидать. Так прошло несколько часов.

Наконец противник начал обстрел из орудий, а затем перешел в атаку с фронта, двинувшись на нас двойной цепью. Мы встретили белочехов интенсивным огнем, но противник под прикрытием густого леса, хотя медленно, но упорно продвигался вперед. Врагам удалось приблизиться к нашим окопам настолько, что они могли забрасывать нас ручными гранатами. Ответить тем же мы не могли, так как ручных гранат не имели, они были лишь у отдельных бойцов. Но зато анархисты, находившиеся в тылу, были сплошь обвешаны гранатами, пугая своим видом население. Вы-

ручили пулеметы, атаку белочехов нам удалось отбить с большими для них потерями.

Слыша шум усиливавшейся перестрелки в тылу, мы с Орловым решили ночью оставить позиции, ибо стало ясно, что белочехи повторяют лобовую атаку с целью приковать нас к окопам и тем самым ускорить окружение с тыла.

С наступлением темноты, собрав раненых, мы оставили позиции и рано утром окольными путями добрались до станции Слюдянка, где заняли позицию рядом с читинскими рабочими. В Слюдянке уже находились отряд черемховцев, Ангарский батальон и другие части. Здесь мы узнали, что наш отряд и отряд рабочих железнодорожных мастерских последними оставили фронт. В боях под Култуком отдали свою жизнь за светлое будущее 24 бойца-интернационалиста из нашего отряда, более 60 человек было ранено, не меньшие потери понесли читинские железнодорожники.

К Слюдянке командование стянуло резервы с тыла. Наш отряд совместно с другими частями отбил здесь несколько атак белочехов, а затем ввиду больших потерь вместе с отрядом железнодорожников был отправлен на пополнение в Читу. В это время все войска Байкальского фронта отступили к Танхою.

Главнокомандующим фронтом в то время был Петр Клавдиевич Голиков, начальником штаба во время боев под Култуком и Слюдянкой — Трилиссер, после отступления из Слюдянки — Метелица. В штабе находились еще член Центросибири Лыткин, для поручений Манторов (Мальков) и двое интернационалистов — Швабенгаузер и Фрид, не считая технических работников.

Когда части фронта отступили из Слюдянки, Голиков, Трилиссер и Лыткин по вызову Центросибири выехали в Верхнеудинск, а затем в Читу.

В Мурино временно исполняющим обязанности командующего фронтом стал Хлебников. После поражения наших частей под Мурино и самоубийства Хлебникова интернационалисты из штаба — Фрид и Швабенгаузер — также уехали в Верхнеудинск и затем в Читу. Голиков был хорошим большевиком, но военное дело знал слабо. Назначая его главнокомандующим Байкальским фронтом, Центросибирь должна

была прикомандировать в помощь Голикову знающего военное дело опытного штабного работника. Таким вполне мог быть бывший царский генерал Таубе, заслуживший полное доверие партийных и советских органов, но вместо этого Таубе использовали для участия в различных совещаниях. А что мог сделать в качестве начальника штаба фронта Трилиссер, человек совершенно не знающий военного дела?

Строя укрепления на Тункинском тракте еще за неделю до эвакуации Иркутска и ожидая возможного продвижения белочехов в этом направлении, нужно было бы, направляя туда рабочих с инструментами, одновременно направить и сильную военную охрану, которая могла бы удерживать в случае необходимости важные окопы до прибытия красногвардейцев.

Эти и другие недоделки организационного порядка неоспоримо свидетельствовали о том, что Центросибири не удалось в достаточной мере подготовиться к обороне байкальских позиций.

ТАНХОЙ

В Чите наш отряд встретили делегация от интернационалистов и представитель военного комиссара.

Эшелон с отрядом я направил в Песчанку, сам же отправился для доклада к военному комиссару Казачкову.

Товарищ Казачков хорошо разбирался в обстановке и оказал нам большую помощь оружием и амуницией. Подобрать людей для пополнения из лагерей в Песчанке и Антипихе он поручил мне. Для меня же найти нужное количество бойцов, желавших сражаться за Советскую власть, не представляло трудности.

Казачков охарактеризовал положение. Он указал, что трудящиеся Забайкалья вынуждены воевать с контрреволюцией на двух фронтах. На Даурском фронте за последнее время наступило временное затишье благодаря победам революционных войск под командованием Сергея Лазо; положение на Байкале, где войскам Советов приходится бороться с объединенными силами белочехов и белогвардейцев, стало весьма серьезным. Казачков предложил поторопиться с пополнением отряда, напомнив, что такие указания

даны также Орлову, который должен провести соответствующую работу среди рабочих Читы-I и на Черновских копях.

— Это наши последние резервы, — сказал Казачков.

И вот снова закипела организационная работа в Песчанке, служившей нам базой. Красногвардейцы, прибывшие с фронта, были в центре внимания тысячной массы военнопленных.

Каждый боец-фронтовик стал агитатором и проводником революционных идей. У каждого были земляки, товарищи по совместной работе на заводах до войны, по совместной службе в армии, или друзья, с которыми сблизился в бараке в годы плена.

Бойцы отряда убеждали своих товарищей в правильности политики Советской власти и своей агитацией вербовали новые силы для предстоящих боев против наглого, лучше нас вооруженного классового врага.

4 августа 1918 года, на следующий день после общего городского собрания членов Читинской организации РСДРП, на котором было решено переименовать ее согласно решения VII съезда партии в организацию РКП(б), наш I-й Читинский интернациональный красногвардейский отряд в третий раз отправился на фронт. Пятьсот красногвардейцев в походном снаряжении направились в Читу, где их ожидал большой состав из классных вагонов.

Сообщения с Байкальского фронта были далеко неутешительные. Успех советских частей у Мурино, когда удалось произвести прорыв белогвардейского фронта и отбросить белочехов на 20 километров, не удалось закрепить. Из-за больших потерь и отсутствия подкрепления красногвардейские отряды вынуждены были отступить в направлении Танхоя, дальше, чем была исходная позиция. Кроме того, противнику удалось отрезать дорогу нашему бронепоезду, которым командовал смелый интернационалист венский рабочий Лихтенаур. Бронепоезд — подарок рабочих Читы-I — попал в руки врага.

Хотя части Даурского фронта под командованием Лазо нанесли противнику серьезные удары, все же в тылу, в Забайкалье, в том числе в Чите, было неспокойно.

Еще 11 мая в Чите был раскрыт заговор контрреволюционных элементов против Советской власти. При аресте членов белогвардейского штаба нашли много винтовок и пулеметов.

Через месяц заговорщики вновь пытались выступить, используя контрреволюционную агитацию духовенства против декрета об отделении церкви от государства.

19 июня мятежники, в том числе служители культа, созвав колокольным звоном фанатически настроенных женщин, с оружием и иконами двинулись освобождать тюрьму, где среди арестованных белогвардейцев было несколько представителей духовенства, занимавшихся погромной агитацией. Мятежники открыли огонь по часовым у тюрьмы, но благодаря дружным действиям красногвардейцев, эта вылазка белых была ликвидирована.

Неспокойная обстановка в забайкальском тылу, однако, чувствовалась и в дальнейшем.

Зажиточная часть забайкальского казачества проявляла открытую вражду к мероприятиям Советской власти и красногвардейцам.

Отдельные железнодорожники Читы саботировали приказы Советов. Саботаж нам самим пришлось ощутить на станции, запруженной эшелонами с советскими частями.

Эсеры, меньшевики, купеческие сынки и бывшие царские офицеры распространяли провокационные слухи. По ночам в самом центре города и около вокзала раздавались выстрелы.

Таково было положение в конце июля и начале августа 1918 года в Чите, когда наш отряд интернационалистов оставил город, ставший мне родным, и в третий раз двинулся на фронт.

К отряду временно присоединили эскадрон красных казаков. Одновременно с нами со станции Чита-I отправился отряд рабочих читинских мастерских во главе с Орловым — нашим старым боевым соратником по фронту у Култука и Слюдянки.

Кроме того, в отдельном поезде выехал на фронт назначенный командующим Байкальским фронтом Морозов-Сенотрусов со своим штабом.

Был теплый воскресный день. Вокзалы в Сибири

всегда являлись местом прогулки и своеобразного развлечения населения. Отъезд в один день трех отрядов не мог остаться незамеченным. Нас пришли провожать Штейнгардт, Казачков, Вагжанов, Шилов, сотни интернационалистов — прежних и новых друзей, было здесь много рабочих и женщин, пришедших проводить дорогих и близких. Возбужденно шмыгали среди народа любопытные ребятишки. Конечно, в многочисленной толпе были не только люди, сочувствующие нам и нашему делу, там находились и враги и просто обыватели. Под звуки немного грустного вальса «Дунайские волны», исполнявшегося духовым оркестром, эшелоны один за другим тронулись в Прибайкалье.

В Верхнеудинске получили из Читы директиву — послать наших кавалеристов в Троицкосавск на охрану советско-монгольской границы.

В Березовском лагере военнопленных мы устроили митинг, после которого к отряду присоединилось еще несколько десятков интернационалистов.

Определенно, где сейчас находится фронт, мы не знали, поэтому от Верхнеудинска пришлось ехать с предосторожностями. Когда стемнело, сделали у разъезда Боярского первую остановку.

Доходили слухи, об этом старались шпионы белогвардейцев, что фронт уже распался и вот-вот появятся белочехи. В Посольской я попытался выудить у дежурного по станции сведения о фронте, но он не хотел ничего сказать, или действительно ничего не знал. По телефону со станции Мысовой никто не отвечал.

Наш эшелон шел первым, за ним — на некотором расстоянии следовал эшелон железнодорожников и последним — небольшой состав Морозова. Бронепоезд должен был только через день-два отправиться из Читы нам вслед. К утру 7 августа все три состава добрались до станции Мысовой. Выяснилось, что после боев у Мурино и дальнейшего отступления наших частей, белочехи и белогвардейцы приблизились к Танхою километра на 3—4. Дальше они продвигаться не решились, полагая, что этот участок сильно защищен. Однако Танхой фактически никем не защищался. Мы прибыли, я бы сказал, вовремя.

Наши отряды в спешном порядке заняли боевую позицию в двух километрах западнее Танхоя.

Прошло несколько дней, а противник не проявлял признаков жизни. Мы были озадачены его пассивным поведением, тем более, что разведка установила наличие у врага значительных сил как в окопах, так и в ближайшем тылу по железнодорожной линии.

Данные разведки говорили о том, что длина фронта белочехов в три раза больше, чем у нас, что по железнодорожной магистрали стоят попарно около 10—12 эшелонов; разведчики доложили: «Конца эшелонов не видать».

В дни затишья мы успели вырыть окопы в каменистом грунте глубиной в человеческий рост, свалить столетние кедры и забаррикадировать подход к нашим позициям. Шагах в 50 от окопов устроили проволочное заграждение со звуковыми сигналами при прикосновении. Красногвардейцы мечтали о том, чтобы пропустить по проволоке электрический ток, как на германо-французском фронте. Но это были только мечты. Тем не менее наши позиции были достаточно укреплены и подступиться к ним было, несомненно, нелегким делом.

В последние дни на левом фланге нашей позиции с шумом появились 300 анархистов Лаврова, которые заняли отведенный им большой участок. Вместо того, чтобы вырыть окопы и серьезно готовиться к активной защите, анархисты часто оставляли на позициях только дозоры, а сами в ближайшем лесистом тылу отлеживались и веселились.

Вправо от нашего отряда до берега Байкала расположились железнодорожники. В ближайшем тылу между станциями Танхой и Мысовая и далее на восток находились три-четыре неукомплектованные резервные части, остатки групп бойцов разных отрядов, отступивших ранее от станции Мурино. Среди всех этих тыловых частей боеспособными были лишь иркутские курсанты под командованием Метелицы, бывшего командира Аргунского полка, но их также было не более 80 человек.

Очень плохо было у нас с артиллерией — две трехдюймовые полевые пушки, один броневик с двумя пушками и вооруженный ледокол «Байкал» на пристани Мысовой.

Вот такими силами и техникой располагал Байкальский фронт.

Противник, захвативший к тому времени Омск, Челябинск, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск и большую часть Кругобайкалья располагал подавляющими силами, состоявшими из частей чехословацкого корпуса, действовавших как передовая ударная группа, и белогвардейских отрядов с большим удельным весом в них кадровых офицеров. У врага было превосходство в технике — пулеметах, пушках, бронепоездах.

Плацдарм противника в Сибири все расширялся, в то время как наш с каждым потерянным городом суживался. Военные силы врага умножались, а наши слабели с каждым днем.

Противник стремился и на запад к Волге и на восток для соединения с атаманом Семеновым, с целью открыть себе дорогу через Маньчжурию к порту Дайрен, а также очистить Амурскую дорогу и соединиться с чехословацкой группировкой, захватившей Владивосток.

Восточное направление имело в планах империалистов большое значение. Их планы формирования мощной контрреволюционной армии в Сибири для наступления на центры страны не могли осуществиться без обеспечения бесперебойного снабжения военным снаряжением из держав организаторов интервенции через тихоокеанские порты.

Не удивительно поэтому, что противник сосредоточил против частей Байкальского фронта численностью 2—3 тысячи бойцов ударную группу из 15—18 тысяч человек. Контрреволюционеры стремились во что бы то ни стало сломить преграду у Байкала.

Новый главком фронта Морозов-Сенотрусов провел в Танхое совещание, на котором присутствовали Орлов, Метелица, я и штабные работники. Детально обсудили положение и пришли к выводу, что нужно просить Читинский Военно-революционный комитет срочно перебросить к нам некоторые части с Даурского фронта и главным образом артиллерию. Однако на следующий день Д. С. Шилов и С. Г. Вележев сообщили нам телеграфно из Читы, что на такой риск пойти не могут. Это свидетельствовало о том, что люд-

ские и технические резервы к тому времени иссякли. Становилось ясным, что задержать продолжительное время объединенные силы белочехов и белогвардейцев, захвативших к тому времени огромное пространство от Волги и Урала до Байкала, не удастся.

На совещании я высказал опасение по поводу боеспособности анархистов, которые подвели нас в Култуке и сейчас вновь оказались нашими соседями.

Все командиры были того же мнения: от анархистов нужно избавиться, их надо сменить надежными, дисциплинированными частями. Главком Морозов в принципе не возражал, он сказал:

— Это верно, но нет людей, их 300 человек, они занимают большой участок; единственно, что мы можем — послать им на смену иркутских курсантов под командой Метелицы, но курсантов, как вы знаете, всего 80 человек, кроме того, они очень нужны здесь в тылу, ибо если анархистов пустим в тыл, то они наделают нам бед по линии железной дороги.

Метелица заявил, что его немногочисленные курсанты более надежная опора фронта, чем анархисты, и дело не в количестве людей, а в их нормальном состоянии; позиции у нас прекрасные, их можно сделать на продолжительное время неприступными.

Решили в ближайшие два дня отряд курсантов пополнить бойцами одного отряда, который со дня на день должен прибыть из Читы, и тогда немедленно снять с фронта анархистов. Прошло, однако, 2—3 дня, а анархистов все еще не отозвали в тыл. Между тем каждый день, каждый час был дорог.

У бойцов нашего фронта настроение было бодрое, боевое. Большинство красногвардейцев не знали страха в борьбе, являлись верными, сознательными защитниками Советской власти. Не влияло на наш боевой дух и сознание того, что подкрепления ждать больше неоткуда.

Вскоре произошло первое столкновение у Танхоя. От белогвардейцев нас отделяло ущелье шириной около километра, по нему текла в Байкал маленькая горная речушка, в то время почти высохшая. Через эту речушку, внизу, был перекинут деревянный железнодорожный мост, оказавшийся в ничьей полосе, между нашими позициями и противником. К мосту подошли

два вражеских броневика; один из них наш, потерянный под Мурино. Броневики остановились, не дойдя до моста метров двадцать, очевидно, вели наблюдение и проверяли, заминирован мост или нет.

Наши позиции были расположены на высоких лесистых холмах, обнаружить их было не так просто. Мы строго запретили бойцам обстреливать броневики, не курить и даже не разговаривать громко. С волнением, затаив дыхание, мы наблюдали за броневиками, ожидая, что они пройдут по мосту, и появится возможность завладеть ими. Мост был нами заминирован; взорвав мост, мы отрезали бы броневикам обратный путь — по крайней мере, один из них так или иначе попал был в наши руки. Однако броневики, не произведя ни одного выстрела, минут через 30—40 так же медленно стали отходить, пока не исчезли за поворотом. Такие маневры белочехи повторяли несколько дней подряд: подойдут броневики тихо к мосту, постоят и возвращаются обратно.

Мы приняли решение: если не удастся захватить броневики, то уничтожить их. Для этой цели использовали старый паровоз со станции Танхой. Впереди паровоза поставили товарный вагон, в котором было несколько сот килограммов динамита. Этот состав без машиниста направили на мост именно в тот момент, когда к нему подошел броневик противника. Паровоз с прицепленным к нему впереди вагоном мчался с максимальной скоростью, но с броневика состав не был виден. Расстояние между броневиком и мчавшимся ему навстречу маленьким составом сокращалось с каждой секундой. Команда броневика заметила его только, когда состав появился из-за поворота и расстояние между ними не превышало 300 метров.

Броневик запыхтел, собираясь отступить, но уже через пару минут наш состав врезался в него. Раздался оглушительный взрыв и грохот. В последующие минуты ничего нельзя было разглядеть. На месте взрыва стоял высокий столб огня, черного дыма и пара. Один броневик был выведен из строя, а второй поспешно скрылся. При взрыве был разрушен мост и находившиеся невдалеке железнодорожная будка и жилой дом.

Не подлежало сомнению, что взрыв и его последствия вызвали у вражеских солдат замешательство, особенно у тех, кто находился в близких к нам окопах. Это необходимо было использовать и как можно быстрее.

С Орловым мы в боевой обстановке понимали друг друга с полуслова. Решили сделать дерзкую вылазку— ведь наступление лучший вид обороны. Главком согласился с нашим намерением, и мы в срочном порядке выработали оперативный план. На позициях решили оставить анархистов, 2 роты с 4 пулеметами из отряда интернационалистов и полторы роты с 3 пулеметами из отряда Орлова. В вылазке участвовали две роты нашего отряда и полторы роты отряда железнодорожников, всего три с половиной роты — 350 штыков. Атаку должны были поддержать две трехдюймовые пушки, а также бронепоезд, имевший на передней платформе одну пушку.

Я передал указания по выполнению операции своему помощнику Дейчу, командиру первой роты Фехеру и командиру второй роты Донату. Вскоре наши части бесшумно двинулись в наступление. Спуск с сопок не требовал много времени и труда, и скоро начался подъем на противоположную возвышенность.

Подниматься пришлось труднее, цеплялись за ветки, стволы и камни, осторожно приближались к окопам врага. Противник молчал, видимо, не замечая нашего приближения. Заработали наши пушки. Артиллеристы стреляли точно и как только мы близко подошли к окопам, прекратили обстрел. По лесу и ущелью прокатилось мощное ура, послышались взрывы ручных гранат, которыми мы забрасывали окопы противника, а в ответ то тут, то там прожужжали первые выстрелы над нашими головами.

До противника, как говорится, рукой подать, каждый боец почувствовал — исход боя решит быстрота и дружный, одновременный натиск. Все бойцы — кто ползя по-пластунски, кто низко нагибаясь — приблизились к окопам врага и ринулись на штурм с криком: «За революцию, вперед!» С огромным напряжением сил мы сделали прыжок в окопы противника. Командир первой роты Фехер прыгнул первым в окоп, держа в одной руке свой любимый легкий карабин, а в

другой — гранату. Длинные, почти сплошные окопы были завалены тяжелыми ящиками с патронами, рюкзаками, шинелями, одеялами.

До рукопашной дело не дошло. Противник поспешно отступил, оставив в окопах десятки убитых и тяжело раненных — результат точного попадания нашей артиллерии и ручных гранат.

Вместе с ранеными попали в плен русская медицинская сестра и чешский санитар. Они производили перевязку раненному в живот капитану-легионеру Прохаске, которого чехи не успели захватить с собой. Они рассказали, что только два дня тому назад на фронт подброшено шесть эшелонов с войсками, — из них 5 с чехами и один с белогвардейскими частями — и много артиллерии; только сегодня утром прибыло еще новое пополнение, что в Томске, Красноярске, Иркутске и в других местах Сибирской магистрали белогвардейцы производят мобилизацию.

Капитан-легионер, тяжело дыша, порывисто сказал: «Что мне известно, я охотно сообщу, лишь сохраните мне жизнь, может выживу».

Он сообщил, что чешским командованием в Иркутске решено высадить большой десант в нашем тылу из вновь сформированного полка белогвардейцев. Это сообщение показалось нам очень сомнительным. Тяжело раненный в живот осколками гранаты капитан-легионер был безнадежен, такого мнения был и наш начальник санитарной части доктор Вейс.

Отступающие вражеские солдаты продолжали отстреливаться. Преследовать их мы не стали, это не входило в наши планы, да к тому же мало было бойцов.

Произведя на новом месте разведку во всех направлениях, мы установили, что вправо и влево от занятого нами участка противник остается на своих позициях, занимая небольшие сопки. Не прошло и часа после занятия нами вражеских окопов, бойцы еще не успели отдышаться, как артиллерия противника обрушила на нас шрапнельный огонь из орудий. Одновременно с обоих флангов захлестал перекрестный пулеметный огонь. Враг перешел в контратаку.

Окопы противника мы заняли без потерь, а сейчас от огня артиллерии появились раненые и даже уби-

тые. Снаряды ложились точно, враг хорошо знал координаты своих окопов.

На новых позициях мы оказались в невыгодном положении. Поэтому, выполнив поставленную задачу, во избежание ненужных потерь, вечером красногвардейцы возвратились на исходные позиции.

Верхом я быстро добрался до штабного вагона на станции Танхой и доложил главкому Сенотрусову о тех сведениях, которые мы получили от капитана Прохаски. Сенотрусов насторожился, задумался. Я спросил, как он думает, в состоянии ли белогвардейцы высадить десант. Сенотрусов ответил:

— Скорее нет, чем да, скорее это утка, чем правда; контрреволюция использует все средства в борьбе против нас, а насчет того, чтобы пускать слухи и создавать панику среди войск и населения — на это они мастера. Впрочем, я приказал «Байкалу» (он подразумевал вооруженный пароход «Байкал») циркулировать вдоль берега и выполнять свои обязанности дозора. Он должен сейчас находиться около Мысовой. Я свяжусь с командиром «Байкала» Власовым и Манторовым, который тоже там находится. Да, осторожность, конечно, не мешает.

Прошедший бой окрылил нас. Мы рассуждали, что через день-два нужно снова сделать нападение на белочехов и так повторять систематически. Тактика должна состоять в том, чтобы постоянно беспокоить, тревожить противника, чтобы он чувствовал силу революционных войск. Только такая активная и вместе с тем осторожная тактика может оправдать себя на Байкале. Морозов-Сенотрусов также был сторонником такой тактики, но, к сожалению, свои намерения мы уже не могли осуществить, — обстановка сложилась не в нашу пользу.

ТРАГЕДИЯ БАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА

События последующих двух дней развернулись молниеносно, неожиданно, с весьма печальной развязкой.

На следующий же день после нашей вылазки противник, располагая превосходящими силами, перешел в большое наступление, начав его с сильнейшей артил-

лерийской подготовки. Били не менее двадцати орудий. Скоро пехотные части противника обрушились на наш левый фланг. Стоявшие там части анархистов, не оказав никакого сопротивления, в панике бежали до станции Танхой, сели в свои вагоны и направились на восток в направлении Мысовой. Находившиеся на станции Танхой иркутские курсанты не могли остановить лавину анархистов: анархисты не постеснялись применить против курсантов ручные гранаты.

Противник, заняв окопы анархистов в непосредственной близости к нашим позициям на левом фланге, начал обстреливать бойцов отряда. Левофланговая рота вступила в бой, остальные бойцы стояли под огнем. Вражеские пули долетали даже до отряда железнодорожников, находившегося на правом фланге, у них тяжело ранило в голову помощника командира отряда и много других бойцов.

Артиллерия противника продолжала нас обстреливать. Ожидание повторной атаки с фронта сковывало действия отряда. Линия фронта сократилась, до Байкала осталось всего около 1,5 километра. Положение сложилось крайне тяжелое. К вечеру прискакал связной из штаба главкома и передал приказ отрядам интернационалистов и железнодорожников отступать на станцию Мысовая.

Еще раньше до нас доходили звуки частых винтовочных и орудийных выстрелов в тылу, в районе станции Танхой. О причине этой перестрелки мы могли только гадать.

Оказывается, части чехов, помимо тех, которые наступали на наш участок и заняли его, обходным движением прошли к станции Танхой в наш тыл и вступили в бой с курсантами и другими группами бойцов, а также с нашим броневиком.

Курсантам и бронепоезду удалось сдержать натиск, пока наш отряд и железнодорожники прибыли в Танхой. Под градом пуль эшелоны тронулись к Мысовой. Отступление прикрывал бронепоезд. Продвигались очень медленно, так как впереди путь был забит. Только к утру добрались наконец до Мысовой.

Прибывшие туда еще накануне вечером анархисты выгрузились на станции со всем своим имуществом

и, бросив Прибайкальский фронт, спешно направились трактом на юг в направлении Селенгинска и монгольской границы.

На станции Мысовая и за нею по обоим путям стояло много эшелонов. Здесь предполагалось создать новую линию фронта.

В наш эшелон вошел командир читинского отряда железнодорожников Орлов, эшелон которого стоял рядом, чтобы обменяться мнениями о последних событиях. В этот момент бойцы сообщили, что на озере Байкал, на расстоянии 8—9 километров от берега, появился большой пароход с двумя баржами на буксире. Как впоследствии выяснилось, это был пароход «Ангара», захваченный белыми.

Не успели мы толком рассмотреть в бинокль пароход, как нас начали оттуда обстреливать из нескольких шестидюймовых орудий. Огонь обрушился на скопление эшелонов, вокзал, водокачку и стоящий на рейде ледокол «Байкал». Первый же снаряд пробил палубу «Байкала», попал в трюм, где, очевидно, был порох, произошел сильный взрыв и затем пожар. «Байкал» сильно накренился и начал тонуть. Многие из команды ледокола погибли от взрыва. В числе немногих спасшихся были капитан ледокола Власов, его помощник Титов и штабной работник Манторов.

Дальнейший обстрел территории вокзала, пристанционных объектов и эшелонов вызвал замешательство, и передние эшелоны без команды начали быстро отходить в направлении разъезда Боярский и станции Посольская.

Наши артиллеристы и бронепоезд выпустили десятки снарядов по «Ангаре», но все они дали недолет. «Ангара» оказалась на недосягаемом для наших орудий расстоянии. Тогда артиллеристы погрузили орудия на платформы и отправились на восток вслед за другими эшелонами.

Время шло. Местонахождение эшелона со штабом нам не удалось установить. Было очевидно, что и штаб направился на восток. При таких обстоятельствах нам ничего не оставалось, как следовать за другими эшелонами, за нами двигался эшелон железнодорожников, последним шел бронепоезд.

У разъезда Боярский передовые эшелоны, двигавшиеся попарно по обоим путям, внезапно остановились. Длинная лента эшелонов впереди нас мешала увидеть причины задержки. Первоначально казалось, что какой-то состав сошел с рельс. Что случилось в действительности, никто не знал. Пришлось направить туда двух бойцов для выяснения. Когда они добрались до головного эшелона, то увидели, что один состав из классных вагонов сошел с рельс, около вагонов лежали 10—12 убитых. Выяснилось, что это в основном работники штаба. У вагонов собралось много красногвардейцев. Вдруг откуда-то на них посыпался град вражеских пуль, и бойцы поторопились возвратиться к своим эшелонам.

Обо всем этом рассказали наши посланцы. Стало ясно, что противник с парохода «Ангара» высадил в тылу десант, отрезав нас от Верхнеудинска.

В Мысовой бронепоезд смог немного продвинуться и теперь стоял, втиснутый между эшелонами, а последние растянулись километра на 4—5, и поэтому невозможно было двигаться ни взад ни вперед.

Кругом царили недоумение и неразбериха. В то время как на позициях у Танхоя было всего 3—4 отряда, здесь, в тылу, после отступления от Танхоя и оставления Мысовой оказалось немало резервных частей.

Бойцы этих отрядов, не нюхавшие пороха, своей болтовней увеличивали панику, деморализовали других, советуя скрыться в горах и тайге. Малоустойчивые и в самом деле группами и в одиночку начинали уходить в горы. Наступила тяжелая минута. Со стороны Мысовой нужно было ожидать приближения главных сил врага, впереди находилась десантная часть, отрезавшая нам путь в Забайкалье, слева — Байкал, справа на юг — высокие, трудно проходимые горы. Горы и сопки, прижавшись почти вплотную к берегам Байкала, оставляли в отдельных местах совсем небольшое пространство, достаточное только для продвижения поезда. Развернуться для боя было невозможно.

Мы с Орловым направились по железнодорожному полотну на розыски штабного вагона и скоро увидели главкома Морозова-Сенотрусова. Сюда же подошли Метелица и еще несколько командиров, которых я ви-

дел впервые. Состоялось короткое совещание. Морозов, будучи очень взволнован, говорил недолго. При обсуждении положения не обошлось, конечно, без упреков и даже ругательств. Все были недовольны тем, что анархистов пустили на первую линию в Танхое, что их не сменили надежными частями, как ранее было намечено, что наш вооруженный ледокол «Байкал» продолжительное время стоял на рейде у станции Мысовая в бездействии. Много говорили о недисциплинированности и бездеятельности мелких частей и групп бойцов в тылу.

На совещании решили прорваться через десантные части. Для осуществления задачи приняли такой план: оттеснить десантников, занять разъезд Боярский, высвободить втиснутый между эшелонами бронепоезд, пустить его первым по линии, а за ним эшелоны с частями.

Учитывая, что со стороны Мысовой нас вот-вот могут настигнуть главные силы белочехов и белогвардейцев, мы решили частью сил сдерживать противника, если он появится, и обеспечить прорыв и отход на восток других отрядов. Выполнение этой задачи поручили двум ротам отряда интернационалистов и отряду железнодорожников Читы-I и шахтеров Черемхово под командованием Орлова.

Против десанта были направлены две роты интернационалистов, иркутские курсанты и вновь организованный смешанный отряд из шахтеров и железнодорожников.

Все остальные мелкие подразделения и группы бойцов, в том числе железнодорожники, санитары и женщины, которых в эшелонах было немало, были использованы на линии для высвобождения бронепоезда. Наше наступление против десантников, стоявших у разъезда Боярский, началось около полудня и развивалось успешно: в тот же день разъезд был занят. От пленных мы узнали, что главные силы десантников, высадившихся с «Ангары», находятся у станции Посольская. Там сосредоточено около 800 солдат с 8—10 пулеметами, 3 трехдюймовыми и 2 шестидюймовыми орудиями.

Помню, что подошедший к нам ночью Морозов сказал: «Главное сейчас — успеть в течение завтраш-

него дня высвободить броневик: только с его помощью мы сумеем прорваться через Посольскую, да и то при условии, что главные силы чехов и белых со стороны Мысовой по какой-либо причине задержатся.

Рано утром группа прорыва стала продвигаться вперед. На первых двух километрах мы не встретили большого сопротивления, но, когда приблизились к Посольской, попали под ураганный огонь из винтовок и пулеметов с фронта и с правого фланга, где белогвардейцы примостились на выступах скал, находящихся почти у самой железнодорожной линии. Пришлось отступить на несколько сот метров. Теперь противник перешел в атаку, и развернулся ожесточенный бой. Перестрелка длилась много часов подряд до поздней ночи.

На рассвете следующего дня наша группа снова предприняла попытку атаковать врага, но безуспешно: огонь противника был настолько сильным, что пришлось вначале залечь, а затем поодиночке уползать обратно к исходным позициям. Жестокий обстрел затих только к полудню. Убитых и раненых у нас становилось все больше.

Когда бой на этом участке немного утих, я направился к ротам отряда, оставшимся в группе обеспечения прорыва. Там пока было спокойно, я забрал своего коня и вернулся обратно. По дороге между эшелонами столкнулся с Морозовым, и мы вместе пришли на позиции. Помощник командира отряда интернационалистов Дейч и командир первой роты Фехер указали нам на двух убитых военных, лежавших в кустах. Это были русские белогвардейцы.

Дейч рассказал, что после моего ухода, когда перестрелка совсем утихла, они заметили двух военных, приближавшихся к нашему расположению. Те, прячась то за кусты, то за деревья, махали белыми платками.

— Мы их подпустили, — рассказывал Дейч.— Подойдя на расстояние в десять шагов, они подняли руки с возгласами: «Не стреляйте! Мы парламентеры». Наши бойцы видели их приближение и взвели винтовки. Мы с Фехером на всякий случай связали им руки и обыскали, но, кроме личных документов в бумажниках, ничего не обнаружили. На мой вопрос, кто они,

откуда и с какой целью появились, один из них заявил, что поскольку они парламентеры, то просят развязать им руки, тем более, что они безоружны. Это было правильное требование, и мы им развязали руки. Получив свободу, старший из парламентеров сказал: «Вы сами видите, что окружены, и потому продолжать сопротивление вам нет смысла. Командир десантных частей полковник Ушаков советует вам сложить оружие и гарантирует сохранить всем не только жизнь, но и полную свободу».

После этого заговорил тот, который был помоложе. Он сказал: «Я заметил по выговору, что вы мадьяры, не так ли? Лично я считаю, что вы плохо сделали, связавшись с Советами. И зачем вам было вмешиваться в наши русские внутренние дела. Сидели бы в своих лагерях для военнопленных, куда было бы разумнее. Вам недолго осталось ждать возвращения на родину в Венгрию. Не пройдет и полгода, как будет восстановлен прежний нормальный порядок в России и правительство сможет быстро отправить вас на родину, а то поддались агитации и решили драться за такую утопию, как мировая революция. Вы храбрые мадьяры, но зачем же вам оставлять свои кости в Сибири на берегах Байкала?»

— Больше я их слушать не мог, — взволнованно продолжал Дейч. — «Я вижу, вы явились сюда не в качестве парламентеров, говорю им, а с целью агитации; агитация же в такой обстановке — тоже один из видов борьбы. Вас выдают неуклюжие аргументы. Мятеж чехов вы не считаете вмешательством в русские дела, а наша пролетарская солидарность с русскими рабочими оказывается таким «вмешательством». Вы просчитались и на пощаду не рассчитывайте, ибо на поле битвы существуют определенные нравы и законы для врагов революции».

Дейч продолжал быстро говорить, словно опасаясь, что его могут прервать.

— Я позвал ближайших пять бойцов-интернационалистов, среди них были Шоош, Кираль, Фуварош. Перевел на венгерский язык разговор с белогвардейскими посланцами и спросил их: «Коммунары! Что прикажете делать с ними?» Все пятеро интернационалистов, — продолжал Дейч, — с гневом в глазах мол-

ча вскинули винтовки и залпом уложили обоих. «Собаке собачья смерть», — сказали с презрением по-венгерски и ушли.

— Правильно сделали, молодцы! — воскликнул Морозов.

— Это был суд трудового народа, — добавил я.

По документам, найденным у расстрелянных, мы установили, что оба они являлись кадровыми офицерами гвардейского полка. Документы подтверждали, что пароход «Ангара» высадил крупный белогвардейский десант, мы нашли приказ о выполнении боевого задания.

Поздно ночью, когда десантники, очевидно, поняли, что их парламентеры-агитаторы не возвратятся обратно, нас начали бешено обстреливать. Мы ответили тем же. Винтовки нагревались докрасна.

Гораздо позже, через полгода, мы узнали, что во время этой ночной перестрелки был убит и командир десанта полковник Ушаков. Благодарный адмирал Колчак поставил ему памятник на месте сражения — у Посольской.

Положение десантников могло бы оказаться критическим, даже безнадежным, если бы к этому времени со стороны Верхнеудинска к нам подоспела помощь, тогда белогвардейцы оказались бы в окружении. Но, увы! Пока об этом думали и решали в Чите, было уже поздно.

Одни мы ни в тот день, ни на следующий, несмотря на неоднократные попытки, не сумели разгромить противника, как не сумели пропустить вперед бронепоезд и с его помощью вырваться из кольца.

Вдобавок на следующий день — 19 августа — со стороны Мысовой на помощь десантникам подошли главные силы врага.

Завязался неравный бой.

Во второй половине этого дня Морозов собрал нас, оставшихся в живых командиров, в железнодорожной будке и сказал:

— Совесть и рассудок мой подсказывают, что я обязан предложить славным нашим бойцам прекратить немедленно боевые действия. Теперь они уже бесполезны, а потери у нас огромные. Пролито море крови. Нужно вырваться из окружения и отступить в

единственно возможном еще направлении — через горы. Сохранив и пополнив свои отряды, мы вновь будем продолжать борьбу против сил контрреволюции

Иного выхода не было. Без лишних слов Орлов, Метелица, я и командиры бронепоезда и артиллеристов отправились к своим частям и предупредили бойцов, что с наступлением темноты начнем отход в горы.

Так трагически закончилась вооруженная борьба рабочих отрядов Красной гвардии против войск чехословацкого корпуса и офицерских полков на Байкале. Только в одном сражении, длившемся беспрерывно двое суток — 18 и 19 августа 1918 года, небольшие красногвардейские части у Посольской на Байкале, окруженные во много раз превосходящими силами врага, потеряли более двух третей своих бойцов. Это было последнее и самое кровавое, беспощадное сражение между защитниками Советов и белогвардейцами в Сибири в 1918 году.

* * *

Вспоминая о последних боях на Байкальском фронте, я не могу не рассказать о том, кто принял на себя ответственность командующего. Это был Морозов-Сенотрусов, боевой коммунист, прекрасный оратор, стойкий солдат революции.

О нем мало известно, потому что очень мало бойцов этого последнего этапа борьбы остались живы.

Морозов назначен был командующим Байкальским фронтом в первых числах августа 1918 года по рекомендации Центросибири.

Родился он в городе Бочкарево, Амурской области, в 1888 году. В начале первой империалистической войны был студентом третьего курса технологического института в Киеве, затем его мобилизовали в армию и послали в школу прапорщиков.

Став офицером, Морозов в течение трех лет воевал на фронте, был награжден за храбрость двумя Георгиевскими крестами. Чин поручика не отгородил его от солдат. Морозов стал большевиком. В июне 1917 года он был делегатом от фронтовой дивизии и представителем большевистского комитета на I Всероссийском съезде Советов в Петрограде.

Командующий Байкальским фронтом в августе 1918 г. Морозов-Сенотрусов.

Стойкий большевик и опытный боевой командир, он имел все данные справиться с обязанностями командующего Байкальским фронтом.

Морозов был назначен командующим после самоубийства Хлебникова, после неудачных операций под Мурино и отступления оставшихся в живых мелких групп по 20—30 человек, то есть в то время, когда по существу фронт обороны на Байкале уже не существовал.

В этой тяжелой обстановке вновь назначенный командующий срочно выехал всего с двумя отрядами в Танхой, решил организовать оборону и принять бой с белочехами и белогвардейцами.

В распоряжении Морозова в Танхое имелись лишь 1200—1500 штыков, один примитивный бронепоезд и артиллерия из двух трехдюймовых полевых орудий. У противника же было не менее 10 000 штыков, большое количество орудий, пулеметов, броневиков.

Во время боевых операций у Танхоя и у Посольской, в обстановке полного окружения Морозов не растерялся. Он давал разумные распоряжения, настойчиво стоял за сопротивление врагу до последнего человека и патрона, все время находился в гуще бойцов, лично их воодушевлял.

Вряд ли другой военачальник на последнем этапе борьбы Байкальского фронта — у Танхоя и Посольской — сумел бы лучше организовать оборону, чем Морозов, с такими незначительными силами, которыми мы располагали, и приостановить продвижение объединенных сил контрреволюции на большее время, чем это имело место в те трагические две недели августа 1918 года.

Огромное превосходство в живой силе и технике позволило противнику применять все время тактику обходных операций, начиная с Култука, дало ему возможность выбить наши части с хороших естественных рубежей, заставить нас постепенно отступать со значительными потерями и, в конце концов, высадкой крупного десанта в тылу сломать последнюю преграду на участке Танхой—Посольская. Даже в этих неимоверно трудных условиях защитники Советской власти более месяца сдерживали на байкальских позициях белогвардейцев. Враг оставил здесь тысячи убитых и раненых.

Вырвавшись вместе с бойцами через тайгу в Забайкалье, Морозов был схвачен белыми казаками, избит до полусмерти и заключен в Верхнеудинскую тюрьму. К счастью, он не был опознан. В самые черные дни заключения Морозов не впал в уныние, а держал себя с достоинством большевика, уверенного в окончательной победе Советской власти.

В конце ноября 1918 года большую партию заключенных в 260 человек, в том числе и Морозова, отправили из Верхнеудинской тюрьмы в прифронтовую полосу на фортификационные работы. Весной 1919 года

ему удалось бежать. В Омске у родственников жены он скрывался до прихода частей Красной Армии.

С 5-й Армией Морозов добрался до Иркутска. Здесь в начале апреля 1920 года я встретил его в губкоме партии. Узнав, что я с несколькими товарищами приступил к организации интернациональной бригады из бывших военнопленных мадьяр в Иркутске и что на воскресный день мы созываем большой митинг, он пришел к бойцам и выступил с прекрасной зажигающей речью. В том же месяце Морозов со мной и большой группой партийного актива выехал в Верхнеудинск, затем на Забайкальский фронт во 2-ю Иркутскую стрелковую дивизию, был политработником дивизии и принял участие в освобождении Читы. Примерно в 1925—1926 годах я встретился с Морозовым в Москве, где он учился в военной академии. Потом связь прервалась. По имеющимся у меня сведениям, Морозов работал где-то на юге и там умер еще до Отечественной войны.

На всех этапах совместной борьбы в 1918—1920 годах: на Байкале, в тылу у белых, в тюрьме, на Забайкальском фронте — Морозов проявил себя достойным революционером великой эпохи борьбы за социализм.

Это был один из тех пламенных, принципиальных большевиков, которые впервые вступили на арену активной политической борьбы в период подготовки Октябрьской революции. На всех этапах революции он смело и последовательно выражал чаяния фронтовых солдат, боролся за мир, за свободу, за землю, за власть рабочих и крестьян, за счастье своего народа.

В моей памяти Морозов сохранился не только как стойкий солдат революции. Я помню и то, как он в июне 1920 года в Верхнеудинске в сравнительно спокойной дружеской обстановке декламировал мне поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», как потом сел к роялю и сыграл неизвестные мне до того старинные народные и революционные песни, он не только мастерски играл, но и пел проникновенно, с душой. Такой человек не мог не привлекать к себе. Я сохранил светлую память о славном боевом товарище по гражданской войне.

* *
*

Трагическая развязка и разгром малочисленной военной группы на Байкальском фронте у Посольской решили судьбу Советской власти не только в Забайкалье, но и на всей территории Дальнего Востока. Удержать байкальские позиции после падения Иркутска, оставления участка Култук — Слюдянка и нашего разгрома под Мурино, хотя бы на несколько месяцев, не было шансов. Территория наша значительно уменьшилась, тыл не был надежным в политическом отношении, людские резервы почти отсутствовали, техника была очень слабой, а воодушевления, преданности революции, храбрости и самопожертвования оказалось недостаточно для победы над сильным врагом.

Нужно учесть, что Байкальский фронт создался в условиях отступления под ударами врага; основной его силой были красногвардейские отряды, сформированные из рабочих, в большинстве не имевших боевого опыта, а командиры — рабочие или немногие офицеры — не всегда владели искусством командования; это относится и к интернационалистам из военнопленных.

А у врага были организованные силы старой армии, опытный командный состав, штабы, полки белых офицеров. Разумеется, в условиях отступления и формирования частей фронта на ходу при превосходстве врага в военном отношении советские отряды вынуждены были обороняться, иногда применять активную оборону, но и для этого нужно было иметь соответствующую военную подготовку; об этом свидетельствует предпринятое Хлебниковым контрнаступление у Мурино и Голоустинский десант в тылу чехов, окончившиеся полным крахом. Враг оказался умнее и опытнее, чем думали рядовые люди, которые стали командирами.

К вечеру 19 августа прекратились последняя стрельба и сопротивление в Посольской. 21 августа чехи и белые вступили в Верхнеудинск, а 25 — в Читу. Красные части, находившиеся на Даурском фронте, отступили на Амур. В это время японцы совместно с чехами и белыми заставили наши части на Уссурий-

ском фронте отступить к Хабаровску и дальше. Советские части были окружены со всех сторон. 28 августа на совещании партийных и советских работников в Урульге было решено прекратить борьбу с врагом организованным фронтом и перейти на методы партизанской войны.

Поражение Советов Сибири и Дальнего Востока не означало прекращения борьбы. «Советская республика жива, она победит неминуемо, с нею весь народ», — с такой мыслью расходились бойцы революции, понимая, что их долг — продолжать борьбу, как бы ни тяжелы были условия, создавшиеся в результате временного торжества контрреволюции, каких бы еще тягчайших жертв ни потребовали борьба и завоевание победы.

Руководящие работники Советов, командиры, бойцы частей и отрядов расходились группами и в одиночку: кто в тайгу, кто в окрестные деревни и поселки Забайкалья, Амура, Приморья, другие шли в города, чтоб возродить партийные организации в подполье, может быть гораздо более тяжком, чем в годы царизма, так как враг остервенело расправлялся с бойцами революции.

Положение интернационалистов из военнопленных, воевавших не только на Байкальском, но и на других фронтах — на Даурском и Уссурийском, после ликвидации этих фронтов было особенно тяжелым. Им было еще труднее, чем русским товарищам по оружию, вследствие незнания русского языка, местности и сложившейся политической обстановки. Возвратиться в лагери военнопленных было нельзя: их бы выдали белогвардейцам реакционные офицеры, враждебно настроенные против революции. Уйти же в тайгу одним, без русских, было почти такой же верной гибелью.

Так, после ликвидации Даурского фронта часть немецких товарищей-интернационалистов, около двухсот человек, под руководством Зингера отступила в глухую тайгу севернее Амурской железной дороги. Через несколько месяцев все они были уничтожены белыми. В этой группе находились и наши активисты из иркутского и песчанского лагерей: Омаста, Швабенгаузер, Вейсман.

Из бойцов 2-го Омского интернационального отряда остались в живых после многих боев 350 человек, ими командовал Пали Глосс. Эта группа попала на удочку авантюриста, бывшего католического миссионера в Китае; он именовался Либкнехтом и выдавал себя за двоюродного брата Карла Либкнехта. Хорошо владея китайским языком, «Либкнехт» сумел войти в доверие к командованию, одно время даже командовал китайским отрядом на Даурском фронте. Он обещал мадьярам устроить мирное интернирование в Китае в случае перехода границы.

«Либкнехту» поверили. Он отвел отряд на Амур. При переходе границы недалеко от китайского города Сахаляна красногвардейцы попали в руки китайских войск. Те разоружили бойцов и через три дня передали их японцам. Когда провокация «Либкнехта» обнаружилась, интернационалисты хотели его задушить, но он скрылся. Японцы зверски расправились с красногвардейцами. Удалось бежать и спастись только троим: командиру Глоссу, политработнику Миграи и русскому бойцу Попову; все они с большими трудностями добрались до Харбина, где я с ними встретился уже в феврале 1919 года.

Не менее трагически сложилась судьба 1-го Омского отряда интернационалистов, который по прибытии на Даурский фронт в конце апреля или в первых числах мая 1918 года состоял из 900 бойцов, из них 600 мадьяр и 300 русских анархистов, причем последних подобрал командир отряда бывший офицер Лавров по дороге из Омска.

Мадьяры держались обособленно. Дмитрий Шилов в своих воспоминаниях отмечает, что они на Даурском фронте были самыми боеспособными и дисциплинированными бойцами. Мадьяры, ядро этого большого отряда, скоро убедились, что Лавров, навязанный им командиром еще в Омске, ни с политической, ни с военной стороны не подходит к этой роли, и требовали его отстранения. Сергей Лазо, командовавший Даурским фронтом, удовлетворил это требование, и Лаврова за целый ряд преступлений отправили под конвоем в Иркутск, на суд Революционного трибунала, но трибунал освободил его, объявив лишь выговор.

После отстранения Лаврова командиром отряда назначили Лёринца, а отряд направили на Нижнеудинский фронт, где красногвардейцы стойко дрались с белочехами. При отступлении от Нижнеудинска Омский отряд интернационалистов понес особенно большие потери. В Иркутске Лавров снова стал командиром этого отряда, очевидно, лишь благодаря симпатизирующим ему влиятельным военным работникам из Сибирского военного штаба. Как и прежде, он продолжал расшатывать дисциплину, разлагать бойцов и после двухдневного пребывания под Култуком самовольно отвел отряд в тыл в Мысовую. Впоследствии командование было вынуждено отправить отряд Лаврова на Троицкосавский фронт.

После ликвидации Байкальского и Даурского фронтов во второй половине августа 1918 года в Троицкосавском районе скопились остатки многих отрядов: мадьяры из Омского отряда Лаврова, мадьяры-красногвардейцы из Троицкосавского и Березовского лагерей, бойцы-интернационалисты Ангарского батальона Унгара, отряд Каландарашвили, половину которого составили также мадьяры и остатки русских красногвардейских отрядов.

Обстановка создалась более чем тревожная: кругом побеждала контрреволюция, фронтов в Сибири больше не осталось.

Недавно умерший товарищ Дьендьеши в своих воспоминаниях отмечает, что Каландарашвили предлагал всем отрядам начать партизанскую войну и двигаться на запад вдоль монгольской границы, однако большинство интернационалистов под руководством Форбата, Гарая и других близоруких командиров решили иначе. 2 сентября 1918 года они заключили договор с представителем атамана Семенова, каким-то монгольским князем, в присутствии датского консула. По соглашению красногвардейцы-интернационалисты должны были сдать оружие, взамен им обещали мирное интернирование в лагере военнопленных.

Два дня пленных, действительно, не трогали, белогвардейские офицеры были предупредительно вежливы; но через день появились белочехи, командиры которых заявили, что они договор не признают, и начали отнимать у интернационалистов деньги, одежду, про-

дукты. Все командиры и политработники: Унгар, Букли, Затурецкий, Киш, Форбат, Гарай — были немедленно расстреляны. Затем белочехи за одну ночь расстреляли из пулеметов более 1000 бойцов-интернационалистов. Несколько сот красногвардейцев, оставшихся в живых, согнали пешком в Березовку и заключили в специальный концентрационный лагерь.

Дьендьеши, находившийся в этой последней партии, рассказывал с горечью, как после всего перенесенного их привели в Березовский лагерь: «Там сотни офицеров военнопленных нас уже ждали, и, когда мы проходили мимо, они плевали нам в лицо, выражая свою ненависть к революции, к нам, борцам за свободу и счастье трудящихся.

Как жалели мы потом, что не присоединились к Каландарашвили, который со своим отрядом не сдался, а вступил на путь партизанской войны».

Забыть расстрел более 1000 красногвардейцев-интернационалистов нельзя!

Судьба тех интернационалистов из военнопленных, которые отступали в тайгу и горы совместно с русскими бойцами, в основном сложилась не более удачно. Трудности и опасности в тылу у белых возникали на каждом шагу, и многие из красногвардейцев стали жертвами кровавого белого террора.

Такой была судьба после последнего боя у Посольской и многих из оставшихся в живых бойцов отряда, которым командовал я.

* * *

Среди лживых измышлений, которые подхватывали все враги Советской республики и на тысячи ладов перепевала продажная пресса империалистических стран, одной из особенно упорных была версия о том, что большевики организовали и вооружили военнопленных с целью способствовать победе Германии над союзниками. Эта версия была ничем иным, как клеветой, пущенной с целью оправдать вмешательство государств Антанты и США во внутренние дела Советской России.

Да, интернациональные отряды Красной гвардии бились на фронтах с интервентами вместе с рабочими,

солдатами и революционными казаками. И это было так же естественно, как участие в боях русских военнопленных солдат мировой войны вместе с венгерскими рабочими в 1919 году, когда армии интервентов окружили Советскую Венгрию кольцом фронтов и потопили в крови тысяч людей венгерскую революцию.

И разве не так же со всех стран мира пробирались бойцы-интернационалисты на помощь революционной Испании, боровшейся в 1936—1938 гг. против фашистской фаланги.

Такова сила пролетарского интернационализма, таково веление революционного долга.

В августе-сентябре 1917 года рабочие железнодорожных мастерских Читы-I по-братски поделились с нами своим скудным запасом оружия; 25 декабря революционные солдаты, уходя домой, также по-братски выделили нам часть винтовок. Во всей последующей борьбе мы оправдали их доверие, своей кровью и жизнью отстаивая дело пролетарской революции.

Я хотел бы рассказать о тех простых людях, которые становились бойцами революции и отдавали свою жизнь бестрепетно и самоотверженно.

Среди многих из них был Шандор Дейч, и, пожалуй, трудно подобрать более убедительный пример того, как рождались солдаты революции.

* * *

Шандор Дейч родился в 1895 году в селе недалеко от Ужгорода. Окончил среднее учебное заведение только накануне войны 1914 года и успел лишь два месяца поработать конторщиком на мебельной фабрике, где работал мастером его отец.

В сентябре 1914 года Шандора призвали в армию и после окончания школы прапорщиков в начале 1915 года направили на Галицийский фронт. Через год он попал в плен и был отправлен в Песчанский лагерь.

Дейч был задумчивым, скромным, тихим и даже робким человеком. Фронтовые переживания, а затем Октябрьская революция оказали на него большое воздействие. Шандор включился в движение военнопленных. В скором времени этот прежде робкий товарищ совершенно переродился: стал проявлять большую ак-

тивность, выступать на митингах и собраниях, писать в нашу газету, а по ночам читать и изучать все то, что имеет отношение к социализму, к революции. Русский язык он усвоил быстро и хорошо, так как на родине вырос среди украинцев. В конце марта 1918 года после нескольких дружеских бесед, которые я имел с ним, он перебрался в солдатский лагерь, где находился наш партийный комитет и жили красногвардейцы.

Еще год назад никто не предполагал, что Дейч может стать активным работником и стойким революционером, готовым, не задумываясь, отдать жизнь за дело рабочего класса, за Советскую власть.

На собраниях и в беседах с солдатами он неустанно говорил о том, что нельзя в наше время ограничиваться словесными заявлениями о солидарности с пролетариатом России.

Для установления власти пролетариата в Венгрии нужно, чтобы военнопленные рабочие и крестьяне взяли винтовку, гранату, пулемет и на фронте помогали русским братьям уничтожить врагов революции, так как только победа социалистической революции в России создаст условия для победы революции в Венгрии. Сражаться нам здесь, в Сибири, или на Волге за революцию равносильно тому, что сражаться на венгерской равнине у Тиссы или Дуная, ибо враг общий, и общими усилиями мы должны его разгромить.

Еще в мае Дейч намерен был выехать на фронт, но партийный комитет оставил его в лагере, как способного агитатора-массовика и работника газеты. В конце июля, когда положение на Байкале ухудшилось, Шандора уже нельзя было удержать. 4 августа он выехал на Байкальский фронт и стал моим первым помощником по отряду. Дейч выглядел почти юношей, был среднего роста и довольно хрупкого телосложения, немного близорукий. На фронте он как-то возмужал, окреп. В жестоком бою у Танхоя и в последнем кровавом сражении на участке между Боярской и Посольской он уверенно руководил своей ротой и проявлял удивительное самообладание в самые тяжелые моменты. Старые опытные солдаты подчинялись ему, как командиру, которому верят, который пользуется авторитетом.

Дейч проявил себя бдительным и преданным революции человеком, доказав это при появлении белогвардейских парламентеров и в переговорах с ними.

При отходе с посольских позиций в горы Дейчу было поручено с частью отряда, обеспечивавшего прорыв, отступать совместно с железнодорожниками Орлова. В ночном походе он со своими красногвардейцами отстал от русских красногвардейцев, и бойцы заблудились.

Мы искали их несколько дней, но так и не нашли. Уже в мае 1920 года во время встречи с Каландарашвили на Забайкальском фронте я узнал от него, что Дейч со своими бойцами после отступления с Байкала в августе 1918 года блуждал в горах и тайге южнее Байкала около трех недель. Каландарашвили же в начале сентября из Троицкосавского участка отступал с отрядом вдоль монгольской границы в направлении Иркутской губернии. Утром в густом тумане отряды столкнулись. Как одна, так и другая сторона предполагали, что встретились с белыми. Начали обстреливать друг друга. В отряде Каландарашвили были мадьяры, и по возгласам те и другие обнаружили ошибку. Перестрелка прекратилась. Бойцы радостно обнялись и объединились для дальнейшего похода. К несчастью, перестрелка не обошлась без жертв: от пули погиб и командир группы интернационалистов.

Шандор Дейч отдал свою короткую жизнь за дело рабочего класса, за торжество социалистической революции не только в России, но и в Венгрии. Он отдался этой возвышенной идее самоотверженно и целиком. Воевавшие с ним на Байкале товарищи вспоминают о нем с чувством гордости.

С такой же гордостью мы вспоминаем машиниста Фюлёпа Фехера, наборщика Имре Асталоша, углекопа Пала Доната, слесаря Гьула Фуварота, столяра Петера Гвордьевича, учителя Линоша Гримма, батраков Шооша и Кираля, служащего Вейсмана, портного Игнаца Лэби. Это товарищи из состава тех активистов, которые группировались, некоторые из них с начала 1917 года, вокруг выдающегося организатора-революционера Ференца Штейнгардта.

Эти люди являлись ядром организации военнопленных-интернационалистов в Чите. Будучи убеждены,

что активное участие в борьбе ускорит революцию в Венгрии, они сумели поднять и воодушевить на борьбу за Советскую власть военнопленных из рабочих и крестьян.

Около тысячи красногвардейцев из нашего читинского лагеря военнопленных, имен которых я не могу уже восстановить в памяти, вместе с русскими рабочими и крестьянами воевали в 1918 году на Даурском, Нижнеудинском и Байкальском фронтах, боролись далеко от родины за общее дело рабочего класса, за мир, за свободу, за социализм и с честью выполнили свой пролетарский долг революционеров-интернационалистов перед первым в мире государством рабочих и крестьян.

Им не суждено было осуществить свою мечту и надежду скорее вернуться в Венгрию и предъявить счет венгерским помещикам и капиталистам. Эта историческая миссия была осуществлена венгерскими трудящимися спустя 27 лет благодаря братской помощи Советской Армии, той Армии, плечом к плечу с которой на заре ее создания боролись венгерские красногвардейцы-интернационалисты из военнопленных рабочих и крестьян и отдавали жизнь за дело революции. Ныне красное знамя Великого Октября победоносно сияет над Венгрией.

* * *

Наш незабвенный Ференц Штейнгардт... Деятель венгерского рабочего движения, он прошел годы мировой войны и сибирских лагерей как суровую школу, в которой перегорают прописные «истины» социал-реформизма и буржуазного национализма.

Штейнгардт прошел эту школу вместе с простыми людьми своего народа со всеми ее лишениями и тяготами. Он отличался от многих лишь тем, что яснее видел настоящее и помогал людям вскрывать ложь и обман тех, кто кричал об «обороне родины» там, где кровавая мясорубка войны работала на магнатов капитала.

Испытав всю горечь краха II Интернационала, он увидел в ленинской теории и тактике боевое оружие революционной борьбы, при помощи которого можно завоевать победу.

1917 год был для Штейнгардта подлинной школой революции, он стал ее бойцом, организатором, пропагандистом. Штейнгардт пестовал, направлял, вел созданное им ядро революционных социал-демократов, тесно связывая деятельность его с практической борьбой русских рабочих.

Терпеливо, с неослабевающей энергией он обнажал истлевшее одеяние социал-демократизма, преодолевал косные традиции реформизма, шовинизма, дух соглашательства. Нелегко было в короткое время перевоспитать и идеологически перевооружить военнопленных, чтобы они становились солдатами революции, добровольно и сознательно брали винтовку для защиты Октября.

В том, что сотни рабочих, батраков, служащих из читинских лагерей военнопленных вступали в ряды Красной гвардии, — наибольшая заслуга нашего пламенного огранизатора Ференца Штейнгардта.

В том, что новые сотни бойцов вставали на место павших в бою, — влияние его страстных убеждений. Он неустанно доказывал, что дело Октября — кровное дело каждого пролетария, ибо здесь передовые позиции приближающихся боев во всех странах, здесь закладываются основы нового боевого III Интернационала.

Иркутский конгресс иностранных пролетариев был для него съездом, который закладывает основы для создания коммунистических партий Западной Европы, подготовкой кадров, способных возглавить эту борьбу у себя на родине.

Как солдат революции, Штейнгардт остался в Чите, надеясь, что ему удастся продолжать работу в лагерях, пусть нелегально: кто же знает так хорошо людей, как он, кто сможет найти и поставить на пост новых бойцов, способных продолжить дело тех, кто погиб, преграждая путь врагу на Байкальском фронте?

Чья-то черная рука указала на Ференца, его схватили белогвардейцы, бросили в тюрьму и по приказу атамана Семенова расстреляли в сентябре 1918 года.

В 1921 году, находясь за рубежом, я побывал в своем родном городе и зашел на квартиру отца Штейнгардта. Так как он был моим земляком, я знал не только сына, но и его старика отца, который рабо

тал маляром. Трудно мне было найти слова, чтобы не испугать, не убить старика сообщением о судьбе его единственного сына. Я начал с того, что более трех лет был вместе с Ференцем в Сибири в одном лагере. Старик ответил, что ему об этом известно из писем сына. Я продолжал, что сыну в плену жилось неплохо, он работал по своей специальности на электростанции.

— И об этом писал сын, — сказал старик.

Я рассказал, что мы часто проводили время вместе, беседовали о политике, о положении рабочего класса, о том, станет ли рабочим легче жить после войны, и пришли к выводу, что лучше будет жить только после пролетарской революции. Когда же в начале 1917 года в России прогнали царя, но остались генералы и министры-капиталисты, то, решили мы, это еще, очевидно, не настоящая революция, нужно сделать еще один важный прыжок—и тогда-то и будет настоящая революция и власть перейдет в руки пролетариата. Такая революция и наступила в конце 1917 года. Вот тогда мы были удовлетворены и обрадованы. Начало сделано, говорили мы, теперь рабочие в Германии, Австрии и Венгрии должны у себя сделать то же самое

Старик меня остановил и сказал:

— Это желательно, так это и будет когда-нибудь. Я сам социалист, до войны много лет состоял в профсоюзе, каждый год 1 Мая ходил в колонне со всеми рабочими по улицам и обязательно надевал красный галстук, чтобы буржуи почувствовали, что мы не опускаем красное знамя свободы. Теперь я стар, болен и, видимо, работать не смогу, свое время я уже отжил Хорошо, что дочери мне помогают, ухаживают за мной. Мужа одной дочери в 1919 году посадили в венгерскую тюрьму в городе Вац за то, что он, как и вы и мой сын, обрадовался, когда в Венгрии произошла революция. Полтора года сидел бедняга в тюрьме, и выпустили его оттуда с одним глазом. После этого он переехал со своей семьей ко мне в Югославию. Он и сейчас продолжает твердить, что революцию в Венгрии погубили прежде всего «социалисты», что они больше натворили, чем жандармы и бандиты Салаши. Скажите — может быть, я уже стар и не понимаю,— но как это возможно, чтобы социалисты были предателями рабочих. Зять говорит, что будет еще настоя-

щая революция, как в России. Я очень беспокоюсь за него, прошу быть осторожнее, говорю: «Неужели ты хочешь, чтобы жандармы выбили тебе второй глаз, разве ты не видишь, какие времена наступили и в Югославии сейчас?» Я знаю, фанатик он большой, такой, как и мой сын. Они очень дружно жили в Будапеште до войны, где вместе работали в «Ганц-Данубиус». Жаль, что вы не можете поговорить с моим зятем: он сейчас в отъезде.

Старик вдруг сильно затяжно закашлялся и, когда приступ кончился, сказал:

— Позвольте вас все же спросить, когда вы видели последний раз моего сына, где он сейчас и думает ли вернуться на родину? Ведь все военнопленные давно уже дома.

Я ответил, что все время был на фронтах, последний раз виделся с его сыном в первых числах августа 1918 года и в Читу больше не попал, и добавил, что напрасно он думает, что все военнопленные вернулись, там в России многие добровольно остались жить и работать.

Старик медленно, в раздумье промолвил:

— Ну я все это допускаю. Если он жив и остался там работать, это очень хорошо.

Не в силах сказать большее, я собрался уходить и начал прощаться, но старик схватил мою руку.

— Я знал вашего отца пятьдесят лет, оба мы старики, честные труженики, и вас я знаю с малых лет, хорошим живым мальчиком вы были,—говорил взволнованно старик. Руки его дрожали и сжимали мои. — Скажите, жив ли мой сын или его нет в живых, ведь все могло случиться!

Я должен был сказать о смерти Ференца и не мог... Я сказал, что слышал, но не знаю, насколько это верно, будто ваш сын не остался в живых, и если это правда, то он достойно отдал свою жизнь за дело рабочего класса. Таким сыном можно гордиться. Я его любил и уважал за честность и принципиальность, за то, что он умел поднять на ноги тысячи военнопленных на защиту пролетарской революции в России.

На родине Ференца, в Панчово, на главной площади давно возведен гранитный памятник какому-то библейскому святому. Мы позаботимся после победы

социалистической революции в Югославии, чтобы на месте этого памятника был возведен памятник тому, чьи революционные дела прославились: это будет памятник бесстрашному большевику-революционеру Штейнгардту. Родина воздаст ему должное.

В ДНИ ПОРАЖЕНИЯ

19 августа к концу дня наш отряд начал отход. Красногвардейцев, находящихся в группе прорыва, возглавили Морозов, Метелица и Мюллер. Бойцов из отряда обеспечения прорыва возглавили Орлов и Дейч. Договорились о месте и времени сбора через два дня всех отходивших красногвардейцев. Ввиду исключительных трудностей ночного отхода по незнакомой горно-лесистой местности было дано указание отступать всем сразу, не отставая и не теряя из вида впереди идущих.

Темной августовской ночью бойцы двинулись в путь. Выходить из вражеского окружения пришлось через тайгу и крутые сопки. В темноте двигались гуськом, часто останавливались, прислушивались, то тут, то там сталкиваясь с другими группами. При этом некоторые заблудились и мелкими партиями начали двигаться в другом направлении.

К утру головная группа добралась до какого-то возвышенного, но болотистого места, окруженного высокими горами. Под нами расстилалась беспредельная серебристая водная поверхность Байкала. Внизу на десятки километров по линии железной дороги горели станции, водокачки, склады, эшелоны, деревни. Багровое пламя сливалось с лучами восходящего солнца, и глубже бездонного Байкала была наша печаль.

И кони, и люди спотыкались на каждом шагу, неуверенно продвигаясь по болотистому месту. Пэрсй кони тонули в вязком и глубокcм иле. Мой низкорослый красивый жеребец монгольской породы, любимец всех красногвардейцев, также попал в топь, и его медленно засасывало. При каждой попытке высвободиться он еще глубже уходил в ил, и скоро только шея и голова оставались на поверхности. Всего в сотне шагов от этого места была суша, куда уже успели выбраться другие всадники со своими конями.

Мой Батир жалобно ржал, словно призывал на помощь. Я ничем не мог помочь верному другу и в отчаянии думал пристрелить его.

Приблизившись осторожно по кочкам к лошади, я поцеловал на прощание дорогую голову и вдруг заметил, как крупные слезы льются из широко раскрытых глаз коня. Сердце сжалось от боли. Я бросился к своим товарищам и умолил их помочь мне спасти коня.

Набрали крепких веревок, ремней и сучьев. После долгих трудов удалось обвязать Батира ремнями, веревками и приподнять его при помощи поленьев из засасывающего ила, только после таких приготовлений две лошади вытащили полумертвого коня на сухую площадку.

Молодость и выносливость взяли верх, и уже через час мой Батир, весь измазанный илом, крепко стоял на ногах и жадно щипал траву...

Многие из нас принимали активное участие во всех боях на Байкале. Некоторые еще раньше побывали в боях под Нижнеудинском, Черемхово, у реки Белой, совершали трудные переходы.

Пока ум, воля, все мысли и силы были направлены на борьбу с врагом, усталости не чувствовалось. Сейчас она валила с ног, тело неодолимо тянуло к земле, а лицо — к солнцу. Лежа на склоне высокой горы на пушистом изумрудном мху, мы жадно впивали таежную тишину.

Все выше поднималось августовское солнце, и горный воздух постепенно начинал согреваться. Мы решили продолжать путь, чтобы вовремя добраться к намеченному пункту сбора.

Брать с собою лошадей (их было тридцать) было нецелесообразно, так как они не могли бы пробраться через крутые горы, где отсутствовали даже горные тропы. Приняли решение раздать лошадей крестьянам ближайших русских и бурятских деревень, что поручили сделать двум красногвардейцам.

«Товарищи!» — призвал зычный голос, и раскатистое эхо пронеслось вокруг: «Товарищи-варищи-и-и»... Все встали и двинулись вперед по намеченному маршруту.

Отход в тайгу и горы совершался быстро, в тревожном душевном состоянии, поэтому едва ли кто думал запасаться провизией. В лучшем случае у некоторых красногвардейцев оказалось в рюкзаке немного хлеба, пара кусков сахара, банка консервов, немного махорки, чаю и соли. Между тем наши отряды до отхода с позиций имели вдоволь провизии, и все это осталось там, где теперь господствовал враг.

Продвигались медленно. В безлюдных горах мы считали себя вне опасности. Все чувствовали какое-то облегчение, после того как удалось вырваться, казалось, из безнадежного положения.

К вечеру на первом привале зажгли огни, и каждый доедал свои скудные запасы, не думая о завтрашнем дне. «Как-нибудь дотянем до первого бурятского селения», — говорили некоторые.

От усталости скоро все дружно заснули у костров.

На следующий день добрались до пункта сбора. Мы возлагали большие надежды на группы Орлова и Дейча. Они перед отступлением находились поблизости от наших продовольственных запасов, и я просил раздать как можно больше провизии бойцам, с тем, чтобы впоследствии обеспечить питанием и нашу группу.

День подходил к концу. Разведчики, посланные во всех направлениях для розыска находившихся где-то в пути отрядов Орлова и Дейча, возвратились ни с чем. Бойцы рассказывали: «Кричали, стреляли, зажигали большие костры, вскарабкивались на высокие деревья, но никого не обнаружили; вероятно, они сбились и взяли другое направление».

Мы находились южнее железной дороги, в двадцати километрах от станции Посольская, среди высоких сопок и гор.

— Что же ты предполагаешь? — спросил я у Морозова.

— Насчет Орлова я не беспокоюсь,— ответил главком, — ибо он прирожденный партизан, притом человек умный, образованный, военное дело знает неплохо, и бойцы у него надежные — слесари, токари, механики, шахтеры,—лучшие, что есть в Чите. С ними мадьяры не пропадут в наших лесах от незнания обстановки. Я думаю так,— продолжал Морозов,—заночуем здесь,

зажжем большие костры в нескольких местах по направлению к югу и, если к утру они не появятся, продвинемся дальше.

Но и на следующий день к пункту сбора никто не явился. Кругом было тихо. Костры давно догорели, и только мелкие струйки дыма тянулись между деревьями.

Итак, мы снова двинулись в путь. Был уже третий день нашего ухода с позиций. Впереди шел Морозов с двумя местными красногвардейцами, которые обещали вывести нас к ближайшему бурятскому селению. Путь был трудный. Многие красногвардейцы были уже не в состоянии передвигаться от усталости и голода. Часть бойцов оставила на привалах последнюю тяготившую их ношу — боевые винтовки. Голодные красногвардейцы набрасывались и с жадностью поедали дикие ягоды, изредка попадавшиеся в горах.

У меня на третий день осталось семь кусков сахару и немного махорки. У т. Морозова не было даже этого.

В поисках ягод и воды многие отставали. Нас становилось все меньше. Населенных пунктов не встречалось. На пятый день похода в отряде осталось 53 бойца, 21 из них — без винтовок.

Во время привала подошли еще 7 человек. Они от изнеможения повалились на землю и заявили, что дальше не пойдут: сил больше нет, потом добавили: «Бурятские селения, вероятно, тут близко, идите без нас и не беспокойтесь, мы сумеем еще добраться до вас, только отдохнем».

На шестой день после долгих и утомительных блужданий мы выбрались на тропинку, которая вела к большой извилистой и шумной горной реке. Много раз тропа доводила нас до реки и вдруг пропадала.

В течение полутора дней в поисках жилья, людей и пищи мы несколько раз переправлялись через реку и обратно.

Все сильно отощали, и отстающих стало еще больше.

К концу восьмого дня похода нас осталось лишь 43 человека, в том числе одна женщина, фамилию которой, к сожалению, не могу вспомнить. Во время это-

го тяжелейшего похода она показала себя настоящим героем, всю дорогу не бросала винтовки.

Морозов сказал:

— Значит, нас осталось 43 человека. Дела наши плохи, товарищ Мюллер, ведь, когда начали отход, было не менее 150 бойцов.

Разговаривая и медленно продвигаясь вперед, мы неожиданно натолкнулись на охотника бурята. Трудно описать, как велика была наша радость. Охотник хорошо говорил по-русски, и от него мы узнали, что находимся в двадцати верстах от реки Селенги и в пяти — от небольшой бурятской деревни.

Охотник взялся нас проводить и предложил свою лошадь, на которую садились наиболее истощавшие бойцы.

По дороге наш проводник сказал, что жители его деревни в эти места не ходят ни за дровами, ни на пушного зверя, ибо здесь не мудрено заблудиться даже им, и что в поисках деревни мы могли бы блуждать еще не меньше двух дней, а сейчас быстро придем в деревню, спустившись напрямик с сопки.

Спуск был очень крутым; несколько раз мы падали, сползали; ветви деревьев царапали нам руки. Лошадка спускалась с трудом, иногда также скользила, тормозя задними ногами.

Еще несколько остановок, и мы наконец-то дотащились до избы, стоявшей особняком в версте от деревни, у подножия горы. Это было 27 августа. Жена охотника вначале испугалась и растерялась при неожиданном появлении стольких людей, но потом оказалась очень гостеприимной.

Она расстелила на полу все свои меха, и мы как подкошенные повалились на теплые, мягкие шкуры. Все в избе не поместились, и многие расположились отдыхать во дворе на мягкой травке.

Здесь, у подножия гор, где начиналась бесконечная степь, даже ночью было тепло.

— Надо вам подкрепиться, — сказал наш спаситель, — сейчас я зарежу двух баранов, пока покушайте молока и немного хлеба.

— Барашков, хозяин, оставь на завтра, а сейчас дай нам хоть немного молока, и за это поблагодарим, — ответил Метелица.

Хозяин по-бурятски поговорил с женой и сыном юношей.

— Молоко есть, сметана есть, хлеб есть; накормим досыта, — сообщил он.

Скоро нам принесли молоко в глиняных кринках, сметану в большом медном тазу и хлеб.

Все красногвардейцы так обессилели, что не в состоянии были есть сидя, пришлось хозяину поставить еду на пол, и мы, лежа на животах, с жадностью голодных зверей накинулись на пищу. Когда насытились, то не могли повернуться на бок, но не столько от пресыщения, сколько от смертельной усталости. Ничего больше не хотелось, только отдыха.

Всю ночь спали как убитые. К утру видно было сквозь щели, как восходит осеннее, все еще теплое солнце, освещая бесконечную даль забайкальской зеленой степи. Большая черная сибирская лайка, лежа у крыльца, недоверчиво поглядывала на нас, непрошенных гостей.

Морозов, лежавший между мной и Метелицей, стал нас будить:

— Вставайте, разве не чувствуете, что пахнет жареным мясом?

Мы поднялись, всем хотелось курить, но табака ни у кого не было. Хозяин согласился достать курево. Он позвал сына и сказал ему:

— Оседлай свою лошадь, поедешь за табаком.

Я вынул керенки и говорю:

— Вот тебе деньги.

Но юноша заметил коротко:

— Не пойдет.

Тогда я предложил ему забайкальские деньги, большие по размеру, парень снова сказал:

— Не пойдет. Царские есть?

Нашлась красненькая десятирублевая.

— Вот это пойдет, — подмигнул юноша и спрятал деньги.

Парень лихо вскочил на коня и, стоя в седле, скрылся за горизонтом.

На завтрак нас угостили жареной бараниной и овечьим сыром. Пока мы ели, к избе стали сходиться из деревни сначала бурятские мальчишки, а потом и

взрослые. Собралось человек двадцать. Все усаживались возле избы, молча закуривая, не здороваясь, не задавая вопросов и даже не глядя в нашу сторону. И что удивительно — с хозяином также не здоровались, не разговаривали, как и он с ними, словно они пришли к себе домой. Сидели буряты, поджав под себя накрест ноги, с трубками во рту, и вряд ли нашелся человек, который по их спокойным, непроницаемым лицам мог бы угадать, о чем они думают.

Несколько позже подошел и подсел немного в сторонке от остальных старый бурят в очках. Буряты в этой местности хорошо говорят по-русски Они, несомненно, знали о событиях, о том, что вдоль железной дороги идет война между белыми и красными, о том, кто мы такие.

По поведению присутствующих можно было подумать, что эта война их не касается и им все равно, кто одержит победу.

— Видишь, вот тут и угадай, кто они: враги или друзья, — тихо сказал мне Морозов.

— Надо с ними по-дружески побеседовать, тогда выясним, — отвечаю.

— Здорово, отцы! — почтительно обратился к сидящим бурятам Морозов.

— Здорово, здорово, — ответили они вразброд, вынимая трубки изо рта и затем вновь вкладывая их в рот и потягивая.

— Ну как живете? — спросил Морозов.

— Живем, — ответили некоторые. Наступила минутная пауза.

— Отцы, как вы смотрите, если наши больные у вас немного отдохнут? Познакомимся, подружимся, поможем вам, если в чем-нибудь нуждаетесь, в обиду вас не дадим, — говорил Морозов.

Тут сидящий в сторонке старый бурят в очках злобно и быстро заговорил:

— Царя прогнали, церкви закрыли, землю и скот отобрали. Такие друзья и защитники нам не нужны, вот за это вас и побили. Да что тут говорить, теперь, видать, вы уже навеки отвоевались.

После слов старика остальные буряты зашевелились на своих местах, и спокойствие с их лиц исчезло. Наш хозяин повернулся к старику.

— Далеко загнул, зачем зря людей обижать и зачем жалеть царя? Что хорошего он делал для народа? Его народ прогнал, проживем мы без царя и без шаманов, старый мошенник ты!

Остальные бесшумно, но одобрительно засмеялись, а хозяин наш еще решительнее бросил в лицо старику, который, как выяснилось, был местным богатеем:

— Уходи сейчас же отсюда, слышишь, и не говори больше от нашего имени, кто тебя просил!

Старик медленно поднялся и, уходя, с явным раздражением сказал:

— И тебя, дурака, скоро, скоро научат уму-разуму.

Когда старик в очках ушел, один из бурятов сказал нам смущенно, мягко и сердечно:

— Мы люди мирные, чем сможем — поможем, в ваши дела мы не вмешиваемся, но кабы от этого нам вреда не было. Наши соседи-старообрядцы — народ неприветливый. Их поп, староста и десять стариков вчера отправились прямо в Читу на поклон: ждут туда атамана Семенова. Вот узнают, что вы у нас остановились, и пойдут доносы и вражда. Ваших слабых и больных мы разместим в лесу, а остальным не советуем больше двух суток здесь оставаться, хлеба и мяса на дорогу мы вам дадим.

Мы поблагодарили бурятов, побеседовали еще немного с ними, и гости постепенно стали расходиться.

Нам удалось выяснить, что кругом пока все было тихо. Буряты относились к нам терпимо. Казачьи станицы были сравнительно далеко, железная дорога — в восьмидесяти километрах. Поэтому, посоветовавшись, мы решили еще денек отдохнуть. У многих были до крови стерты ноги, нужно было промыть и забинтовать раны. Эти товарищи выбыли из строя по крайней мере на неделю и были неспособны делать большие переходы.

На следующий день обсудили положение и стали решать, что делать дальше. Единодушно решили при первой возможности продолжать борьбу с врагами Советской власти.

Метелица предложил пробраться в Минусинскую губернию, где есть много подходящих мест для борьбы с врагом. Морозов же считал более целесообразным пробраться в Амурскую область и там организовать

партизанскую борьбу, мотивируя свое предложение тем, что он родом из Бочкарево и прекрасно знает эти места.

А для меня не имело решающего значения, где бороться против контрреволюционных сил: в верховьях Енисея, у реки Амура или Зеи, мне лишь казалось, что в Амурскую область можно быстрее пробраться.

Учитывая, что бойцы-интернационалисты стремятся поближе к Забайкалью, я присоединился к предложению Морозова.

Метелица с полутора десятками бойцов отправился на запад, примерно 15—18 красногвардейцев остались залечивать раны. Морозов, я, двое читинских рабочих из железнодорожного депо и десять бойцов-интернационалистов отправились к реке Селенге с намерением добраться через южную часть Забайкалья до Шилки, а затем до Амура.

На следующий день мы подошли к быстрой реке Селенге и севернее города Селенгинска на лодке переправились через нее. По словам рыбаков, в ближайшей русской деревне находилось много красногвардейцев, спустившихся с гор. Туда мы и направились.

Крестьяне, в основном старообрядцы, встретили нас холодно. Здесь находилось около двадцати пяти красногвардейцев. Они решили присоединиться к нам и поскорее покинуть негостеприимную деревню. Недалеко от деревни Новое Заганское мы заметили конные дозоры деревенской самообороны. Пришлось этот пункт обогнуть и заночевать в стогах сена. После нескольких привалов у бурят наша группа добралась до деревни Ново-Никольской. Крестьяне здесь встретили нас приветливо. Я с Морозовым и читинские рабочие расположились вместе в одной избе. Только сели ужинать, как в избу ворвалась большая возбужденная толпа вооруженных людей.

— Вы откедова? — властно спросил мужик-бородач. Он снял винтовку с плеча, то же сделали остальные.

Сын хозяина, недавно вернувшийся с германского фронта, только что рассказывал нам, что за последние 3—4 дня вооруженные казаки замучили и расстреляли несколько красногвардейцев, проходивших через деревню. Не успев еще осмыслить эту новость, мы сами попали в руки дружинников. Хозяева были очень

взволнованы, чувствовалось, что их симпатии на нашей стороне.

Нам предложили выйти на крыльцо и во дворе быстро и грубо отделили друг от друга. «Бей их!» — закричал кто-то из них.

Поняв, чем это пахнет, я решил дешево не сдаваться и выхватил свой наган, но, получив сильный удар по голове, упал без сознания. Нас спасли демобилизованные солдаты, недавно вернувшиеся с германского фронта. Они потребовали прекратить издевательства. Только благодаря им нас не добили.

Впоследствии мы узнали, что в Ново-Никольском было много солдат, вернувшихся с фронта и из германского плена. Они не одобряли зверского поведения своих односельчан. Фронтовики сплотились и начали вести борьбу против контрреволюционно настроенных крестьян, во главе которых стояли местный поп и богатый купец Шур.

Когда мы пришли в себя, хозяйка рассказала, что от дружинников, как она назвала «вооруженной банды», спасли нас фронтовики, в числе которых были ее муж и сын. Она озабоченно продолжала:

— Теперь у нас в деревне покоя не будет, все вооружаются — отцы против сыновей, сыновья против отцов. Боже ты мой, столько лет жили спокойно, а теперь — вот какая неразбериха и вражда.

На улице долго еще длилась перебранка между дружинниками и фронтовиками. Только спустя некоторое время вооруженная банда верхами направилась на тракт рыскать по соседним деревням. Нас подобрали, обмыли кровь; какая-то женщина, оказавшаяся бывшей сестрой милосердия, перевязала раны. Избиениям подверглись только мы четверо. Красногвардейцы, разместившиеся на другом конце деревни, услышав об этой заварухе, успели скрыться в ближайшем лесу. Позже они вновь присоединились к нам.

Вернувшиеся ночью хозяин с сыном сочувственно и как бы с извинением посмотрели на нас. Потом хозяин сказал жене:

— Ставь самовар. Раз их не добили, значит, жить будут на славу, а подкрепиться им надо.

Вид у нас был страшный. Лица и головы товарищей были разбиты; у многих выбиты зубы; нос, губы

и глаза распухли; один руку поднять не может, другой — ногу, а третий головы повернуть не в состоянии. У меня забинтована голова, глаза распухли.

Через три дня сын хозяина на телеге отвез нас в лес. Гостеприимные хозяева снабдили нас всем необходимым: хлебом, мясом, солью, спичками и табаком, еще и топорик дали.

Плохо только было, что мы остались без оружия.

В лесу мы сделали шалаш, перевязали друг другу раны и по очереди ходили в разведку. На четвертый день встретили группу красногвардейцев, также воевавших на Байкальском фронте. Все они в один голос рассказывали о зверствах кулаков и казаков.

Собралось нас в лесу человек 30. Решили осторожно пробираться дальше на восток. Трое суток мы двигались по лесистым сопкам, держась неподалеку от тракта, чтобы не заблудиться. В пути попадались трупы убитых красногвардейцев. Это было бесспорным доказательством того, что здесь по всей местности орудуют белогвардейцы. А оружия ни у кого из красногвардейцев не было.

Кончились продукты. В деревне Хонхолуй мы решили попытаться раздобыть немного хлеба. Направили разведчиков. Те вернулись с известием, что в деревне все спокойно, и в доказательство показали каравай ржаного хлеба, полученный в первом доме. Но едва мы подошли к околице, как нас окружили. Оказалось, что мы попали в руки отряда прапорщика Анциферова. В нем было человек пятьдесят, среди них — два унтер-офицера и несколько студентов.

Нам скрутили назад руки и попарно связали. Началось избиение. Потом нас потащили в сельскую управу и заперли в большой чулан.

Прапорщик Анциферов приходил к нам каждый день пьяный. Он хвастливо рассказывал, что собственноручно расстрелял несколько сот красных и даже устал от этой «грязной работы», но продолжает ее только из чувства долга по отношению к «поруганной России».

Мы молча слушали его, и каждый про себя думал: «Погоди, пьяная морда, дай срок, и мы покажем тебе, где раки зимуют».

Арестованные все прибывали. Скоро нас стало восемьдесят человек.

В это время был созван сельский сход, на котором обсуждались вопросы о мобилизации в белую армию и о налоге. Должна была решиться и наша судьба.

Сход проходил на улице, через решетку окна нам все было видно и слышно. Вопрос о мобилизации прошел вяло. Выдвигались различные аргументы, наподобие такого, что бабы одни не справятся без мужиков, а время рабочее. В итоге в селе мобилизовали всего двадцать человек, хотя Анциферов намечал набрать здесь не менее сотни.

Вопрос о налоге натурой провалился. Мужики уверяли, что красные все разграбили, да и урожай был плохой. Хлеба совсем нет. Здесь же возник спор: за чей счет содержать нас, заключенных, и зачем нас вообще держать и кормить.

Тут мы попросили выслушать нашего представителя. Просьбу нашу приняли не сразу. Анциферов кричал:

— Вот еще, антихриста слушать!

— Пущай говорит, — раздались отдельные голоса мужиков.

Выступил один из присоединившихся к нам в лесу красногвардейцев. О нем я знаю только то, что в ходе войны он был переброшен со своим полком во Францию, а после Октябрьской революции вернулся в Россию.

Этот товарищ оказался недурным оратором. В своей речи он стремился пробудить национальную гордость и затронуть отцовские сердца.

Крестьяне слушали его со вниманием, некоторые старики прослезились.

В результате сход постановил не заниматься больше самоуправством, а передать всех заключенных «законной» власти.

Временно мы были спасены, но перспективы все же оставались мрачными. Мы знали, что, если попадем в Читу к атаману Семенову, никому пощады не будет.

После продолжительной торговли с палачом Анциферовым, который никак не хотел расстаться со своей добычей, нас погнали этапом в Петровский За-

вод. Отсюда половину пленных отправили в Читу, а остальных — в Верхнеудинск. В Петровском Заводе белогвардейский офицер выстроил заключенных в одну шеренгу и скомандовал: «Каждый второй три шага вперед!» Затем последовала команда: «Первый ряд, налево, шагом марш!» Так и разделили.

В день нашего выезда, 9 сентября 1918 года, на станции Петровский Завод собралось много народа. Провожали на фронт мобилизованных белыми крестьян.

Не особенно приятна была мужикам эта мобилизация. А когда провожавшие их жены, матери и сестры начали плакать и причитать, мобилизованные заволновались, принялись ругать офицеров, изливая свое возмущение на головы унтеров-инструкторов.

Уже началась кое-где и потасовка, но белочехи, эшелон которых стоял на запасных путях, угрожая открыть пулеметный огонь по «взбунтовавшимся», навели порядок. Мобилизованных по команде усадили в вагоны. Поезд тронулся. Нас отправили в поезде вместе с мобилизованными, но в особом вагоне.

10 сентября мы прибыли в Верхнеудинск. С вокзала нас повели к градоначальнику, а тот всех сразу отправил в тюрьму, проговорив: «Что с этой сволочью возиться».

Когда в Петровском Заводе нас загнали в товарный вагон, списков не составили, лишь подсчитали, как овец в отаре.

В Верхнеудинске градоначальник также принял арестованных лишь по количеству. В тюрьме прибывшую партию снова подсчитали и раздели, оставив в одном белье.

Половину загнали в камеру № 3 на второй этаж, туда попал и я, остальных водворили в камеру № 4, сюда попали Морозов и братья Зайцевы из отряда Орлова.

Оконные стекла в камерах были разбиты, посреди стоял длинный стол, около него — такие же длинные скамьи, пол был цементированный, нары отсутствовали. На скамьях и столе было много надписей, вырезанных бывшими обитателями камеры, начиная с 1906 года.

Камера еще до нашего прихода была набита арестованными, в большинстве красногвардейцами, но находились здесь и гражданские сторонники Советской власти.

Мы встретились в камере со многими знакомыми по фронту и тылу.

В конце октября и в ноябре было уже очень холодно. Ходить босиком по цементному полу при открытых окнах стало пыткой. Теснота в камере была ужасная. Лечь полуголому на пол было просто невозможно, мест же на скамейках, конечно, не хватало.

Разовое питание в тюрьме за день состояло из полфунта хлеба и жидкого картофельного супа (гнилой картофель в кипятке). По воскресеньям давали дополнительно 20 граммов мяса.

Для того чтобы получить какую-нибудь медицинскую помощь или лекарство, добиться хотя бы промывки ран, нужно было выйти в коридор, где два раза в неделю принимал фельдшер. Но там всегда находился старший надзиратель, который зверски издевался над заключенными и бил их кулаком или связкой огромных ключей, называя каждого антихристом и анархистом.

За четыре месяца заключения мы ни разу не могли пользоваться баней. На прогулку никто не ходил, ибо все были раздеты. Не удивительно, что в такой обстановке в тюрьме вспыхнул тиф.

Никто из красногвардейцев, попавших в Верхнеудинскую тюрьму, не назвал свою настоящую фамилию при регистрации. Придумал и я новое имя и соответствующую биографию, выдавая себя за серба, бывшего военнопленного австро-венгерской армии из Даурского лагеря.

Газеты попадали к нам очень редко, да и то только обрывками в качестве оберточной бумаги. Тем не менее сведения из внешнего мира, известия с фронта все-таки доходили до нас.

Между нами велись горячие споры на политические темы. Среди заключенных красногвардейцев нашлись и такие, которые считали дело революции в Сибири проигранным. Большинство же горячо доказывало, что Красная Армия скоро победит интервентов и белых.

Начальник тюрьмы при обходе на просьбы заключенных разрешить им вымыться в бане неоднократно заявлял: «Сгноим вас всех тут».

И действительно, к концу декабря 1918 года в тюрьме вследствие голода, холода и грязи смерть косила людей. В особенности свирепствовали тиф и дизентерия. Товарищи умирали в камерах на наших глазах. Тюремная амбулатория никакой помощи не оказывала: то она на ремонте, то вообще закрыта из-за неимения медикаментов или отсутствия медицинского персонала.

Многих товарищей из нашей и других камер увезли на принудительные работы, и к нам они больше не вернулись. В таких условиях дни и ночи тянулись медленно, жутко. Никто из нас не мог мечтать о спасении, если Красная Армия скоро не подойдет. Тяжелобольные лежали на полу, ожидая смерти. Те, кто еще держался на ногах, прижимались друг к другу, тщетно пытаясь согреться.

Громко разговаривать строжайше запрещалось. Как-то под вечер один из больных в бреду запел молитву. Через несколько минут этот мотив вполголоса подхватили другие, затем робко, но уже громче запели все.

К нашему удивлению, даже дежурный охранник, пожилой уже человек, стоявший у дверей камеры, стал прислушиваться к пению, словно в тупом раздумье.

И вот с этого вечера мы без разрешения начали тихо петь по существу чуждые нам мотивы.

Один из заключенных, телеграфист из Верхнеудинска, хороший баритон, взялся организовать хор.

Однажды мы сделали попытку пропеть на какой-то церковный мотив революционную песню, но дежурный надзиратель быстро разобрался в чем дело и приказал «заткнуть рты».

В подвале тюрьмы находились тюремная кухня и пекарня, куда мне приходилось вместе с другими заключенными иногда ходить за получением пайка для своей камеры. Заведующий пекарней военнопленный австриец, работавший как вольнонаемный специалист после неоднократных и долгих уговоров согласился просить разрешения у помощника начальника тюрьмы

использовать меня в качестве рабочего в пекарне, что ему и удалось.

Так я попал в пекарню, где пилил и колол дрова, носил воду, разжигал рано утром четыре огромные печи, чистил хлебные формы. Работа была тяжелой. Во второй половине декабря однажды утром я не смог подняться с нар. Лежал в полубессознательном состоянии, в сильном жару. Заведующий пекарней, полагая, что у меня сыпной тиф, упросил фельдшера сейчас же забрать меня.

Придя в себя, я удивился незнакомой обстановке: другая комната, на старых железных койках — всего только шесть больных и сестра милосердия. Впрочем, сестра оказалась далеко не милосердной и по грубости ничем не отличалась от старшего надзирателя. Чем я болел, так и не знаю, очевидно, паратифом. К тому же еще был истощен до крайности.

Спустя семь-восемь дней дверь камеры с шумом распахнулась и на пороге появился безобразно толстый полковник в сопровождении адъютантов, за ними следовали комендант, надзиратели и еще какой-то военный в иностранной форме. Мелькнула мысль: «Это за мной. Теперь уже конец».

Офицер в форме легионера обратился к старшему надзирателю, указывая на каждого из нас в отдельности. Когда очередь дошла до меня, он спросил:

— А это кто?

— Маркович, — поспешил ответить я, — серб по национальности, военнопленный австро-венгерской армии из лагеря Даурия.

— Позор! — неожиданно воскликнул толстый полковник.

Все переглянулись в недоумении, не зная, чему приписать это возмущение. Комендант в свою очередь подтвердил, что я зарегистрирован как Маркович, серб по национальности.

Легионер спросил меня о чем-то по-сербски. Я воспрянул духом. По-сербски я говорил прилично. Мы обменялись несколькими фразами, вроде таких: где родился, чем занимался, кем служил. По выражению лица легионера я увидел, что сомнения у него рассеялись, он поверил в то, что я серб.

Русский полковник опять сказал:

— Позор, какой позор! Славянин, а наверняка симпатизировал красным, иначе не очутился бы в тюрьме.

Он неуклюже повернулся и вышел. За ним последовали остальные. После этого визита я долго не мог успокоиться. Мысли роились в моей голове: «Что же будет дальше? Расстреляют или нет?»

На следующий день никто не пришел. Через три дня появился тот же сербский офицер с надзирателем. Подойдя ко мне, он присел на край койки и сказал по-сербски:

— Я эмиссар сербского корпуса штабс-капитан Барбиани. Допустим, вы ничего общего не имели с красными. Что вы будете делать, если я вас освобожу? Пойдете ли в ряды объединенных национальных сил, которые борются против красных?

Я ответил:

— Если бы я вышел на свободу, то прежде всего подумал бы о том, как отдохнуть и подлечиться. Я болен, истощен и поэтому затрудняюсь ответить на ваш вопрос.

— Допустим, вы поправились бы, отдохнули, а потом что?

— Готов стать вашим денщиком, — ответил я.

Барбиани улыбнулся и после некоторого молчания сказал:

— Завтра я приду за вами. До свиданья.

Я ушам своим не верил. Мысли кружились от радости, а где-то в глубине упорно постукивало. «Нет-нет, это еще не конец. Не верь...» Но надежда брала верх, и я мысленно восклицал: «Посмотрим в дальнейшем, кто кому будет чистить сапоги!»

На следующий день эмиссар, действительно, пришел в сопровождении тюремщика, который нес большой узел. Барбиани сообщил мне, что я могу собираться, одежда для меня готова.

Тюремщик развязал узел. В нем оказались сапоги, шинель, гимнастерка, теплая фуфайка и белье. Оделся я с большим трудом. Встал, попробовал сделать два-три шага самостоятельно, но голова сильно закружилась, я покачнулся и чуть не упал. Пришлось Барбиани и тюремщику взять меня под руки, с их помощью я спустился с лестницы. Часовые нас беспрепятственно

пропустили. Тюремные ворота закрылись, но все еще не верилось, что я на свободе. Пусть это свобода относительная, но я был уже вне тюрьмы.

Это произошло в начале января 1919 года. День был морозный, густой туман стлался кругом. Дышать было трудно. Одолевала слабость. Мы двигались медленно и оба молчали.

— Куда? — спросил я своего «покровителя».

— На станцию, — был лаконичный ответ.

Мы сели в пригородный поезд и через полчаса были уже в Березовке.

— А теперь куда? — спросил я вновь Барбиани.

— В барак № 6.

Я прекрасно знал всю местность. Барак № 6 был раньше бараком Березовского лагеря военнопленных. В этом здании мне неоднократно приходилось выступать, когда мы ехали на Байкальский фронт.

Японские оккупационные войска, покровители атамана Семенова, продвинулись от Тихого океана почти до Байкала; посты японцев стояли у моста через реку Селенгу. Японцы до того обнаглели, что, захватив магистраль, не пропускали без осмотра ни одного поезда. Они проверяли даже все воинские составы Колчака и интервентов.

В тот день, когда Барбиани и я приехали в Березовку, японская часть остановила эшелон итальянских войск. Командир итальянского эшелона решил не допустить осмотра, оспаривая свои права, горячился и ударил японского офицера по лицу.

Японцы немедленно подняли тревогу, и за какие-нибудь 5—6 минут японский гарнизон Березовки окружил вокзал, направив пулеметы на эшелон итальянцев. Последние в свою очередь забили тревогу, солдаты выскочили из вагонов, вытащили пулеметы.

Барбиани, не предвидя ничего хорошего и не желая быть свидетелем такого позорного, с его точки зрения, зрелища, как драка союзников между собою, быстро прошел дальше.

Весь вечер и всю ночь я прислушивался к каждому шороху, ожидая стрельбы, но кругом все было тихо. Городок мирно спал.

Позже я спросил у Барбиани:

— Почему не было выстрелов?

— Подоспевшие русские офицеры, — ответил он,— сумели помирить обе стороны. А жаль, что японцы не поколотили этих паршивых итальянцев Нам, сербам и хорватам, придется еще как следует подраться с итальянцами: ведь они хотят забрать у нас всю Адрию.

Барак № 6 оказался теперь тыловой канцелярией чехословацких частей, обслуживающих Верхнеудинский округ. В нем же были отведены две-три комнаты для проезжих чехословацких, югославских, румынских и польских легионеров.

Четырехмесячное пребывание в Верхнеудинской тюрьме сильно подорвало мое здоровье. От слабости я с трудом передвигался. В Березовке я впервые попал в баню, а после бани получил сытный обед и лег спать на чистые нары. Двое суток я проспал непробудным сном, и никто меня не тревожил. На четвертый день пребывания в Березовке Барбиани сказал:

— Вы уже немного поправились, отдохнули; теперь пора нам в путь.

Он намекнул мне о задачах, которые на него возлагались. Ему предстояло посетить все лагеря и тюрьмы с целью мобилизации югославян, бывших военнопленных австро-венгерской армии, в организуемый сербский корпус, штаб которого разместился в Томске.

Обследовав все города, он должен был поехать во Владивосток и Дайрен, чтобы получить там обмундирование и амуницию.

Я спросил Барбиани:

— А сколько уже сейчас имеется сербских солдат в Томске?

— Надеемся собрать тысяч десять, а пока их в Томске три тысячи, — ответил он.

20 января 1919 года, захватив чемодан своего «начальника», к счастью не тяжелый, я уселся с Барбиани в пассажирский поезд, направлявшийся в Читу.

Есть пословица: гора с горой не сходится... Поезд шел медленно, поднимаясь по Яблоновому хребту. Ночь была морозной, в вагоне — тишина: все пассажиры уже спали. Я вышел в коридор покурить и там заметил пассажира высокого роста, наблюдавшего за мной. Это оказался т. Литвин, большевик из Читы,

знакомый по совместной работе. Он информировал меня о трудных условиях подпольной работы в Чите и Забайкалье, о жертвах белого террора. От него я узнал о гибели Штейнгардта, который перед эвакуацией Читы организовал еще один красногвардейский отряд в Песчанском лагере военнопленных. Командиром отряда был назначен один из наших старых активистов — Вейсман. Литвин рассказал, что Штейнгардт должен был эвакуироваться с этим отрядом на восток, но по неизвестным причинам застрял в Чите. Его задержали восставшие белые офицеры, посадили в тюрьму и по прибытии атамана Семенова в Читу и по его указанию расстреляли. Об этом знал весь город.

В Чите мы разместились в бараке с польскими легионерами. Здесь у Барбиани были дела на несколько дней, а меня такой срок не устраивал. Я опасался, что в Чите, где мне пришлось жить с 1915 года, могут найтись люди, хорошо меня знающие, а это могло кончиться плачевно.

«Патрон» в первый же день приезда дал мне поручение отправить заказное письмо на почту. Пришлось прикинуться больным. Состояние здоровья давало возможность прибегать к этому предлогу. В течение шести дней пребывания в Чите я продолжал притворяться больным, используя свой досуг на то, чтобы обмозговать план бегства.

Я рассуждал так: если эмиссар поедет во Владивосток через Амурскую дорогу, я сбегу от него около Бочкарево; если же он поедет по КВЖД, попытаю счастья в Харбине. Первый вариант казался мне более подходящим: из разговоров польских легионеров я узнал, что на Амуре появились партизанские отряды.

Барбиани, однако, решил ехать через Харбин. В день отъезда я попросил его взять меня с собой, заявив, что здоровье мое улучшилось. Чтобы расположить к себе «патрона», я начистил ему до блеска сапоги, приготовил кофе по-турецки, нажарил блинчиков с вареньем. Барбиани окончательно размяк от удовольствия и не находил слов для похвал. Отъезд из Читы был обеспечен.

Утром мы тронулись в путь. Американский паровоз, весь покрытый льдом, тяжело пыхтя, медленно

отошел от станции. Стоял сорокапятиградусный мороз. Поезд был переполнен пассажирами, в большинстве военными.

Снова я оказался в известной степени на свободе. Барбиани в мягком вагоне беззаботно веселился в компании русских и антантовских офицеров и словно совершенно забыл о моем существовании.

Тщетно искал я среди пассажиров трудящегося человека, но моими попутчиками оказались какой-то предприниматель, «обследовавший» Сибирскую магистраль и интересовавшийся прочностью колчаковского режима, бывший помещик, теперь коммерсант, фабриканты, крупные и мелкие банкиры. Все они еще в конце 1917 и в начале 1918 годов бежали с Волги, Урала и Украины в Сибирь, на Дальний Восток, в Маньчжурию, Китай и даже Японию. Когда белогвардейцы и белочехи захватили Сибирскую магистраль, эти отщепенцы народа в одиночку и семьями стали передвигаться с востока на запад, занимаясь по пути коммерческими делами.

Против меня в вагоне сидел маленький толстяк, щуривший один глаз во время разговора. Это оказался иркутский золотопромышленник и миллионер Фризер.

— Значит, вы только на картинке видели самородок золота? — обращался он к своей соседке, молоденькой девушке, дочери сахарозаводчика с Украины. — Проездом в Токио через Харбин прошу быть моей гостьей. Я познакомлю вас со своей дочерью, которая очень увлекается музыкой. В своем доме я покажу вам самородок золота весом в полтора килограмма.

На другой скамейке спорили усатый здоровенный брюнет — рыбопромышленник из Астрахани и высокий костлявый адвокат из числа «политических деятелей» из Томска, которыми был обилен этот университетский город. Один уверял, что освобождение от большевиков придет с востока, другой — с юга. В вагоне все увлекались едой и всякими винами и бесконечно угощали друг друга. Кругом раздавался полупьяный бред. Я был невольным наблюдателем и с содроганием думал о том, что вот эти люди поддерживают контр-

революцию и в их интересах льется потоками кровь в Сибири, на Урале и Волге.

Наконец наш поезд остановился на станции Харбин. Я пошел в мягкий вагон к своему «патрону», но он спал. Воспользовавшись этим обстоятельством, я поспешно покинул своего случайного спасителя и направился наугад в старый город.

Это было в конце января 1919 года.

КИТАЙ В 1919 ГОДУ

В МАНЬЧЖУРИИ

На мне были русская солдатская шинель, сапоги и шапка-ушанка. Внешность моя не бросалась в глаза.

Проходя по Артиллерийской улице мимо большого двухэтажного здания русской мужской гимназии, я остановился и закурил. Гимназисты, стоявшие у входа, окружили меня.

— Вы с фронта? Что там слышно? — спрашивают.

Когда я сказал, что Колчака бьют и его войска поспешно отступают, они стали радостно подталкивать друг друга, говоря: «Слышишь?». Гимназисты просили рассказать подробнее о положении на фронте. Чутьем я понял, что эта молодежь желает поражения контрреволюции. Один из более взрослых гимназистов пригласил меня к себе домой обедать. Как потом выяснилось, его старший брат работал механиком на мыловаренном заводе эмигранта Кроля.

Брат скоро вернулся с работы домой, и наша беседа оживилась. Я осторожно высказал желание сбросить военную одежду и остаться работать в Харбине.

— Ну что ж! — ответили оба брата сразу. — Мы вам дадим одежду, вы переоденетесь, во-первых, а во-вторых, будете жить пока у нас. Квартира наша незаметная, тихая. Дней десять не стоит показываться на улице: вас, вероятно, будут искать. А за это время мы вам найдем и работу. Что за профессия у вас?

Я им ответил, что по своей специальности здесь не смогу найти работу, но мог бы давать уроки немецкого и английского языков.

— Ладно, постараемся подыскать вам подходящую работу, — сказал старший брат.

Дней через восемь старший брат, вернувшись с работы, сказал мне:

— Одевайтесь, я вас познакомлю с одной семьей. Люди не богатые, но очень порядочные. У них две дочери, обе учатся, одна — в восьмом, другая — в десятом классе. Вы будете давать им уроки английского и немецкого языка. Я с ними уже договорился. Платить они не могут, но вы будете у них ежедневно обедать. Думаю, что для начала это неплохо. А ночевать пока будете у нас.

Идти было недалеко, и скоро мы очутились у небольшого домика, где проживала эта семья. Об условиях договорились быстро, вероятно, симпатия была обоюдной.

К моим ученицам ежедневно заходила компания студентов побеседовать, поиграть на рояле, пошутить, а заодно и о политике поговорить. Из разговоров я узнал, что один из студентов, Виктор Климовоцкий,[1] учился в Томском университете и, уклоняясь от мобилизации в армию Колчака, как и многие другие, бежал в Харбин. Я сблизился с ним и еще с двумя студентами — Борисом Давидовичем[2] и Крепляком.[3] Эти три студента, как оказалось, были связаны с подпольной большевистской организацией в Харбине.

После взаимного прощупывания и проверки они мне обещали устроить свидание с одним товарищем, который как раз был мне нужен.

Встреча состоялась через несколько дней вечером в городском парке. Это был доктор Вакс, руководитель харбинской партийной организации.

После надлежащей проверки моей личности я был принят в организацию и вскоре получил задание. Вакс познакомил меня с членами комитета — Берковичем, Гельманом, работавшим под кличкой Шарф, парторганизатором механических мастерских Китайско-Восточной железной дороги Прокофьевым и Георгием Поповичем, известным под кличкой Сократ. По совету Про-

[1] В конце 20-х годов он окончил медицинский институт.

[2] Впоследствии окончил в Москве геологический институт.

[3] Закончил в Москве юридический институт. Одно время был прокурором Москвы.

кофьева я переселился к рабочим в Механический район.

В этом районе города у рабочих скрывались также прибывшие сюда еще раньше командир 2-го Омского красногвардейского отряда интернационалистов Пауль Глосс и политработник этого отряда Ференц Миграй. Они перебрались сюда после ликвидации Даурского фронта. Большую роль в этом районе и особенно во время стачки железнодорожников играл М. Абрамсон, в совершенстве владевший китайским языком. Массово-разъяснительная работа, проводимая им среди китайских рабочих, имела неоценимое значение в деле организации стачки и в ходе ее проведения.

Организация РСДРП на Китайско-Восточной железной дороге, как и профсоюзы, возникла задолго до первой мировой войны, и это не удивительно, ибо дорога являлась огромным капиталистическим предприятием международного значения, на ней было занято несколько десятков тысяч русских рабочих и столько же китайских.

В 1917 году рабочие Китайско-Восточной железной дороги были основным пролетарским отрядом, который боролся в Маньчжурии за власть Советов и осуществил ее после победы Октябрьской революции в России. Однако консульский корпус империалистических держав потребовал от китайских властей разогнать Советы и обезоружить русские революционные части. Бывший царский наместник генерал Хорват и белокитайские войска в начале декабря 1917 года разогнали Харбинский Совет, ставший революционным центром полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, и обезоружили революционный гарнизон — опору Советов. А в конце декабря атаман Семенов занял станцию Маньчжурия, разогнал Совет рабочих и солдатских депутатов этого пограничного городка и отправил тела замученных членов Совета в запломбированном вагоне в Читу.

В первые же недели и месяцы после Октябрьской революции началось бегство волжской, уральской и сибирской буржуазии на Дальний Восток, причем первым зарубежным пунктом для них был Харбин.

Здесь под опекой белогвардейских генералов, жан-

дармов, карательных отрядов, войск японского ставленника китайского генерала Чжан Цзо-лина и части войск интервентов, особенно японских, некоторые беженцы, верившие в победу контрреволюции, бездельничали, проживали свои бриллианты в надежде на скорое возвращение на насиженные места в России, другие пристроились компаньонами разных промышленных и коммерческих предприятий с намерением обосноваться на долгие годы. Интенданты и предприниматели наживались на поставках колчаковской армии и интервентам. В деловом мире чувствовалось большое оживление. Население Харбина разбухло, фабрики и заводы работали на полную мощность. И вдруг в середине июля 1919 года на Китайско-Восточной железной дороге вспыхнула забастовка. Движение на дороге замерло, вызвав тревогу среди предпринимателей и прежде всего интервентов. Это понятно, ибо забастовка совпадала с наступлением Красной Армии на Восточном фронте.

Как известно, интервенты не скупились и обильно снабжали колчаковскую армию вооружением и боеприпасами. Все это непрерывным потоком шло из Дайрена, частично из Владивостока по самой кратчайшей дороге — Китайско-Восточной — в направлении Омска и дальше на фронт. В связи с забастовкой колчаковская армия оказалась отрезанной от своих баз снабжения. Естественно, это вызвало злобу интервентов и белогвардейцев. Они решили в кратчайший срок ликвидировать забастовку.

«Порядок» на Китайско-Восточной железной дороге поддерживали американские и японские войска. Они находились в распоряжении так называемого «Межсоюзного железнодорожного комитета». В него входили представители стран, которые вели войну против Советской республики; технический совет этого «Комитета» возглавлял американец Стивенсон. Интервенты и белогвардейцы обрушили на рабочих поток жесточайших репрессий: штыки солдат, аресты, расстрелы без суда карателями отряда полковника Савельева, увольнение с работы и выселение из квартир, зверские избиения. Весь арсенал подавления был мобилизован, чтобы сломить рабочих. Но это оказалось не так просто.

Инициаторами стачки явились рабочие главных харбинских железнодорожных мастерских. Вслед за железнодорожниками Уссурийской дороги они потребовали повышения заработной платы, отмены сверхурочных, принятия на работу ранее уволенных рабочих. Как и везде, увольнялись все, кто был обвинен в причастности к деятельности в пользу большевиков

Харбинская организация большевиков распространяла воззвание подпольного Дальневосточного комитета Российской Коммунистической партии: «...Мы призываем вас всеми силами поддержать наших бастующих товарищей. Помните, что каждый день забастовки убивает силы буржуазных наймитов, мешает им перебрасывать на фронт их оружие и людей, дает возможность держаться и здесь, в области, нашим восставшим братьям. Каждый лишний день приморской забастовки есть тяжелый и непоправимый удар для противника».

Этот призыв по-братски поддержали все рабочие Китайско-Восточной железной дороги. На летучих митингах, проведенных одновременно в разных цехах механического завода и в депо, активно выступали с горячими речами не только русские, но и китайские рабочие. Уже не слышно стало каких-либо требований экономического характера к администрации дороги, выдвигались исключительно политические: «Освободите арестованных рабочих!», «Не пропустим ни одного поезда с вооружением для Колчака и интервентов!», «Долой интервенцию!», «Смерть белогвардейцам!», «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует Красная Армия!».

Стачечный комитет с самого начала забастовки вынужден был действовать в нелегальной обстановке. Он заявил администрации, что не будет до тех пор вести переговоров, пока не будут освобождены арестованные рабочие. Это требование вывесили на входную дверь клуба рабочих Механического района, ибо в обстановке дикого террора о непосредственных переговорах не могло быть и речи.

С первых же дней объявления забастовки была создана боевая дружина, которая успешно ликвидировала отдельные случаи штрейкбрехерства и держала под наблюдением некоторых инженеров и разжирев-

ших мастеров, известных своими антисоветскими настроениями и пытавшихся то тут, то там уговаривать рабочих приступить к работе. Боевая дружина таких людей не щадила.

Комитет поручил мне руководить боевой дружиной, активное участие в боевой деятельности принимали рабочие-большевики Прокофьев, Георгий Попович, Волкодав и многие другие. Действовать нам приходилось главным образом ночью. Не раз довелось разоружать патрулирующих по улицам Харбина в Механическом районе и в старом городе китайскую полицию, обстреливать и забрасывать гранатами на отдельных участках воинские поезда, идущие под прикрытием бронепоезда, разбирать железнодорожные пути.

В доме одного из членов боевой дружины, Ивана Колесникова, мы постепенно накопили большое количество оружия и боеприпасов, это был целый арсенал.

Ввиду участившихся обысков и арестов в квартирах рабочих я вынужден был ежедневно искать новый ночлег. На двенадцатый день забастовки по совету товарищей я устроил себе убежище на сунгарийском острове. В густых зарослях смастерил шалаш, днем в нем отдыхал, а ночью на лодке пробирался к своей боевой дружине. Скоро ко мне присоединилось еще трое товарищей.

Каратели свирепствовали. Основные усилия они направили против профессионального союза рабочих и служащих Китайско-Восточной железной дороги. Многие члены стачечных комитетов на линии были расстреляны, сотни активистов брошены в тюрьмы, семьи их выселены из казенных квартир. Но стачка железнодорожников Китайско-Восточной и Уссурийской железных дорог продолжалась в течение всего июля; снабжение Колчака оружием, присылаемым из США, Англии и других империалистических государств, затормозилось. Лишь под дулом револьверов удавалось белогвардейцам заставлять машинистов вести поезда.

Большое значение в этой упорной и героической борьбе имела братская помощь китайских рабочих. Их массовое участие в стачке вместе с русскими рабочими имело тем большее значение, что они знали цель

стачки — нанести удар российской контрреволюции и интервенции для ускорения победы Красной Армии. Китайские рабочие, несмотря на жесточайшие репрессии, проявляли удивительную стойкость и дисциплинированность. В Фудзядане — китайской части Харбина — палачи Чжан Цзо-лина терзали в тюрьме арестованных китайских рабочих, машинистов, кочегаров, но они стойко переносили все пытки.

Июльская стачка китайских и русских рабочих Китайско-Восточной железной дороги вписала славную страницу в историю борьбы рабочего класса Китая. Он встал в первые ряды борцов зреющей антиимпериалистической и антифеодальной революции в Китае, вдохновляемой идеями Великого Октября.

Мне довелось видеть передовых людей революции в Китае, ее первые вооруженные отряды. Это было в августе 1919 года.

* * *

Недалеко от нашего шалаша на острове был еще один шалаш, в котором жили два китайских рыбака, мы установили с ними добрососедские отношения. В то время я знал не мало китайских слов, поэтому не трудно было вести несложные беседы, да и наши соседи немного знали русский язык.

Мы заметили, что они здесь через день принимали прилично одетых китайцев, которые приезжали в лодке, но не со стороны Харбина, а с юга, со стороны Гирина. Бывая у них в шалаше, мы видели, что они читают китайские газеты и ведут между собой оживленные беседы. Я слышал фамилии Юань Ши-кая и Чжан Цзо-лина. Вскоре стало совершенно ясно, что наши соседи не являются профессиональными рыбаками, что это очень грамотные люди, интересующиеся политикой. Когда упоминали имя Чжан Цзо-лина, они с презрением плевали в сторону.

Я рискнул и сказал:

— Сун Ят-сен хао!

Они обрадовались и ответили:

— Сун Ят-сен тинхао, Чжан Цзо-лин пухао! — показывая жестами, что последнему нужно отрубить голову.

Через несколько дней мы пригласили товарища Абрамсона, в совершенстве владевшего китайским языком, чтобы он побеседовал и узнал, что собой представляют наши соседи и приезжающие к ним китайцы.

Оказалось, что наши соседи были связными и информаторами какой-то нелегальной организации. Это обстоятельство нас чрезвычайно заинтересовало. Возник ряд мыслей и планов, но прежде всего мы решили связаться с этой организацией и добиться свидания с ее руководителями. Нелегальная организация китайских революционеров могла оказаться нам чрезвычайно полезной.

«Рыбаки» обещали нас связать с командиром отряда. Не прошло и пяти дней, как на двух лодках прибыли восемь китайцев, шестеро из них остались в лодке, а двое высадились. Соседи через некоторое время позвали нас:

— Они приехали, приходите.

Прибывшие встретили нас с улыбками и поклонами. Мы все уселись в зарослях недалеко от шалаша и обменялись любезностями. Скоро приехал и Абрамсон. Один из приехавших, как оказалось, прилично говорил по-английски. Он был в хорошем европейском костюме, в роговых очках. Приехавшие китайцы удивились, что наш товарищ так хорошо знает китайский язык, и обрадовались этому; безусловно, это обстоятельство расположило их еще больше к нам.

Абрамсон прочел вслух статью из китайской газеты, издаваемой в Кантоне, читал он уверенно и быстро. В статье одобрительно говорилось о трех принципах учения Сун Ят-сена. Чтение статьи было с целью выяснить взгляды китайцев.

— Обнадеживающая статья, как вы считаете? — спросил Абрамсон.

Китаец в очках ответил убежденно:

— Сун Ят-сена я знаю лично и нахожусь с ним в контакте, он честный политический деятель, великий патриот и страстный борец за народное счастье, но наряду с этим я должен сказать, что он немного отстал от жизни.

На вопрос «Почему?» китаец ответил.

— Этим я хочу сказать, что он не марксист. Но учтите, что пока в Китае нет ему равного по авторите-

ту, а эти популярные принципы, несомненно, могут воодушевлять молодежь и широкую общественность Китая на подвиги, на борьбу за осуществление национального освобождения от империалистов, на проведение социальных реформ в пользу трудящихся.

Наши товарищи смотрели друг на друга, приятно удивленные, ибо мы услышали даже больше, чем предполагали, как раз то, что нам было нужно.

Мы рассказали китайским товарищам о совместной борьбе русских и китайских рабочих на Китайско-Восточной железной дороге во время забастовки, о многочисленных случаях участия китайских рабочих в красногвардейских отрядах Сибири в 1918 году и высказали мысль о том, что было бы хорошо закрепить это содружество, собрать силы в Маньчжурии и вторгнуться в восточную часть Забайкалья, в тыл Колчака и атамана Семенова, блокировать большой участок железной дороги, например от маньчжурской границы до станции Карымская, ускорив тем самым окончательный разгром контрреволюционных сил в Сибири. Разгром же интервентов и контрреволюционных сил в России, в частности в Сибири, значительно активизировал бы демократические силы Китая и их борьбу против империалистов.

Китаец в очках задумался и сказал:

— Для такой операции, очевидно, потребуются большие силы. Я не военный, но полагаю, что это так. Кроме того, потребуется вооружение и снаряжение. Мы этого пока не имеем. У нас всего два отряда, а третий, большой, — в стадии организации. Таких бандитов, как в Забайкалье атаман Семенов, у нас в Китае хоть отбавляй. Я вам могу перечислить десять, если не больше, крупных дуцзюнов (генерал-губернаторов), продажных личностей.

Для примера напомню о существовании такой акулы, как генерал-губернатор Маньчжурии Чжан Цзолин, который продался японцам, так же как и атаман Семенов. Оба они враги своему отечеству, своему народу. Я думаю, что Советская Россия скоро разгромит своих врагов и без нашего участия. В этом я не сомневаюсь, — серьезно проговорил китаец и для убедительности поднял свой зонтик и сильно воткнул его в песок, потом продолжал. — Ведь нам тоже пора начи-

нать и от деклараций и студенческих демонстраций переходить к более действенным, широким мероприятиям, вовлекая в революционную борьбу промышленных рабочих крупных городов и портов, шахт и рудников и многочисленную деревенскую бедноту.

Сейчас у нас создалась благоприятная обстановка для развертывания борьбы против японских агрессоров и других империалистов. Не изгнав иностранных захватчиков, мы не можем справиться с нашей компрадорской буржуазией, с продажными генералами и крупными феодалами, тесно связанными с империалистами.

Только после изгнания интервентов и аннулирования кабальных договоров мы сможем, опираясь на трудовой народ, привлекая среднюю и мелкую буржуазию, свергнуть власть крупной буржуазии, власть генералов и помещиков.

Антиимпериалистический фронт в настоящее время — это первое звено в общей цепи, за которое мы должны ухватиться в борьбе за национальную независимость.

Сун Ят-сен проектирует создать буржуазно-демократическую республику, а это значит, что капитализм сохраняется со всеми вытекающими отсюда последствиями для трудящихся города и деревни вне зависимости от объема и характера предполагаемых облегчений, которые гоминьдан полагает осуществить для рабочих и крестьян.

Важно отметить и то, что Сун Ят-сен мыслит буржуазно-демократическую республику не как временную форму государственной власти, а как конечную цель.

Наш собеседник замолчал, создалось впечатление, что он чего-то не договаривает. Пришлось спросить, кого он подразумевает под «мы» и от имени кого выступает.

— Я выражаю мнение японского коммуниста Сен Катаяма и китайского профессора Ли Да-чжао, с которыми я связан и политическую линию которых разделяю. Следовательно, я за аграрную революцию, за национализацию земель, принадлежащих помещикам, и раздачу их безземельным и малоземельным крестьянам и, конечно, за национализацию крупной промыш-

ленности, транспорта и связи, банков, шахт, рудников.

Мы за власть трудового народа, наша программа на ближайшие годы — буржуазно-демократическая республика как первый этап революции, а программа-максимум — социалистическая революция как второй ее этап.

Но уже в процессе борьбы за буржуазно-демократическую революцию нам нужно собирать все самое передовое в рабочем классе и организовать партию рабочего класса на базе революционного марксизма, как в Советской России, а также создать свою печать, ибо без партии и печати немыслима подготовка и осуществление ни первого, ни второго этапов революции.

Впереди еще много первоочередных задач. Нужно организовать профсоюзы в главнейших отраслях промышленности, их у нас в Китае еще нет, за исключением Гонконга.

Борьба за национальную независимость у нас будет длительная, сложная и трудная, со всеми приливами и отливами, удачами и неудачами. И где начнется это извержение вулкана — на юге или на севере, а может быть, и там и тут одновременно — трудно сказать.

На юге, в том числе в провинции Гуандунь, превращенной нами в опорный участок, наши силы растут и через года два-три могли бы выступить более удачно, чем в 1911 и последующие годы. На севере страны дело обстоит хуже, хотя после событий 4 мая[1] не только студенты, но и рабочие больших предприятий и служащие начинают протестовать против засилья империалистов. Маньчжурия и Северный Китай ближе к Советской России, такое благоприятное обстоятельство с точки зрения обеспечения тыла нельзя не учитывать.

Мы попытаемся теперь также и в Маньчжурии, и в Северном Китае собирать силы, прощупывать и обследовать участки, где можно обосноваться, закрепиться и откуда начать вооруженное выступление.

---

[1] 4 мая 1919 г. в Пекине состоялась крупная антиимпериалистическая демонстрация студентов. Это было начало нового периода в истории китайской революции, когда руководство ею возглавил пролетариат. (*примечание редакции*)

Из существующего положения и задач, стоящих перед нами, вытекает, что направить сейчас наши незначительные военные силы, находящиеся в стадии организации, в Забайкалье наши командиры вряд ли захотят.

Мы заметили китайским товарищам, что чем раньше Советская Россия разгромит внутреннюю контрреволюцию и интервентов, тем лучше это будет и для демократических сил Китая, которые смогут потом, опираясь на моральную поддержку Советской России, более смело и уверенно вести активную борьбу против иностранных захватчиков, компрадорской буржуазии, помещиков и милитаристов.

— Так-то оно так, — ответил, улыбаясь, наш собеседник. — Я не возражал бы: задача заманчивая, цель благородная, это вопрос пролетарской солидарности, но один решать такие большие вопросы я, конечно, не могу. Давайте условимся так: направьте своих уполномоченных к нашим командирам, там вместе с ними обсудим и решим. Если угодно, завтра днем можем отправиться на наших «миноносцах», — шутливо улыбаясь, показал он на лодки.

Мы тепло расстались. Доктор Вакс, Прокофьев и другие члены комитета предложили нам обязательно поехать с китайскими товарищами и продолжить переговоры. Они посоветовали взять с собою «островитян», то есть Глосса, Миграя и Володю Полякова. Последний прибыл в Харбин в первые дни забастовки на коммерческом пароходе как связной от подпольной дальневосточной организации.

КИТАЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

На следующий день в двух лодках по 6 человек (8 китайцев и 4 человека наша группа) отправились в путь. Дно лодок было устлано мхом и толстыми циновками. Между циновками лежали замаскированные винтовки. «Осторожные люди», — подумали мы.

Китайцы, сидевшие с нами в лодке, часто приветливо улыбались и похлопывали нас по плечу. «Хо!» — частенько раздавалось из их уст, и это «хо» сопровождалось показом кулака с оттопыренным резко в сторо-

ну большим пальцем: нас считали молодцами на «ять».

Так плыли мы уже часа четыре. Китайцы, по-видимому, прекрасно знали местность. Пока было светло, навстречу нам попадались лодки с людьми, но наши сопровождающие не обращали на них никакого внимания. Когда же луна осветила красивую реку, а сумерки сгустились в прибрежных зарослях, китайцы явно забеспокоились.

Мы часто спрашивали их: «Долго ли осталось нам ехать?» Ведь мы успели уже отмерить километров 15—20 вверх по реке.

— Сикоро, сикоро, — отвечали они, но это «скоро» не имело конца.

В полночь я заметил, что наши лодки идут совсем близко от берега, идут очень медленно и беззвучно. Вдруг лодки причалили к крутому берегу. Китайцы выскочили на сушу, и через несколько минут мы услышали винтовочные выстрелы. Мы встревожились. «В кого стреляют? Из-за чего открылась пальба?». Но спросить было некого. Мы в недоумении сидели в лодке, не зная, что предпринять. Китайцы неожиданно возвратились и, ни слова не говоря, отчалили от берега. На вопрос, что же произошло, наши провожатые спокойно ответили:

— Ваша сепи (спите), наша посмотри.

Расспрашивать дальше было бесполезно, и я решил, что утром все выяснится. А пока мы поочередно садились на весла.

Наступило утро, а мы все еще плыли.

На вопрос, скоро ли будем у цели, китайцы неизменно отвечали:

— Сикоро, капитана.

Часов в десять утра китайцы остановили лодки у берега, где стояла рыбачья фанза. Мы высадились. Китаец в очках, находившийся все время в первой лодке, сказал:

— Мы тут с вами отдохнем, закажем обед из свежей рыбы. — Он объяснил, что участок, на котором мы сейчас находимся, на протяжении 30 ли принадлежит одному крупному помещику. — Ночью мы обстреляли его дом, побеспокоили немного, пускай жи-

вет в страхе. Живущие здесь — рыбаки-арендаторы этого помещика.

Утомленные ночным переходом, все легли отдохнуть в тени большого дерева, только китаец в очках бодрствовал и разговаривал с рыбаками.

Часа через два нас разбудили. Обед был готов. Он состоял из сазаньей ухи с зеленым луком, зеленым горьким перцем, помидорами и макаронами. Аппетит у всех был волчий, но и обед, действительно, был вкусный. Ели уху без хлеба. Здесь впервые пришлось употреблять при еде китайские палочки вместо вилок и ножей.

После обеда наши провожатые щедро расплатились с рыбаками (нам они не разрешили платить). Немножко отдохнув, мы опять уселись в лодки и поплыли вверх по реке. Путешествию не было видно конца. Солнце стало так припекать, что пришлось раздеться почти догола. Гребцы заметно утомились, лодки двигались медленно.

Вдруг издали послышался шум приближавшейся моторной лодки. По мере ее приближения мы смогли разглядеть на ней китайского офицера и около 15 солдат. Наши лодки направились к берегу. Китайцы быстро высадились и скрылись в зарослях, приготовившись к бою. На этот раз мы последовали их примеру. Прошло 20—30 минут ожидания, но патрульная лодка проплыла мимо и вскоре скрылась. Наши провожатые принялись хохотать:

— Шибко боится, — говорили они, указывая по направлению скрывшейся моторной лодки. Нетрудно было понять, что они намекают на трусость солдат регулярных войск.

Поплыли дальше. Местность была чрезвычайно живописной. По берегам медленно тянулись арбы, нагруженные различными продуктами. Через каждые 3—4 километра встречались большие острова с нетронутыми лесными массивами.

На полях полуголые крестьяне в синих рваных шароварах копошились на огородах. Пшеничные поля чередовались с кукурузными, а вдоль полей стояли стройные тополя, словно часовые на страже.

По реке скользили маленькие лодки. Загорелые огородники везли в Харбин на рынок кур, яйца, рыбу

и всякую зелень. А над головой — светлое, прозрачное небо и яркое палящее солнце.

В полдень мы остановились перед большим и очень запущенным на вид домом. В нем оказался китаец с семьей да пара свирепых собак. Наши провожатые вместе с китайцем в очках направились к обитателю дома и оживленно заговорили с ним. Мы вошли в дом. Жена хозяина стала готовить гостям чай.

Куда мы приехали, был ли это конец нашего путешествия, мы еще не выяснили. Не успели приступить к чаепитию, как раздался звонкий лай собак. Все тревожно повскакивали с мест и бросились во двор.

Со двора была видна широкая ровная степь, и по ней на расстоянии с полкилометра двигался в нашем направлении большой отряд военных. Наши китайские товарищи беспорядочно стреляли вверх из своих винтовок. Отряд ответил на ходу выстрелами вверх. Мы поняли, что эта стрельба не является актом вражды, а скорее похожа на приветствие.

Приехавшие с нами китайцы радостно восклицали:

— Наша капитана, наша капитана!

В отряде оказалось более 300 человек. Большинство из них было одето в военную форму, все они вооружены винтовками или маузерами крупного калибра. За плечами — рюкзаки, узелки, на ногах — мягкая обувь. Основная масса бойцов в возрасте от 20 до 40 лет, но были и постарше и даже несколько стариков.

Все не смогли разместиться в доме, некоторые бойцы, обливаясь потом, расположились около дома в тени старых ив, другие, помоложе, весело, с шумом пошли купаться в Сунгари.

Нас скоро попросили к командиру отряда. Он сидел на нарах в окружении бойцов и беседовал с китайцем в очках. Увидя нас, он встал, поклонился и по-английски сказал:

— Прошу, я очень рад вас видеть, — командир предложил бойцам потесниться и освободить нам место рядом с ним на нарах.

Разговаривали китаец в очках и командир отряда. По тону чувствовалось, что командир к нашему провожатому относится с большим почтением. Когда наступила минутная пауза, я решил вмешаться.

— Разрешите спросить, — обратился я к командиру, — находите ли вы наше предложение приемлемым? Я полагаю, что ваш собеседник вам рассказал, кто мы и какие у нас намерения.

— Очень хорошо, что вы решили пробраться к нам, — ответил он и продолжал: — Прежде всего я рад, что имею возможность в первый раз встретиться с друзьями из Советской России. Что же касается ваших намерений организовать совместно с нами военные операции в Восточном Забайкалье против врага революции Семенова, которого выкармливают враги Китая — японцы, то я затрудняюсь ответить сразу. Это вопрос очень серьезный, для нас новый; лучше будет не спешить. У нас есть еще два отряда, и разумно — посоветоваться по этому вопросу с другими командирами. Встретиться с ними мы сможем в ближайшие дни. Давайте не будем торопиться; погостите, уважаемые друзья, пока у нас; потом совместно обсудим.

Китаец в очках подтвердил, что так будет лучше Пришлось согласиться.

Утром следующего дня китаец в очках и командир сказали нам, что отряд не может здесь больше оставаться, а должен перейти в другое, совершенно безопасное место. Кроме того, к нашему удивлению, они сообщили, что по срочным, неотложным делам оставляют отряд на несколько дней и что мы с ними встретимся в другом месте.

Они, очевидно, заметили и поняли, что их сообщение нам не по душе. Поэтому китаец в очках несколько раз извинился и сказал:

— Вы дорогие гости не только нашего отряда, но и всего китайского народа, и заверяю вас, — продолжал он, добродушно улыбаясь, — эти два-три дня без нас вы скучать не будете. Командование пока передали политически надежному человеку, он вам, безусловно, понравится, я лично им горжусь.

После обеда мы выступили в новый поход, все в том же направлении — вверх по реке Сунгари. На этот раз шли пешком вдоль берега, потом свернули в кукурузное поле, где кукуруза была выше человеческого роста. На пути встречались небольшие селения, через которые отряд проходил свободно.

Когда стало смеркаться, мы остановились против большого лесистого острова на временный отдых. Зажгли костры, главным образом для защиты от комаров, которые беспокоили всех ужасно. Ночью послышались всплески воды, к берегу подошло несколько лодок, и наш отряд переправился на остров.

Недалеко от берега на открытом слегка возвышенном месте стояло несколько больших жилых строений с подсобными помещениями. В этих домах мы и разместились. На острове жило несколько китайских семей, всего человек 20.

В комнатах зажгли керосиновые лампы. Вдоль стен оказались чистые нары с циновками и маленькими подушками. На покрытом циновками полу стояли низенькие лакированные столики, красные и черные. Бойцы разместились на нарах и весело кричали китаянкам — женам и дочерям обитателей острова:

— Чифан! (кушать!)

Долго ждать не пришлось. Еда, видимо, была приготовлена заранее. Застучали палочки, ими ели и густую уху, и рисовую кашу. Ели много, быстро, с увлечением. После сытного ужина кое-кто из бойцов растянулся на нарах, другие вытащили из заплечных мешков длинные медные трубки для курения.

Временно исполняющий обязанности командира отряда подсел к нам и заговорил по-английски, употребляя временами голландские слова. Это был человек средних лет, могучего телосложения. Он поинтересовался, кто мы такие, откуда, какая цель нашего пребывания в отряде. Расспрашивал о борьбе и успехах революции в России. Удовлетворившись нашими ответами, он сам стал рассказывать:

— Я рабочий, работал в порту грузчиком, на океанском пароходе был кочегаром, матросом — на паровом катере, работал более двадцати лет, многое видел и кое-что познал. Жизнь научила меня понимать, что такое наемный рабочий и за что я должен бороться сообща со всем трудовым народом.

В нашем отряде — много бедных крестьян, и они горят желанием мстить помещикам и кулакам, но в силу своего незнания законов классовой борьбы они избрали путь террора. Они не понимают еще, что уничтожением одного или другого помещика улучше-

ния, а тем более коренного изменения положения в китайской деревне не достигнешь.

Крестьяне еще не знают, какая сила таится в объединении и организованном выступлении, а рабочие больших городов уже начинают это понимать.

Я объясняю нашим бойцам — бедным крестьянам, что осуществить свои мечты — прогнать помещиков и кулаков и получить землю в собственность — они могут только с помощью и под руководством рабочего класса. Рабочий и крестьянин — это два брата, у которых один общий враг, ибо хозяин фабрики, завода торгового дома — такой же враг рабочему, как помещик и кулак — бедному крестьянину.

Я доказываю бойцам, что рабочие и крестьяне должны совместно и организованно бороться со своими классовыми врагами, выступить с оружием против них, чтобы навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком.

По-моему, в первую очередь необходимо изгнать иностранных капиталистов; решив эту задачу, легче будет нанести удар по компрадорам, милитаристам и помещикам.

Я объясняю бойцам, что только после победы над эксплуататорскими классами возможно будет создать народную власть, власть без фабрикантов и помещиков, и установить такие порядки и законы в стране, при которых жить и трудиться будет радостно, — он медленно опустился на нары, возбужденный, с влажными блестящими глазами.

— Скажите, правильно я понимаю, правильно я думаю?

Мы ответили полным одобрением. Помолчав, китайский товарищ сказал:

— Так будьте у нас и держитесь ближе к китайцу в очках, его зовут Го, ибо наш командир хотя и грамотный, но еще очень молод и не опытен. Он часто спорит со мной и упрекает в том, что я пытаюсь поправить учение Сун Ят-сена. По его мнению, я преувеличиваю роль и значение рабочего класса в национально-освободительной борьбе.

Го я знаю три года. Он, так же как и мой учитель — голландский моряк, открыл мне глаза на то,

что происходит в мире и какая задача возложена на нас, китайских рабочих.

Мы попросили его рассказать о голландском моряке и о китайце в очках.

— Если вы не устали, пожалуйста. — Он велел одному из бойцов принести горячего чаю.

Выпив несколько чашек чаю, он вытер лицо полотенцем, снял с себя верхнюю одежду, обнажившись до пояса. Крепкая шея, могучая грудь и мускулистые руки, покрытые сплошь татуировкой, свидетельствовали о том, что этот человек перетаскал на своих плечах тысячи огромных кип хлопка и всяких тяжестей в порту. Это был типичный представитель большого отряда рабочего класса знаменитых силачей — портовых грузчиков огромного Китая.

Ма Чжан-чжань, так звали нашего собеседника, поведал историю своей жизни.

Большая семья у отца, отсутствие земли, работа на положении раба у князя-феодала. Отец, как и другие работники, безропотно гнул спину на хозяина, считая, что так и должно быть в этом мире.

Такая судьба ожидала и сына, но случилось иначе. Когда Ма Чжан-чжаню исполнилось 20 лет, его вместе с двадцатью другими юношами фактически продали вербовщику. Он стал грузчиком-кули. 9 лет проработал он на этой изнурительной работе. Потогонная система, постоянные окрики надсмотрщика: «Давай, давай быстрее», а заработок — гроши, только на скудную пищу два раза в день.

Ма Чжан-чжань бежал и спрятался между ящиками на голландском корабле. Здесь ему повезло. Капитан разрешил отработать плату за проезд. После больших мытарств он остался кочегаром на этом пароходе. Старший кочегар голландец Тиссен, социалист, обучил Ма не только премудростям кочегарного дела, но и английскому языку, привил навыки, свойственные морякам. Но что самое главное — Тиссен раскрыл молодому китайцу глаза на мир. Горячий поборник марксизма, он объяснял Ма Чжан-чжаню, почему существует классовое неравенство, какими путями можно рабочему классу ликвидировать эксплуатацию человека человеком.

Здесь же на пароходе Ма прошел школу классовой солидарности. Однажды во время шторма новый капитан судна отказался оказать помощь потерпевшему бедствие греческому пароходу. Экипаж возмутился. Судовой комитет собрал митинг матросов, и Тиссен предложил потребовать от пароходной компании убрать капитана, опозорившего честь и традиции моряков. Моряки единодушно решили не приступать к разгрузке и обслуживанию парохода, пока компания не выполнит этого требования. Несколько дней шла упорная борьба между моряками и предпринимателями. Компания в конце концов вынуждена была уступить.

На практике понял Ма Чжан-чжань, какая сила в единстве и организованности рабочих, что единому фронту трудящихся капиталистический произвол не страшен. Тиссен разбудил молодого китайца, сделал его сознательным рабочим. Он сумел убедить Ма в том, что у него имеются не только руки, спина и ноги, но и голова.

В 1916 году Ма Чжан-чжаня уволили с судна. Он возвратился в Китай. Навсегда запомнил он, что ключ к освобождению трудящихся — в их единстве. В Кантоне он поступил на паровой катер и здесь встретился с товарищем Го. Китаец в очках мыслил так же, как и Тиссен. Он воспитал у Ма Чжан-чжаня качества борца. Ма Чжан-чжань стал организатором партизанских отрядов.

До утра рассказывал Ма Чжан-чжань о своей жизни. Окончив рассказ, он предложил отдохнуть. Я с одним товарищем решил ночевать на открытом воздухе, где-нибудь на травке. Мы улеглись на свежем душистом сене и быстро заснули. Я проспал, как оказалось, с четырех часов утра до семи часов вечера и проснулся только от лая собаки.

Командир отряда, как нам сказали, должен был вернуться через 3—5 дней. Бойцы отдыхали, помогали хозяевам чинить рыболовные сети, плести циновки и корзинки для продажи. Посоветовавшись с Ма Чжан-чжанем, мы решили проводить по вечерам беседы с бойцами и использовать Ма как переводчика.

Командир вернулся лишь через 5 дней вместе с командиром другого отряда. Через несколько часов

соседний отряд, насчитывающий около двухсот человек, присоединился к нам. Го не вернулся. Мне передали от него письмо, в котором он сообщал, что по неотложным делам выезжает в Пекин, после чего направится в Кантон и, наверно, не скоро вернется на север. Далее он писал, что поднятый нами вопрос он советует разрешить с командирами. Если мы сможем договориться, просит нас приехать в Кантон. А если представится возможность, то ехать прямо к Сун Ят-сену, который знает о местонахождении Го.

Отряды пока оставались на месте, поэтому мы решили продолжать начатые беседы с бойцами.

Отношение к нам командира Ли было несколько своеобразным: то он оказывал внимание, беседовал с нами, расспрашивал о революционных событиях в России, о порядке землепользования до и после революции, о формах буржуазной демократии в западных странах, о характере демократии в Советской стране, приветствовал наше решение проводить беседы с бойцами, на которых сам присутствовал, задавал вопросы и побуждал к тому же своих бойцов, то забывал о нашем существовании, не искал ни встреч, ни бесед.

Бойцы охотно и с любопытством слушали проводимые нами беседы на темы: «Империалисты, компрадоры, помещики, генералы — враги китайского народа», «Превратите вашу страну из полуколониальной в передовую, свободную демократическую республику!», «Братский союз трудящихся города и деревни — залог победы над классами эксплуататоров», «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает».

При проведении бесед большую помощь нам оказывал Ма Чжан-чжань. Он с исключительной добросовестностью переводил все сказанное на китайский язык и часто дополнял примерами, взятыми из жизни. Близкое общение и беседы с бойцами укрепляли нашу дружбу. Росло уважение к нам, повышался авторитет.

Командир второго китайского отряда Ма с самого начала проявил всестороннюю любознательность. Это был очень непринужденный, веселый и здоровый человек. Он называл нас не иначе, как друзья. После первой беседы с Ма нам стало ясно, что он хотя и меньше разбирается в сложных международных вопросах, чем Ли, но знает деревенскую обстановку лучше, что

он человек твердого характера, смелый и прямолинейный. Основными врагами своей родины, своего народа Ма считал китайских помещиков и капиталистов, а империалистов других стран, захвативших все командные экономические позиции в Китае, считал врагами менее опасными. Он не понимал еще, что китайские капиталисты и помещики находятся в зависимости от империалистов Японии, Англии, Америки, что они не отделимы друг от друга и должны рассматриваться как единый вражеский лагерь, совместно угнетающий китайский народ.

На следующий день я имел возможность через Ма Чжан-чжаня объяснить командиру Ма ту связь, которая существует между китайскими и иностранными капиталистами, на что Ма ответил:

— Простите, я вчера неточно выразился. Ведь и Сун Ят-сен требует выгнать из Китая в первую очередь иностранных господ вместе с нашими генералами. С империалистами, конечно, трудно будет справиться, ну, а если это удастся, со своими богачами мы легко разделаемся.

Как-то вечером мы разговорились о Боксерском восстании, происходившем в 1900 году, о проявлении великого гнева народа против засилья иностранных империалистов и собственных угнетателей, о других народных волнениях и восстаниях, происходивших в Китае. Командир Ма вдруг недовольно заметил:

— Меня весной в одном районе помещики и кулаки назвали хунхузом.

Я ему ответил:

— Нет, вы не хунхуз, поскольку защищаете интересы бедного люда, так клевещут на вас богачи, и, кроме того, у вас не рыжая борода. (мое замечание насчет рыжей бороды он сразу не понял).

— У меня совсем нет бороды, — сказал командир Ма, трогая свой подбородок.

Я пояснил ему, что когда-то читал работу одного историка о древнем Китае. В ней говорилось, что на северных границах Китая 400—300 лет до н. э. китайское население страдало от частых разорительных набегов многочисленных монгольских племен, среди которых самыми свирепыми были монголы с рыжими бородами. Чтоб защищаться от этих набегов, китайский

император в 214 году до н. э. приступил к строительству вдоль монгольской границы высокой неприступной стены, причем стена строилась 414 лет. Вот почему в течение многих веков налетчиков, бандитов принято было называть хунхузами, что означало рыжая борода. Китайские и иностранные капиталисты старались изображать восстание деревенской или городской бедноты против своих угнетателей как акт насилий и грабежей, якобы не преследующий ни политических, ни идейных целей, и называли участников восстаний хунхузами, желая тем самым дискредитировать народное движение против угнетателей.

— Вы правы, так оно, действительно, и получается, — подтвердили командиры.

— Я и мои люди, — сказал Ма, — идем с бедным народом, боремся за его благополучие. Вы сказали, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, это справедливо, это вы хорошо сказали. Когда мы с командиром Ли окрепнем, с этого и начнем.

Я со своими бойцами весной этого года остановился в большой деревне, недалеко от города Гирина, чтобы пополнить продовольственные запасы для отряда. От крестьян мы узнали, что продукты можно приобрести у трех богачей, которые ведут большие коммерческие дела в этом уезде.

Я велел этим богачам срочно явиться ко мне для деловых переговоров, но они не явились, а прислали своих приказчиков посмотреть, кто мы такие. После возвращения приказчиков богачи так и не пришли к нам. Пришлось послать за ними второй раз. Наконец один за другим, переваливаясь на ходу, как утки, пришли купцы с фальшивыми улыбочками и извинениями.

Я им сказал, что мне сегодня же нужны мука, жиры, соль и живность, чтобы накормить своих людей, кроме того, мне нужен запас продовольствия на две недели, что расчет произведу на месте банкнотами или серебром, но поскольку я должен был дважды посылать за ними, то им придется сделать скидку на продукты процентов на 50 против рыночных цен.

Заявление о скидке произвело на купцов такое впечатление, будто я облил их холодной водой. Все трое сразу заговорили, перебивая друг друга, и уверяли,

что крестьяне ошибочно или по злобе указали на них, так как запасы продовольствия у них небольшие, да и откуда они могут у них быть, если крестьяне годами у них в долгу: не платят ни за аренду земли, ни за пользование рабочим скотом, ни за семена. Но не только крестьяне — безнадежные должники; не платят и рыбаки, арендующие участок для рыбной ловли; не платят и ремесленники, которым они помогают деньгами, чтобы те могли приобрести инструменты и товар. Уездным начальникам давай, губернские тоже не откажутся. Всем только давай, а тебе никто ничего не дает.

С трудом я остановил их и сказал:

— Выходит, что на вашем иждивении — весь район и что вы всех кормите, а я почему-то думал наоборот.

Это очень похвально, что вы всем помогаете. — Возмущение охватило меня.

Пока мы беседовали, народ из любопытства стал подходить и с интересом прислушиваться. Я обратился к крестьянам с вопросом:

— Вот эти ваши «добродетели» жалуются на вас, что вы не вносите арендную плату за землю, и если им верить, то они скоро умрут с голоду. Так ли это?

— Вы, конечно, слабо знаете еще жизнь китайской деревни, — прервал командир, обращаясь ко мне, — беднейшие крестьяне непосильным трудом стараются удержаться на поверхности жизни. Эти люди ничего не знают, кроме обмана, обиды, унижений и рабского труда; их нужда и горе беспросветны. Отдавая с арендуемого участка больше половины урожая помещикам и кулакам, они снова и снова попадают в кабалу.

Кто может пробить эту стену и обеспечить беднякам сколько-нибудь сносные условия существования? Показать им путь к освобождению, организовать борьбу против этих хищников — наша задача. Народ, несмотря на внешнюю пассивность и робость, представляет собой пороховой погреб и ждет своих организаторов.

Узнав от бойцов, что наш отряд не является частью регулярной армии, а защищает интересы народа, крестьяне осмелели и один за другим с возмущением и

обидой стали говорить о том, что богачи сказали неправду. Крестьяне просили:

— Проверьте их амбары и закрома — увидите, сколько у них гаоляна, кукурузы, муки, какие у них сытые мулы, исправные арбы, какое множество птицы и свиней. А ведь они не работают. Так откуда же у них все это богатство? Если бы наши предки и мы не работали на них, у них ничего бы не было. Смотрите, как они сами и их семьи сыты и разодеты. А мы как живем?

Бойцы волновались, ибо то, что сейчас говорили крестьяне, было им давно и хорошо знакомо. Нашим бойцам не нужно было объяснять, что помещик и кулак — пиявка на теле бедного крестьянина и как нужно избавиться от них. Они стали уже на путь организованной борьбы, вооружились и способны теперь объяснить каждому беднуку, что нужно предпринять, чтобы покончить с нищетой в деревне.

Один из бойцов выскочил и плюнул в лицо каждому из трех богачей, а двое других схватили их за косы, сняли туфли с их ног и туфлями били по круглым, жирным щекам. У нас в Китае плюнуть в лицо и бить по лицу туфлями считается самым большим оскорблением и унижением. Бедняки деревни шумно одобряли поступок бойцов. Короче говоря, мы изъяли у трех негодяев 50 мешков гаоляна, 40 мешков кукурузы, много ржи и бобов и все это раздали беднякам деревни.

Я сказал крестьянам, что недалек тот день, когда вся земля будет принадлежать им. И, представьте себе, некоторые, в особенности старики и старухи, голодавшие больше других, не хотели брать даже муку, которую мы раздавали. Они боялись богачей, и все, что эти старики сейчас видели, не умещалось в их сознании: вдруг нашлись люди, которые так быстро, смело и легко расправились с богачами. Пришлось их уговаривать, и в конце концов они взяли немного муки с большой опаской.

— Вот видите, — сказал я, — с этого и надо начинать, только держаться дружно. Мы этих богачей не только у вас, но и по всему Китаю выгоним. Нам это удастся, если вы нас поддержите. И тогда вся их земля, скот, инвентарь — все их добро будет принадле-

жать народу. Можете не сомневаться, что такой день наступит.

Через два дня после ухода отряда из деревни богачи отправились с жалобой в Гирин. Оттуда пришли войска в деревню, и богачи спешили отнять все, что еще осталось у бедняков из розданного нами — муку, кукурузу, гаолян. Об этом нам сообщили бедные крестьяне.

Через месяц отряд снова подошел к этой деревне. Богачи успели улизнуть, видимо, поехали сообщить о нашем прибытии и просить помощи.

На этот раз я решил поступить с ними построже. Приказчиков и жен богачей заставил выдать нам все долговые обязательства крестьян и ремесленников; их тут же сожгли. За деревней кругом расставил свои дозоры. Ждали день, другой, но ни регулярные войска, ни конные полицейские не показались. А жаль. У меня был неплохой план: либо перебить их, либо взять в плен.

Когда оставляли деревню, многие крестьяне просились в отряд, но я смог взять только человек восемь из-за недостатка винтовок. «Потерпите еще немного, — сказал я им, — мы скоро вернемся, и вообще в недалеком будущем все изменится в вашу пользу».

— Вот видите, — заметил Ма, — не совсем складно у нас сейчас получается, но надо же разуверить крестьян, особенно стариков, в могуществе помещиков.

На этом Ма закончил свой рассказ, а на следующий день объединенный отряд стал собираться в дальнейший поход.

Переправа с острова на левый берег реки потребовала много времени. Как и прежде, двигались через деревни вблизи Сунгари на запад и юго-запад.

Первую большую остановку сделали вблизи города Баумолиана, а следующую — около города Бодунэ, конечной целью был пункт между областным центром Гирином и городком Чанчунь.

По ночам останавливались одновременно в двух-трех деревнях по соседству, размещая в каждой из них такое количество бойцов, какое позволяло наличие домов в деревне. Продукты питания покупались всегда за деньги на месте, однако, как я заметил, население

в этих деревнях часто категорически отказывалось брать деньги за продукты.

Почти во всех деревнях по пути нашего маршрута оказывалось много добровольцев, желающих присоединиться к отрядам. Выбор командиров падал обычно на молодых. Прежде чем принять, долго беседовали с каждым человеком.

Останавливались в той или другой деревне лишь на один день для ночлега и отдыха. Крестьяне сначала сдержанно, даже с испугом смотрели на наших бойцов, не зная, что за вооруженные люди явились в деревню. Дисциплинированность и приветливость бойцов, их умение подходить к бедным людям, скромность убеждали крестьян, что они имеют дело с друзьями, своими защитниками.

Постоянные лишения и нужда толкали крестьян особенно безземельных, в город на поиски хотя бы случайной работы. Поэтому охотно шли они в партизанский отряд: он избавлял крестьян от унижений и кабалы и давал возможность открыто бороться с угнетателями. В отряды стремились также безработные рабочие больших городов и нередко солдаты регулярной армии.

В 1919 году, в описываемый мною период, в Китае еще не существовало революционной партии рабочего класса, а политическая платформа Сун Ят-сена только начала пробивать себе дорогу к прогрессивному студенчеству и отдельным группам рабочих больших городов, поднявшим знамя борьбы против иностранных империалистов, но многомиллионные массы крестьян не были еще втянуты в это движение.

В Маньчжурии в то время хозяйничал ярый реакционер генерал Чжан Цзо-лин, ставленник японских империалистов. Кроме того, в Северной Маньчжурии по линии Китайско-Восточной железной дороги сосредоточились представители интервентов и белогвардейцев с карательными войсками и учреждениями.

Войска и чиновники Чжан Цзо-лина рабски поддерживали грабительские мероприятия своих японских хозяев и сами на местах повсеместно занимались грабежом, произволом, террором и преследованием прогрессивно-демократических идей и лиц.

По прибытии в предместье Бодунэ мы сделали остановку, рассчитанную на пару дней.

Между командирами зашел спор о путях борьбы. Ли был ярым сторонником учения Сун Ят-сена, с которым он познакомился в студенческой среде. Идеалом его была демократическая республика. Ставку он делал на либеральную китайскую буржуазию, считал, что она должна возглавлять революцию, а в дальнейшем и власть в стране. Он никак не мог понять, как это люди не могут полностью соглашаться с таким великим человеком, как Сун Ят-сен.

Ма Чжан-чжань доказывал, что рабочий класс и миллионы крестьян такая постановка вопроса не может удовлетворить. Он говорил, что сохранить в стране власть капиталистов и помещиков — значит сохранить эксплуатацию и угнетение рабочих и крестьян. Он четко представлял цель революции: изгнать и иностранных и собственных капиталистов.

Ли опасался, что рабочие и крестьяне не смогут руководить государством, что у них нет для этого опыта и знаний.

Ма Чжан-чжань предложил договориться о ближайшей задаче. Все согласились, что необходимо изгнать империалистов. При этом командир Ма добавил, что вместе с империалистами нужно изгнать помещиков и кулаков. Для этой борьбы необходимо объединить весь народ в могучую силу, ибо, как и в России, империалисты всех стран наверняка придут на помощь своим классовым собратьям.

Видно было, что споры между командирами происходили часто. Неизменно побеждала твердая линия Ма Чжан-чжаня. Он был фактически вождем и душой всех рабочих и крестьян объединенного отряда. Это был передовой представитель рабочего класса. Он знал, кто враги народа, за что и как надо бороться. Способность, ум, твердый характер и пройденный трудовой путь помогали ему правильно разбираться в обстановке и ясно глядеть вперед.

На следующий день Ма Чжан-чжань сообщил нам решение командиров отрядов. Он сказал:

— Вы хотите, чтобы мы помогли вам в борьбе против Семенова и Колчака. Вы нам рассказали, что много китайцев, работавших в сибирских городах, всту-

пили в ваши красногвардейские отряды в прошлом году и дружно воевали против наших общих врагов — атаманов, генералов, помещиков. Мы уверены, что и в дальнейшем будет крепнуть братский союз наших народов.

Мы обсудили ваше предложение сегодня ночью между собой, — продолжал Ма Чжан-чжань, — и пришли к выводу, что нам не следует сейчас отвлекаться от решения своих задач.

Вы в России показываете трудящимся всего мира путь, ведущий к освобождению, путь к свободе. Мы у вас будем учиться и по вашему примеру продолжать это дело у нас в Китае. Мы будем, опираясь на вашу симпатию, моральную поддержку старшего опытного брата, бороться пока в своей стране в том же направлении, ибо цель у нас одна с вами — бороться за власть народа, его счастье.

Окончательный ответ командиров нас не удивил, мы ожидали такого ответа — врозь идти, но вместе бить.

И это было разумное решение не только по условиям 1919 года, но и для последующих лет.

Поэтому мы решили после месячного весьма содержательного пребывания у китайских добровольцев вернуться в Харбин и проинформировать комитет о результатах переговоров.

Распрощались с бойцами и командирами, как близкими друзьями, и особенно задушевно с Ма Чжан-чжанем. Провожая, он шел с нами довольно большое расстояние. Мы тепло простились еще раз. Затем, когда отошли шагов пятьдесят и посмотрели назад, Ма Чжан-чжань все стоял и смотрел нам вслед. Наши взгляды встретились. Он поднял правую руку и воскликнул: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Остался ли в живых этот силач и мыслитель, славный пионер рабочего класса Китая — борец за дело освобождения своей великой родины...

ЗА КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ

В Харбине, когда мы вернулись, обстановка была крайне напряженной. Забастовка на Китайско-Восточной железной дороге кончилась. По совету товарищей

и с согласия партийной организации я уехал на юг, в собственно Китай.

С поддельным документом на имя иркутского купца Лифшица я взял билет на конечной станции южной ветки Китайско-Восточной железной дороги и рано утром добрался до Куанченьцзы. Белогвардейский офицер, шедший с фонарем в сопровождении кондуктора, проходя через пустой вагон, привычно спросил:

— Приезжий?

— Да.

— Надолго?

— Нет.

— Ваши документы.

Я передал ему удостоверение с поддельной подписью иркутского губернатора. Полупьяный офицер поднял ручной фонарик и прочел, растягивая буквы:

— Л и ф ш и ц. — Потом вдруг неожиданно разозлился и заорал: — Ладно, вылезай! — Положил документы в папку и пошел дальше в другой вагон, так как на конечной станции документы отбирались обычно у всех для проверки.

Я вылез из вагона и пошел в поселок. Мне нужно было разыскать одного товарища. Стало уже светать. Квартиру его нашел, но там никого не было, а ждать я не мог: необходимо было срочно добраться до Чаньчуня.

На привокзальном мосту, который соединял Куанченьцзы с Чаньчунем, стоял японский солдат с винтовкой. Мелькнула мысль: «Как бы пройти мимо, не предъявляя документов?» Я вступил на мост. Японский охранник что-то бормотал, но я быстро подошел к нему и громко, немного сердито сказал по-английски:

— Я англичанин.

Охранник кисло-сладко улыбнулся, показал жестом на мост: «Пожалуйте, мол, дорога свободна, проходите». Медленно пошел я дальше через мост, держась настороже. Но все прошло благополучно. Добравшись до отеля «Ямомото», разыскал там молодого студента. Он принял меня тепло, дал полезные советы и помог взять билет до Тяньцзиня, предупредив, что в Мукдене будет пересадка.

Недостаток средств заставил меня нарушить принятые для европейца правила и сесть в вагон третьего

класса, где обычно ездили только китайцы. Велико было удивление японского кондуктора, когда он увидел там меня. Он спросил у сопровождавшего его таможенного чиновника о моем багаже. Я ответил, что чемодана у меня нет. Мой ответ вначале удивил его, но затем он рассмеялся и спросил по-английски с японским акцентом:

— Русский студент?

Мой утвердительный ответ их успокоил.

В Мукдене я пересел на экспресс, идущий по английской железной дороге до Тяньцзиня. Поезд вышел вечером, а к утру уже прибыл в Шанхай, где начинается Великая китайская стена.

Во время длительной стоянки я заметил, что вооруженная китайская охрана с офицером чжанцзолиновской армии обходит вагоны и кого-то ищет. Опасаясь, что ищут меня, я залез в один из вагонов рядом стоящего товарного поезда и пересел обратно в экспресс, когда тот тронулся. Через 20 минут поезд был уже по ту сторону Великой китайской стены, непосредственно в Китае.

Почувствовав некоторое облегчение, я долго стоял на площадке вагона и любовался красивым ландшафтом морского побережья. Затем решил зайти в вагон-ресторан. Во время обеда сюда зашел одетый по-европейски китаец и сел за столик напротив меня. Официант, тоже китаец, заявил, что он может ему подать обед только после ухода европейцев либо с их разрешения.

Обиженный китаец возмутился, начал спорить с официантом, размахивать руками, однако обеда не получил. Я позвал официанта и сказал, что ничего не имею против того, чтобы пообедать в обществе соседа Официант в нерешительности посмотрел на сидящих за другими столиками англичан, но те уже выпили порядочное количество виски и не обращали внимания на эту сцену.

Официант принес обед своему соотечественнику. Скоро между мной и моим визави завязалась беседа. Китаец, как оказалось, учился в Германии и по профессии был врач.

После обеда мы еще долго беседовали и расстались

дружески. Китаец усердно приглашал меня к себе в Ханькоу.

На следующий день экспресс прибыл в Тяньцзинь — крупнейший город и порт Северного Китая.

В тот же день мне удалось по полученному еще в Харбине адресу разыскать нужного товарища, работавшего у Штейнберга, крупного предпринимателя, успевшего из подданного России превратиться в подданного Соединенных Штатов Америки.

Это был студент Н. Буртман, худой, ниже среднего роста юноша, исключительно одаренный, необыкновенно начитанный, страстный революционер-большевик. Он обладал волнующе звучным голосом. При разговоре его большие умные голубые глаза просто гипнотизировали, убеждали, вели за собой. Он приехал сюда полгода назад из Владивостока. И этот прекрасный юноша погиб через год в Иркутске, где он работал председателем Дальневосточного отделения Коминтерна, от случайного выстрела родного брата.

Мы поговорили по душам. После чего Буртман предложил:

— Жить, работать и бороться будем вместе. Квартира, как видите, подходящая: две комнаты, кругом сад, цветы и тишина. Постараюсь устроить вас в ту фирму, где сам работаю. Литературы, конечно, не хватает, библиотека моя осталась в России, но зато здесь неплохая практика.

Буртман рассказал, что у владельцев и представителей фирм Штейнберга, Циммермана, Быховского и других служит немало меньшевиков и эсеров, именующих себя политэмигрантами. Они претендуют на то, чтобы их рассматривали как социалистов чистейшей марки, и заявляют, будто они признают с некоторыми оговорками Советскую власть. Однако это не мешает им держать связь в Тяньцзине с царским консулом, махровым монархистом, и захаживать в общественное собрание, где собирается белогвардейская нечисть.

— Такая же картина и в Шанхае, — продолжал Буртман. — Там тоже много бывших людей Российской империи — крупные помещики, банкиры, графы, князья, акционеры Русско-Азиатского банка, коммерсанты и всякие безденежные дворяне. Жены и дочери

их работают шансонетками, официантками, даже уборщицами в барах, кондитерских и ресторанах. Женщины, которые помоложе, выходцы из старинных дворянских семей, всячески стремятся выскочить замуж за богатых американских бизнесменов.

Буртман еще до моего приезда имел довольно широкие связи с прогрессивными китайскими студентами высших учебных заведений и колледжей в Тяньцзине и Пекине и лично с профессором Ли Да-чжао, о котором Буртман отзывался, как о прекрасном марксисте. Как известно, вслед за бурными протестами и забастовками студентов Пекина в мае 1919 года против засилия иностранных империалистов, против решения Версальской мирной конференции о передаче Японии бывших немецких колониальных владений в Шаньдунской провинции была также организована забастовка солидарности со студентами во всех больших городах, в том числе и Тяньцзине, к которой Буртман имел непосредственное отношение.

Забастовочное движение ширилось. В июне начались забастовки на больших предприятиях. В борьбу втягивались рабочие, торговцы, служащие, мелкие предприниматели, все они вместе со студентами заставили пекинское правительство освободить арестованных ранее студентов.

Когда я познакомился с Буртманом в сентябре 1919 года, связь со студентами поддерживалась попрежнему, и то одна группа, то другая почти ежедневно по вечерам бывала у нас на квартире.

Мы познакомили китайских студентов с работой В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», часто затрагивали вопросы, касающиеся Китая, анализировали учение Сун Ят-сена, рассказывали о руководящей роли рабочего класса в Октябрьской социалистической революции в России.

Нам не трудно было доказать студентам, что им необходимо установить тесную связь с текстильщиками и портовыми рабочими Тяньцзиня и заняться организацией профсоюзов, которых в то время еще не было. Этот вопрос являлся предметом двукратных бесед Буртмана с Ли Да-чжао.

В начале января 1920 года перед нашим отъездом из Китая группа из четырех студентов уже наладила

связь с портовыми рабочими и приступила к практическому оформлению профессионального союза портовых рабочих.

Я рассказал Буртману о китайских добровольческих отрядах в Маньчжурии, о замечательных людях, с которыми там встречался. Особенно восхищался он Ма Чжан-чжанем. «Куда судьба его занесла? — говорил Буртман. — Его место сейчас не в Маньчжурии, а здесь в Китае, на большом предприятии; он принес бы большую пользу. Познакомить бы его с Ли Да-чжао. Ма Чжан-чжань усвоил теорию марксизма без книг, но он прекрасный и смелый агитатор и пропагандист».

Буртману удалось устроить меня на работу в фирму Штейнберга. После короткой беседы с главой фирмы мне была предоставлена работа в качестве надсмотрщика в одном из многочисленных цехов по изготовлению меховой одежды.

Штейнберг имел большие доходы, так как был поставщиком полушубков для армии Колчака и интервентов. Он хорошо оплачивал своих служащих, в большинстве эмигрантов из России, но безбожно эксплуатировал китайскую рабочую силу. Работали у него главным образом женщины. Работа в мастерских Штейнберга производилась в больших сараях, в каждом из них, сидя на цементном полу, работало по 100 женщин, а всего их было около 1000. Они шили полушубки и зарабатывали в течение 12 часов 25—35 тунзеров (25 копеек) вследствие очень низких расценок.

Около каждой женщины находилось двое-трое ребят, грудных и постарше. Пыль, грязь, вонь, жара, шум, смех, плач, строгие окрики мастеров и надсмотрщиков, стук чайников — все это напоминало трюм океанского парохода, переполненного бедными эмигрантами. Дети 8—10 лет тоже работали, помогая матерям. В конце дня заведующий цехом выплачивал зарплату через старших китайских рабочих.

Тысячи женщин толпились перед воротами фабрики. Всем хотелось попасть на работу. Каждый день можно было видеть новые лица. У Штейнберга никакого трудового договора не существовало да и никогда никто из женщин не спрашивал, сколько будут платить. Всем известны были кабальные условия ра-

боты, но пить, есть нужно, а на заработок мужа рассчитывать нельзя.

Мужья — кули — тоже дрались за работу в порту. Как только прибывал пароход, начинался скандал, и если даже удавалось получить работу по разгрузке, то давала она не более 60—70 тунзеров в день, а случалось это далеко не каждый день. Другие работали рикшами. Бегая по улицам и перевозя людей в своей коляске с утра до вечера, они получали за каждую поездку 10—15 тунзеров. Такса отсутствовала. Заработок зависел от милости клиента.

Со мной в Тяньцзине однажды произошел такой случай. Как правило, я избегал пользоваться рикшей. Но так как города я не знал, то, чтобы добраться по нужному адресу, пришлось обратиться к этому виду транспорта. Меня сразу окружило колясок 20, каждый из рикш хотел заполучить седока. Я немного растерялся. Кому отдать предпочтение, кто нуждается больше — глаза мои разбегались. Ко мне обращались на всех языках Европы, не зная, какой я национальности. Один из рикш, видя мою нерешительность и поняв, что я новичок в Китае, добрался до меня, поднял и унес на руках, как ребенка, подсадили в свою коляску и тут же с большой скоростью увез. Мы двигались мимо итальянской, бельгийской, французской, английской и бывшей германской концессий, и я все время размышлял: «Вот что значит борьба за существование».

Когда я увидел, что мой провожатый устал, остановил его и заговорил по-китайски:

— Куда везешь меня? Ты даже не спросил, куда мне ехать.

Он смутился немного, но обрадовался, что я умею объясняться по-китайски. Скоро он доставил меня на место назначения. Когда я расплатился с ним, он спросил, не подождать ли ему, так как, может, я собираюсь позже осмотреть город.

Когда с Буртманом на следующий день мы вышли на улицу, перед домом уже ожидал со своей коляской вчерашний китаец и снова усиленно предлагал свои услуги.

— Сколько бы ему вчера заплатили за поездку? — спросил меня Буртман.

— Доллар.

— И у вас всего осталось три доллара! Вы не по-здешнему щедры, за такую поездку платят пятую часть, то есть 20 тунзеров, вот поэтому он и явился сюда.

Буртман объяснил мне, что в конце дня независимо от своей дневной выручки рикша обязан отдать хозяину коляски арендную плату в размере 1 доллара.

Хорошо, если после тяжелого труда такой работник может истратить 2 тунзера на чай, 4 тунзера на пампушку или макароны, 1 тунзер вечером на ужин да на ночлежку 1—2 тунзера.

При таких условиях жизни рикша в первый год бежит по хорошо мощенным улицам иностранных концессий ровными, быстрыми шагами, как спортсмен-бегун. На второй и третий год рикша передвигается уже с чрезвычайным напряжением.

Часто измученный рикша падает, обливаясь кровью, льющейся из горла, и тут же умирает. Пассажир спокойно вылезает из коляски, и уже 10 других рикш, толкая друг друга, стараются заполучить его к себе.

Месяц я проработал надсмотрщиком, а затем меня назначили заведующим цехом. В своем цехе я дерзнул отменить палочную систему надсмотрщиков, лишил приемщиков и старших рабочих возможности беспричинно браковать сданную работу, а главное, повысил расценки с 25 тунзеров до 27 за полушубок. В цехе постарался навести порядок и чистоту.

Когда Штейнберг об этом узнал, он через своего сына, бывшего студента Томского политехнического института, довольно скромного молодого человека, передал мне, чтобы я за счет его денег не устраивал богадельню, что он, мол, не возражает против гуманных и санитарных мероприятий, проведенных мною в цехе, но расценки должны быть восстановлены прежние, в противном случае он уволит меня.

Штейнберг имел несколько компаньонов, вел свои расчеты через Русско-Азиатский банк и один из американских банков. В 1918 году он выстроил в Тяньцзине богатый особняк, а в 1919 году приобрел две легковые автомашины марки «Кадилляк» новейшего выпуска.

Война для людей этого типа была прежде всего бизнесом, а следовательно, вопрос прибыли не мог подвергаться какому-либо пересмотру.

На следующий день Штейнберг вызвал меня, к моему удивлению, даже не напомнил об инциденте с расценками, а в любезной форме предложил на две-три недели выехать в город Кайфын для приемки и отгрузки заготовленных там грецких и кокосовых орехов.

Понятно было, что он что-то замышляет, но ничего не оставалось, как поблагодарить его за доверие и выехать на место назначения.

Работницы рассказали мне, когда я вернулся из командировки, о гнусной проделке хозяина. В течение двух дней женщины получали зарплату по повышенным расценкам. После моего отъезда Штейнберг распорядился, чтобы в течение двух дней расценка за сданные полушубки была снижена до 22 тунзеров. Когда он покрыл таким образом свои «убытки», то благородно разрешил снова платить, как прежде, 25 тунзеров за полушубок.

Такая вакханалия и произвол в оплате труда рабочих существовали во всех отраслях промышленности, транспорта, на шахтах, плантациях; это очень устраивало империалистических хищников и привлекало их в Китай.

Находясь год в Китае, бывая в городах и глухих деревнях, на фабриках и плантациях, в колледжах и мастерских, в пагодах и театрах, беседуя с рабочими разных профессий, крестьянами многих провинций, с предпринимателями и служащими, с обывателями и патриотами-революционерами, я постепенно все больше знакомился с китайской действительностью и убеждался, что Китай — типичная полуколониальная страна.

Если в Индии хозяйничали монопольно только англичане, в Северной Африке — только французы, то в Китае хозяйничали капиталисты Японии, Англии, Соединенных Штатов Америки, Франции, Бельгии, Германии, России, Италии.

Не было провинции или области, где бы не шныряли финансисты, инженеры, геологи, коммерсанты,

миссионеры и просто жулики — доверенные лица крупных монополий империалистических держав.

В годы после первой мировой войны слабые конкуренты были оттеснены, и претендентами на монопольное право эксплуатировать естественные ресурсы, дешевую рабочую силу и внутренний рынок сбыта остались три государства — Япония, Соединенные Штаты Америки и Англия.

По мере того как в массах стало крепнуть сознание необходимости борьбы против иностранных империалистов, последние еще больше прибрали к своим рукам компрадорскую буржуазию и крупных милитаристов и через них и вместе с ними усилили гнет и эксплуатацию народа, всемерно тормозя его национально-освободительное движение, не останавливаясь перед прямым военным вмешательством.

Рабочий класс Китая в 1919 году не имел своих профсоюзов, своей рабочей партии, которые могли бы дать отпор эксплуататорам, организовать и возглавить экономическую и политическую борьбу трудящихся против иноземных хищников, компрадорской буржуазии и помещиков.

Партия гоминьдана, возникшая в 1912 году, несмотря на революционную роль, которую она играла, опиралась на национальную буржуазию и мало была связана с рабочим классом и крестьянством.

Организатором борьбы трудящихся масс против неслыханной эксплуатации и бесправия могла быть только коммунистическая партия, но она была создана позже — в 1921 году.

По мере знакомства с жизнью трудящихся я испытывал все большее уважение и любовь к исключительно трудолюбивому, талантливому великому китайскому народу.

Иностранцы и верхушка китайского общества с пренебрежением относились к народу. Припоминаю такой случай. Однажды в воскресный день мы шли с товарищем по главной магистрали Тяньцзиня. По асфальтированной дороге еле тащился рикша, он вез молодого англичанина лет 16, с тросточкой в руке. Самоуверенный подросток, недовольный скоростью передвижения, довольно крепко хлестнул рикшу по голове. Китаец подтянулся, напряг последние силы, но

через 40—50 шагов снова замедлил ход: сил уже не было. Тогда молодой англичанин пнул ногой рикшу в спину так сильно, что тот упал.

Гуляющая публика — богатые китайцы, разодетые в шелка, свидетели этой возмутительной сцены, — зааплодировала англичанину, по китайскому обычаю показывая большой палец и восклицая: «Хо!».

Я не мог остаться равнодушным зрителем, подбежал к коляске и избил молодчика его же тростью.

Моментально собралась толпа, появился английский полисмен — громадный бородатый индус со сверкающими черными глазами и с резиновой палкой в руке. Пришлось срочно скрыться в ближайшем сквере.

Был конец декабря 1919 года. В эту пору в Сибири обыкновенно стоят трескучие морозы, а здесь на участке от Хайфына до Тяньцзиня жаркое лето только что уступило место осени. Ласковая, теплая осень — самое приятное время в Китае. Китайцы говорят, что никогда купол небес не бывает таким высоким, а воздух таким свежим, как осенью.

Пожелтевшие листья деревьев в садах и скверах бесшумно падали, долго задерживаясь в воздухе; качаясь то влево, то вправо, они, точно легкие птичьи перышки, опускались на землю. В сквере тишина. Ее не нарушила даже единственная посетительница — английская гувернантка, медленно и чинно прошедшая с девочкой мимо меня.

Книгу норвежского автора, взятую для чтения, я скоро отложил, ибо события развивались в ней очень медленно, и я во время чтения чуть было не уснул.

В этой тиши я думал: «Не отвлекаться, а сосредоточиться мне нужно на главном — как ускорить и осуществить возвращение в Сибирь». Мысли блуждали около Красноярска, Иркутска и Байкала, там, где наши, вероятно, уже неудержимо гонят остатки колчаковцев и легионы белочехов. Я ярко представлял ликование трудового народа Сибири, встречающего бойцов победоносной Красной Армии.

Вдруг царившую тишину и нить моих мыслей нарушили звуки военного оркестра. На улице толпа китайцев с любопытством смотрела в сторону марширующей «вооруженной силы» Британской империи. Впереди шел английский офицер с тросточкой во гла-

ве полуроты шотландцев, одетых в короткие, выше колен, зелено-коричневые юбки, затем — рота индусских войск, которой командовал также англичанин.

Унтер-офицеры — индусы, высокие, широкоплечие, с бородами. У многих солдат поперек груди была шкура тигра, у некоторых — даже две.

Из здания японского «Иокагама бенк» вышел японец и остановился около меня. Он злыми глазами проводил уходящие воинские части и вдруг обратился ко мне, слащаво улыбаясь:

— Вы заметили, как земля содрогалась от этих 50 юбок?

Я посмотрел на него, но не ответил.

— Великолепное зрелище, а! — подчеркнул саркастически японец.

— О да! — ответил я, но, решив и японцу наступить на мозоль, сказал, имея в виду британские войска: — А чего им тут надо в Китае?

Он с готовностью подхватил замечание и дополнил его по-своему:

— Я тоже спрашиваю себя, зачем они лезут в *наш* огород!

— Разве это ваш огород? — спросил я, будто не поняв его слов.

— Китай — большой кусок, сразу не проглотишь, придется по частям, но как-нибудь справимся, — сказал самодовольно японец.

— Да, большой и жирный кусок; смотрите, как бы не подавились! — ответил я и пошел в направлении китайской части города, где вечером и ночью было особенно оживленно и интересно.

В этом районе города, на всех его многолюдных узких улицах, всегда было шумно и душно. Рикши только шагом могли пробираться сквозь гущу людей.

Вечером же улицы были как бы иллюминированы. Сотни и тысячи разноцветных электрических реклам по крышам и фасадам домов, в витринах, а между домами узкой улицы, на проволоке, висят колеблющиеся от малейшего дуновения разноцветные бумажные фонарики.

Бойкая торговля идет и во внутренних помещениях, и на улицах, в верхних этажах и в подвалах, в подъездах. На каждом квадратном метре один пред-

лагает, другой покупает. Настоящий муравейник. В элегантных, специализированных торговых помещениях с большим количеством приказчиков для сбыта хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых тканей или чемоданов, пледов, термосов, фотоаппаратов; в магазинах ювелирных изделий; в выставочных помещениях иностранных фирм по сбыту автомашин, мотоциклов и велосипедов посетителей было немного, все больше приезжие иностранцы.

О талантливости народных масс свидетельствовало изобилие кустарных изделий художественной обработки из фарфора, керамики, бронзы, дерева, из шелка и бумаги. Их изящность, красота вызывали восторг. Отказаться приобрести на память кое-что из этих изделий было невозможно.

После посещения в тот вечер круглосуточно работающих и всегда переполненных китайского театра и кино я утомился от разнообразных впечатлений. Идя домой мимо многочисленных заводов и хлопкоочистительных фабрик, я был рад, что прикоснулся к жизни и борьбе многомиллионного народа. Город шумел, гудел в напряженном труде, и я надеялся и верил, что китайский народ сбросит цепи, завоюет свободу и счастливую жизнь, достойную этой великой страны.

С группой товарищей мы твердо решили вернуться в Сибирь. Каждый день, когда я брал географическую карту и измерял расстояние между Северным Китаем и Сибирью, у меня больно щемило сердце при виде того огромного пространства, которое отделяло меня от родины социализма.

Около 2500 верст по территории Монголии и по пустыне Гоби предстояло нам проехать зимой до реки Селенги и Байкала.

План перехода через пустыню Гоби зимой кое-кто из товарищей считал безумным мероприятием, по крайней мере большим риском.

В конце декабря в Монголии стояли сорокаградусные морозы. Пробраться в Сибирь возможно было только на верблюдах. Нужно было достать специальные меховые костюмы, взять с собой большое количество продуктов, палатку, вооружиться, договориться с каким-нибудь караваном или самим нанимать вер-

блюдов и опытных проводников, добыть соответствующие паспорта и специальные визы от китайских властей, чтобы проехать через оккупированную их маленьким генералом Сю монгольскую территорию.

Я подсчитал, что мы можем достигнуть Забайкалья у Троицкосавска через месяц, в крайнем случае через полтора.

В Тяньцзине мы получили от сына меховщика эмигранта Быховского, имевшего свои заготовительные конторы в Калгане и Урге, рекомендательное письмо к заведующему конторой в Калгане, в котором он просил дать нам напрокат до Урги меховую одежду. Через посредника достали необходимые паспорта и визы, приобрели продукты, палатку и другое снаряжение, необходимое для такого трудного перехода.

15 января 1920 года группа из 5 человек, в том числе Буртман, выехала через Пекин в Калган, к китайско-монгольской границе.

ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ ГОБИ

Рано утром поезд стал приближаться к Калгану. Всю дорогу наш состав с трудом поднимался по гористой местности. Железная дорога долго шла параллельно Великой китайской стене, и мы с интересом рассматривали это исключительное по своим размерам древнее сооружение.

Если бы стена была выстроена на ровной поверхности, то и тогда ее строительство потребовало бы огромных человеческих трудов. Между тем на протяжении около 4 тысяч километров, начиная с Шаньхайгуаня, она проходит по горам, местами по крутым скалам. Построена стена из больших камней (блоков). Высота ее равна 6 метрам, ширина — 5,5—6 метрам. Через равные промежутки расположены башни.

Крупнейшим из всех городов, расположенных у Великой китайской стены, был Калган. Калган занимал выгодное географическое положение, находясь на стыке Китая, Монголии и Маньчжурии.

Многие иностранные фирмы имели в этом городе свои конторы по заготовке и скупке живого крупного рогатого скота, овец, шерсти, пушнины, кож, которыми богата Монголия. А из Китая в Монголию прони-

кали промышленные изделия, особенно хлопчатобумажные ткани, шелк специального ассортимента, чай, мука, сахар, соль, спички, гончарные и силикатные изделия.

В момент нашего приезда в январе 1920 года в Калгане властвовал китайский генерал маленький Сю, который в то время оккупировал всю магистраль от Калгана до Урги и сибирской границы и действовал в тесном контакте с японцами.

По главной улице города, узкой и длинной, двигалась толпа китайцев и монголов с верблюдами и овцами. Мне стоило больших усилий добраться до ворот Великой китайской стены, где в специальной будке находилась китайская войсковая охрана.

Здесь должна была произойти первая проверка документов, и заодно требовалось узнать, насколько местный военный властитель посчитается с нашими китайскими удостоверениями из Тяньцзиня, снабженными фотографическими карточками.

Китайский офицер, выглядывая из будки, удивленно спросил:

— Неужели вы рискуете зимой идти через пустыню, для того чтобы пробраться в Ургу? Ведь сейчас и монгольские караваны очень редко ходят в этом направлении. Если не волки, то бандиты съедят вас.

Получив свои документы обратно, мы прошли в ворота. За стеной начиналась уже Монголия. Через несколько минут мы достигли большого деревянного дома русского стиля. На нем красовалась вывеска: «Быховский, скупщик мехов, пушнины, кожи и шерсти».

Зашли в дом. Заведующий конторой, успевший получить телеграмму о нашем прибытии, ждал нас. Это был человек очень маленького роста, горбатый. Жена была выше его на две головы, но оба они оказались чрезвычайно милыми людьми. В особенности большое расположение почувствовал я к маленькому хозяину дома. Он был выслан царским правительством еще в 1910 году в Сибирь, откуда бежал, и устроился в Калгане.

Этот образованный, начитанный человек, ветеринар по специальности, отличался необыкновенной приветливостью, весельем, остроумием и широкой натурой.

И он, и его жена с большой симпатией и воодушевлением говорили о Советской стране. Жили они одиноко, стараясь не общаться с европейцами и русскими, настроенными против Советской республики. Встретила нас эта семья очень радушно.

Мы ничего не знали о Монголии. Нам всюду говорили только одно, что зимой из Калгана очень трудно пробраться до Урги из-за чрезвычайных холодов с сильными буранами. К тому же участились убийства и грабежи.

Нас пугал только холод. Хозяин и особенно его конторщик, ездившие неоднократно из Урги в Калган и из Калгана в Кашгар и Лхассу, дали нам очень полезные указания.

Пять дней мы потратили на поиски меховой одежды. Каждому нужно было найти две пары зимнего шерстяного белья, костюм, меховые штаны и тужурку, меховые сапожки на кожаной подошве, большой тулуп и маньчжурскую меховую шапку с удлинением в задней части для защиты спины от ветра. Всю эту одежду предстояло нам не снимать целый месяц.

Несколько дней торговались с владельцами караванов, которые должны были направиться в Ургу. Они согласны были взять нас с собой, но только за большую сумму, к тому же собирались в дорогу только через несколько недель.

Тогда мы решили сами отправиться в путь. Взяли в аренду 5 верблюдов, две арбы с кибитками и двух опытных проводников монголов. Когда все приготовления были закончены и час отъезда наступил, мы трогательно распрощались с гостеприимными хозяевами.

Верблюды уже ждали нас. По команде проводников они, кряхтя, легли, и мы погрузились в меховые мешки, прикрепленные к горбу каждого из верблюдов. Снова раздалась команда проводников, и верблюды поднялись. Они были привязаны один к другому: голова заднего — к хвосту переднего животного. Медленно, ровными шагами тронулись они в путь. Два последних верблюда были запряжены в арбы, в которых хранились провиант и багаж. Был полдень.

Первые пять-шесть часов даже приятно было сидеть в уютном и теплом меховом мешке. Никто из нас

не делал больших переходов на верблюдах и поэтому не знал, что через некоторое время начнется сильное головокружение, разболится спина от беспрестанного качания взад и вперед.

На первом же привале монголы едва вытащили нас из мешков: такое тяжелое у всех было состояние. Но уже на второй-третий день путешествия мы привыкли и преспокойно спали во время движения, несмотря на сильнейший мороз и ветры.

Утром проводники решили сделать привал на постоялом дворе для караванов. Грязь там была невероятная. Мы перебрались на чердак, темное, но единственно чистое помещение (если его можно так назвать), и решили позавтракать.

Когда развернули пакет с пирожками, упакованными в Калгане еще горячими, то оказалось, что за сутки они стали совершенно каменными. Пришлось прибегнуть к топору, самому ценному инструменту в такой дороге, и с его помощью разбивать пирожки и консервные банки. На этой стоянке верблюды получили последнюю порцию еды и воды.

В полдень снова двинулись в путь. Когда и где должен быть наш следующий привал, не знали даже и проводники. Зависело это не столько от нас, сколько от местности и погоды.

Зимой, в сильный мороз, когда все занесено снегом и даже на 10 шагов вперед трудно разобрать «дорогу», приходится передвигаться на авось. В ясную зимнюю погоду ориентиром для путников до самой Урги служат только телеграфные столбы. Но ночью и они перестают быть надежными путеводителями даже для монголов, которые неплохо знают местность.

Первые три дня мы передвигались по гористой местности. На пути встречалось много ущельев, в которых дуют сильные, холодные ветры. В течение этих трех дней мы сделали только одну небольшую вынужденную остановку из-за встречи с направлявшимся в Калган большим караваном, который загородил нам путь на несколько часов.

На четвертый день дорога пошла под гору. Приходилось спускаться медленно и чрезвычайно осторожно, ибо было очень скользко.

Наконец наступила безветренная погода, и мы

смогли сделать более продолжительную остановку. Кругом царила полная тишина. Нас окружала беспредельная пустыня. При лунном свете можно было любоваться бесконечной снежной далью. На темном фоне виднелось только небо с миллионами звезд, маленьких и больших, ярких и мерцающих. Нигде — ни деревца, ни жилья. На стоянке освободили верблюдов от поклажи, чтобы дать им отдых. Они с жадностью принялись вырывать из-под снега жалкие остатки колючек.

В пути мои спутники и я мечтали о костре, около которого можно было бы хоть часок погреться и попить горячего чаю. Проводникам удалось собрать немного аргала (помета). Использовали его как топливо. Чай вскипятили из снега, так как воды не нашли. Захватить с собой немного горячей воды не удалось, ибо термосы оказались испорченными, хотя их усиленно расхваливали приказчики английской фирмы в Тяньцзине.

После теплого ужина и небольшого отдыха мы снова тронулись в путь. От привала к привалу иногда проходили сутки, и со спутниками не приходилось видеться, так как проводник шел впереди каравана, а второй — бок о бок с последним верблюдом.

Такое однообразие стало надоедать. Я решил поразмяться, пошел пешком и сразу же так согрелся, что пришлось снять тулуп. На восьмой день перехода я уже больше не садился на верблюда и старался как можно больше идти пешком. Товарищи, глядя на меня, тоже вылезли из своих меховых мешков. Идти пешком было не только теплее, но и веселее; шли все вместе, подбодряя друг друга.

Проводники монголы не очень-то любят ходить. Когда я предложил одному из них воспользоваться моим верблюдом, он немедленно же влез в мешок, не заставляя дважды повторять приглашение.

С этого момента я целыми днями вел караван вместо проводника. Правда, вначале верблюд-вожак не слушался меня, несмотря на то, что я частенько подкармливал его сахаром. Но постепенно он стал привыкать, перестал реветь при моем приближении и плеваться, как это делают верблюды, когда они на когонибудь злы.

Рычаги управления: веревка, прикрепления к ноздрям верблюда-вожака, и монгольская дубинка — были в моих руках, и верблюды покорно следовали за мной, высоко держа голову на тонкой длинной шее.

В первые же дни нашего похода я забыл завести карманные часы. С появлением луны мы знали, что наступает ночь, с рассветом — начинается день. О длительности перехода мы судили по количеству прошедших ночей.

На восьмой день пути мы передвигались уже по пустыне Гоби. Начался снегопад. Мороз стоял умеренный — от 10 до 15 градусов. Снег тяжелыми, большими хлопьями медленно ложился на землю.

Ночью мы крепко уснули, укачиваемые верблюжьей поступью. Среди ночи я внезапно проснулся, словно от удара по лицу. Мой верблюд стоял как вкопанный на одном месте. Я широко раскрыл глаза. Бушевал невероятной силы буран. Бело-желтая масса холодного снега с песком кружилась вихрем и била в лицо. На расстоянии двух шагов ничего нельзя было разглядеть.

Я вылез из мешка и попробовал нагнать переднего верблюда, но впереди никого не было. Я оказался один в пустыне во время бурана. Ужас охватил меня. Остаться ли на месте и ждать, когда окончится буран, а потом отправиться в путь, ориентируясь на телеграфные столбы, или двинуться сейчас же на розыски своих товарищей. От сильного волнения я не способен был быстро принять решение.

В конце концов я все же двинулся вперед, не видя перед собой следов. Попробовал тянуть за веревку верблюда, но он не тронулся с места. Начал кричать и звать друзей, напрягая все силы, но ответа не последовало. Ветер выл, насвистывая какой-то бешеный вальс. Оставив упрямого верблюда, я пошел было в том направлении, которое мне казалось правильным, но тотчас же вернулся обратно.

Выстрелив два раза из нагана, я стал прислушиваться, но ответных выстрелов не было. Лишь ветер завывал уныло.

Я снова двинулся в путь и сделал шагов двести, беспрестанно борясь с ветром. Хлопья снега залепляли глаза, нос, рот, ложились тяжелым пластом на го-

лову и плечи. Вдруг я наткнулся на что-то мягкое, и через несколько секунд услышал голос проводника.

Оказалось, что караван только что остановился. Все спали крепким сном, не зная о том, что я отстал, затерялся в глубоких снегах пустыни.

Буран утих только к полудню, выглянуло солнце. Много времени затратили на поиски телеграфных столбов. Затем раскинули брезентовую палатку и разожгли костер. За прошедшие дни накопилось много впечатлений, и всем хотелось поделиться своими мыслями, переживаниями.

На стоянке к нам подошел маленький караван китайских купцов. Они везли мануфактуру в Ургу. Дальнейший путь мы продолжали вместе.

На одиннадцатый день перехода мы попали в местность с высокими холмами. Почувствовались какие-то признаки жизни. Стали встречаться стада овец по три-четыре тысячи голов, охранявшиеся собаками; чабанов мы не видели. Злые, ощетинившиеся псы с бешеным лаем, скаля зубы, провожали нас 3—4 версты.

Еще через несколько километров мы увидели огромных собак, стоявших совершенно неподвижно. Цвет шерсти их был сероскалистый, они сливались с окружающими холмами и казались каменными изваяниями. Проводники объяснили, что это не собаки, а степные дикие лошади очень маленького роста.

В правой стороне от дороги появились строения монгольско-китайского типа, обнесенные снаружи стеной. Рядом возвышались какие-то пирамиды. Мы сделали привал и отправились в этот таинственный город, разгуливали там продолжительное время, заглядывали во дворы и дома и нигде не встречали ни одной живой души.

Обыкновенные скотные дворы китайского типа с несколькими верблюдами, лошадьми находились совершенно без надзора.

В одном из дворов мы решили пробраться через низкую дверь в полуподвальное помещение. На нас пахнуло тяжелым запахом гнили, ладана и вековой пыли. Где-то за стеной слышалось однотонное причитание. Наконец нам удалось отыскать еще одну дверь, и мы проникли в какой-то длинный коридор. По одну его сторону стояло на коленях 20—30 лам, каждый

лицом к своему алтарю. Кланяясь до земли, они издавали непонятные носовые и горловые звуки.

В полутьме трудно было все разглядеть. Я обратил внимание только на маленькие столики, стоявшие перед каждым ламой. На них стояли глиняные вазочки, тарелочки, блюдца, маленькие деревянные коробочки, будды, глиняные, позолоченные, деревянные, бронзовые, серебряные. На шее у лам были ожерелья из черных или темно-коричневых бус.

Наше появление не произвело на них никакого впечатления. Они продолжали молиться. Некоторые из них так сильно ударяли лбами об пол, что можно было позавидовать твердости их черепа. В других домах мы увидели такую же картину.

В одном из дворов мы повстречались с монголами из обслуживающего персонала. Попытались разговориться, но они даже не посмотрели на нас и продолжали заниматься своими делами.

С одним монголом мы все же вступили в беседу, но он очень недружелюбно на нас поглядывал, отвечал коротко и все время держался за кинжал.

В городе лам нам нечего было больше делать, и мы тронулись дальше.

В четырех верстах от Урги на высоком перевале нас снова застигла пурга, но она была уже нам не страшна. Даже исхудалые, 31 день не получающие пищи верблюды, и те напрягали последние силы и спешили спуститься с высокого холма. Скоро показалась китайская часть Урги.

В УРГЕ

Два товарища направились в русскую часть города разыскивать заготовительную контору Быховского, куда мы имели рекомендательное письмо из Тяньцзиня.

В ожидании возвращения посланцев мы имели возможность полюбоваться человеком необыкновенного роста — 2 метра 25 сантиметров. Это был монгол, служивший раньше телохранителем у Богдо-гэгэна. Человек среднего роста был ему немного выше пояса. Глаза у него были такие большие и блестящие, что жутко становилось смотреть в них.

Удивительно пропорционально сложенный, несмотря на гигантский рост, он в своей национальной одежде производил чрезвычайно внушительное впечатление.

С проводниками мы распрощались, как со старыми, добрыми друзьями. В течение целого месяца наша жизнь была в их руках, и они честно выполнили взятые на себя обязательства.

Наши новые хозяева, Шейнины, оказались симпатичными, приветливыми людьми. Управляющий конторой Шейнин, в прошлом медик, очень молодой человек, жил в Урге с женой, двумя маленькими детьми, сестрой и матерью.

Весь дом заволновался с нашим приездом. Нам тотчас же отвели комнату, и мы занялись туалетом Помню, что наши хозяева уговаривали нас не особенно заниматься своей внешностью, так как обед был готов и нас ждали к столу.

Посмотрев на себя в зеркало, мы пришли в ужас. Тридцать дней в пути мы не раздевались и не умывались как следует, были обросшие, грязные, обветренные. Пока мы принимали ванну, брились и переодевались, хозяева успели второй раз сесть за стол.

Когда мы наконец появились в столовой, нас не сразу узнали. Благодаря теплой, хорошей товарищеской встрече мы почувствовали себя счастливыми членами новой семьи, и пережитые мытарства не рисовались уже такими черными красками.

Не прошло и часа, как мы нашли общий язык с Шейниным.

— Тут в Урге я не одинок, — сказал он.

Шейнин информировал нас о положении в Монголии, в частности в Урге, и о последних новостях в Сибири. Как много новых впечатлений мы получили в Урге!

Урга — единственный культурный центр монголов буддистов. На несколько тысяч километров это единственная столица, где издавна переплетались сложные политические и экономические интересы Китая, отстаивавшего свой суверенитет в обладании Внешней Монголией, царской России, осуществлявшей фактический протекторат над ней, и Богдо-гэгэна — главы северных

буддистов. Соответственно город состоял из монгольской, русской и китайской частей.

До империалистической войны, в ходе ее и даже еще в период керенщины соотношение сил складывалось в пользу России. Однако влияние царизма слабело из года в год. Усиливались позиции китайских, вернее японских, захватчиков. Китайский генерал Сю, фактически японский агент, неограниченно распоряжался на территории от Калгана до границы с Сибирью.

В этот именно период сюда проникло особенно много китайских купцов, наводнивших Ургу своими товарами, особенно мануфактурой. Гибкость, конкурентоспособность китайских купцов привели к массовому закрытию магазинов и ликвидации торговли русских, десятки лет занимавших в Урге господствующее положение.

Во время прогулки по городу легко было установить, кто здесь является фактическим хозяином. Улицы были запружены китайскими купцами в шелковых халатах и китайскими солдатами в ватной одежде.

Местная дума, олицетворявшая интересы русских колонизаторов, после разгрома Колчака уже не пользовалась никаким авторитетом. Победа Красной Армии над Колчаком и приход китайских войск в Монголию изменили политическую ситуацию.

Сотни монголов фанатиков собирались вокруг огромного храма и бились лбами о мостовую, наполняя воздух жуткими гортанными причитаниями.

Эта картина напоминала о том, что и в изменившейся обстановке Богдо-гэгэн, глава монгольского духовенства, не утратил своего могущества и влияния. Фактически ослепший на оба глаза монгольский владыка северных буддистов оставался властителем бесконечных степей с их кочевниками.

Теперь, когда вместо самодержавной царской России по ту сторону границы возникло новое государство, социалистическое, с диаметрально противоположными царизму целями, Богдо-гэгэн был озабочен изучением характера этого государства.

Старый состав думы во время нашего пребывания в Урге был свергнут, на смену ему пришли демократические элементы из кооператоров, взявших ориентацию

на Советскую Россию. Они на первом заседании создали свой президиум и исполнительный орган. Потерпевшие поражение контрреволюционные элементы демонстративно оставили зал заседаний. Организовали и возглавляли эту атаку Кучеренко, Сороковиков, Черепанов и Шейнин; последний и был избран председателем исполкома трудящихся русской колонии в Урге.

Через год белогвардейский барон Унгерн, прорвавшись со своими ордами в Ургу, произвел кровавую расправу над прогрессивными элементами. Шейнину с близкими товарищами удалось спастись на территории Забайкалья, но жена его и оба маленьких ребенка были зверски убиты белобандитами.

Когда трудовые элементы забаллотировали сторонников старой думы и взяли власть в русской части города Урги в свои руки, Богдо-гэгэн послал приглашение на дружескую беседу Шейнину и его гостям, подразумевая группу Буртмана, так как ему известно стало, какую роль мы играли в организации смены власти.

Шейнин заболел, и мы решили, что к Богдо-гэгэну пойдет Буртман.

Не так-то легко было пробраться к духовному владыке. Сначала следовало пройти сквозь длинный ряд громадных свирепых собак, сидевших на цепи, а у главного входа стояли рослые телохранители. Здесь вышли навстречу двое лам.

Богдо-гэгэн в беседе с Буртманом проявил большую осведомленность о политических событиях в России и природе Советского государства. Беседа велась с помощью переводчика в течение 45 минут. После аудиенции был дан обед из 35 блюд: все виды мяса, рис, тухлые яйца, пряники, грибы, фрукты и, конечно, зеленый чай.

Через несколько дней всем нам удалось увидеть Богдо-гэгэна. Около 20 лам несли его из дворца в храм в ручном паланкине. Слепой Богдо-гэгэн восседал, скрывая свою слепоту за темными стеклами очков. Он был облачен в богатый черный шелковый халат. Руки сложены на животе, пальцами правой руки он перебирал бусы. За носилками следовали его телохранители и монахи. Шествие замыкало множество собак.

По улицам Урги бродили собаки стаями по 50—60 штук. Опасно было выходить на улицу, особенно ночью. Собаки считались священными животными. Буддистская церковь заботилась о них. Ежедневно по городу на телегах развозили мясо, кости для собак, которые устраивали между собой отчаянную драку.

Местные жители рассказали нам, что еще недавно буддисты монголы не хоронили умерших. Покойникам ломали ноги и руки и выбрасывали на улицу. Собаки, чуя запах трупа, уже сторожили в ожидании лакомого кусочка — головного мозга, сердца или легкого. Менее сильным собакам оставались только кости.

Перегон от Урги до Троицкосавска оказался легче проделанного уже пути. Мы ехали по тракту на двух тройках с большой быстротой и каждый день имели возможность отдыхать, пить чай из самовара и заказывать обед в старинных русских постоялых дворах.

Ямщики из русских забайкальских жителей, бежавшие в Монголию от мобилизации еще во время мировой войны, занимались извозным промыслом. Они оказались очень веселыми и словоохотливыми людьми.

Путь от Урги до Маймачена мы преодолели в три дня. Не доезжая до Маймачена, мы повстречались с группой странных людей, на вид военных, но безоружных, оборванных.

Как оказалось, это были харачены, бывшие солдаты «дикой дивизии» генерала Левицкого. Спасаясь от преследования партизан, они на Гусином озере между Новоселенгинском и Троицкосавском восстали против своих офицеров, всех их прирезали, в том числе и генерала Левицкого, и перешли монгольскую границу под обстрелом белокитайских войск.

Наше настроение повысилось. Стало ясно, что революционные войска уже заняли часть Забайкалья.

Прибыв в Маймачен, мы вынуждены были остановиться в китайской казарме, где китайский офицер проверил наши документы. Сидя в бараке со своими товарищами, я случайно подошел к окну, выходившему во двор, и, схватившись за наган, кинулся к дверям. Товарищи побежали за мной, стараясь удержать меня, но не понимали, что произошло.

Я увидел во дворе палача — прапорщика Анциферова, убившего и замучившего несколько сот красногвардейцев в Хоньхолуе (Забайкалье) в 1918 году. Я не мог дышать от волнения и скороговоркой прокричал:

— Застрелю, сволочь!

Друзья стали отговаривать меня от эксцессов. Анциферов находился в это время под покровительством белокитайских войск, мы подверглись бы из-за него репрессиям, и нас не выпустили бы через границу. Пришлось подчиниться.

Китайская рота солдат и вся обстановка, окружавшая меня в эту минуту, не позволили рассчитаться с этим ненавистным палачом. Меня успокоила только мысль, что все равно настанет время, когда все эти анциферовы будут держать ответ перед пролетарским судом.

Скоро мы собрались в путь. При возвращении документов китайский офицер сообщил, что нам предстоит еще одна проверка в Кяхте, в двух верстах от Маймачена, на советской, оккупированной китайцами, территории.

Путь до Кяхты мы проделали очень быстро. Здесь китайская пограничная охрана, действительно, еще раз проверяла документы и багаж. Через час мы наконец отвязались от них.

Наши лошади тронулись. Когда мы находились уже на расстоянии 800 метров, китайские солдаты выстрелили нам вслед. Испуганные лошади помчались во весь опор, и уже минут через пять мы радостно приветствовали встретившийся пограничный отряд кавалеристов с красным знаменем.

Вчерашние партизаны были уже регулярной частью формирующейся народно-революционной армии, в рядах которой начал я новую борьбу против старого врага — атамана Семенова.

НОВАЯ БОРЬБА СО СТАРЫМ ВРАГОМ

Троицкосавский ревком принял нас радушно, товарищи рассказали о положении на фронтах. Мы выступили в клубе с докладом о положении в Китае.

В Троицкосавске я встретил несколько десятков бывших военнопленных мадьяр, теперь уже красных партизан, принимавших участие в занятии Троицкосавска. Они мне показали найденный дневник красногвардейца. На венгерском языке описывалось зверское уничтожение белогвардейцами в так называемых красных казармах в Троицкосавске 1500 заключенных красногвардейцев и партизан в 1918 году.

Дорога от Троицкосавска до Новоселенгинска и дальше до Верхнеудинска была пуста и безлюдна.

Стояли небольшие морозы, ехать было нетрудно. Меняя часто лошадей, мы продвигались довольно быстро. По дороге часто попадались брошенные в снегу недалеко от тракта и по руслу Селенги винтовки, штыки, патроны, консервные банки, фуражки, сапоги и шинели.

Видимо, по этой дороге спасался от преследования какой-то военный отряд. Здесь произошло крупное побоище. Несколько раз мы встречали местных жителей, которые везли на телегах трупы близких им людей.

На льду Гусиного озера, расположенного между Троицкосавском и Новоселенгинском, мимо которого мы ехали, лежало несколько десятков замерзших трупов, в большинстве офицеров.

Нам рассказали, что остатки «дикой дивизии» сделали здесь кратковременный привал. Генерал Левицкий стремился приостановить дальнейшее отступление своих деморализованных солдат и принять бой.

Но солдаты отряда, в большинстве маньчжуры и чахары, взбунтовались и зарезали почти всех своих офицеров, после чего перебрались через монгольскую границу, где были разоружены белокитайскими войсками.

Особенно интересовали меня места между Новоселенгинском и Верхнеудинском, где полтора года назад я с Морозовым и другими товарищами пересекли реку Селенгу по направлению к Амуру.

Теперь мы быстро двигались на санях по руслу замерзшей Селенги. На каждой остановке нам давали свежих лошадей, и на третий день утром показался Верхнеудинск, а затем и знакомое большое белое трехэтажное здание — Верхнеудинская тюрьма.

Нахлынули воспоминания. Я сказал товарищам, что завтра же зайду туда, может быть, найду когонибудь из бывших надзирателей.

— Чудак ты, — ответили они, смеясь. — Что же, думаешь, они так и ждут тебя там.

В тюрьму я, конечно, не пошел.

Однако летом 1920 года в момент срочного отъезда из Верхнеудинска в Москву, когда был дан сигнал к отправке поезда, среди провожающих я увидел одного из свирепых надзирателей Верхнеудинской тюрьмы колчаковского времени. Он был в красноармейской форме.

Я сообщил об этом коменданту станции. Поезд уже отходил, и мне так и не удалось узнать, задержали ли этого тюремщика.

В Верхнеудинске я начал проводить агитационную работу среди интернационалистов, бывших военнопленных, которых в то время было еще немало в Березовском лагере.

Город имел праздничный вид. Он только что был освобожден партизанами и бойцами иркутских дивизий. Население восторженно относилось к освободителям.

В Верхнеудинске я встретился со многими старыми друзьями с Байкальского фронта, из забайкальских степей и тайги. Тут был и популярный Каландарашвили, и бывший главком Байкальского фронта Морозов-Сенотрусов, бывший командир красногвардейского отряда рабочих читинских железнодорожных мастер-

ских Орлов, интернационалисты Леви, Киш, Шик, Шугар и многие другие.

Добившись некоторых результатов по агитации военнопленных в Березовском лагере, я выехал в Иркутск. Иркутск в эти дни тоже жил восторгом победы. Помню изумительный парад, устроенный в честь прибытия частей 5-й Армии. Приветственные речи членов Военно-революционного комитета встречались могучим ура бойцов 5-й Армии и всего населения.

Вступление частей 5-й Армии в Иркутск в 1920 г.

Иркутск навсегда стал советским.

И здесь я встретил многих товарищей по оружию периода 1918 года. В Иркутске в то время формировалась бригада из бывших военнопленных, размещенных в самом Иркутске и Березовке.

Иркутский губернский комитет партии поручил мне помочь венгерским товарищам ускорить эту работу. Совместная организационная работа в Иркутске с т. Эндре Шик, а в Березовке с т. Иваном Леви дала хорошие результаты.

Хотя работа моя была такой же, как и в 1918 году, но обстановка стала несравнимо устойчивой. Армия Колчака была разгромлена, а сам «верховный правитель» арестован и расстрелян. Командование и войска американских, английских и прочих интервентов давно бежали во Владивосток, а чехословацкий корпус по договору с командованием 5-й Армии следовал на восток, чтобы отправиться на родину.

Парад и манифестация в Верхнеудинске в 1920 г.

В 1917—1918 годах многие военнопленные еще сомневались в правильности политической линии большевиков и считали, что эта линия в лучшем случае пригодна только для России, сомневались во всемирно-историческом значении и влиянии Октябрьской революции на трудящиеся массы капиталистических стран и полагали, что рабочий класс в Западной и Центральной Европе может прийти к власти на основе постепенных реформ, что буржуазно-демократический парламент способен заставить капиталистов постепен-

но отступать перед требованиями и натиском рабочего класса и в конце концов добровольно уступить государственную власть пролетариату.

В первой половине 1920 года большинство сомневающихся были убеждены жизнью. Революция в Германии, революционный подъем в Австрии, образование Венгерской Советской республики, а главное, гражданская война и интервенция в Советской России показали, что капиталисты добровольно не отдадут свои позиции, не уступят государственной власти.

Эти военнопленные — бывшие члены социал-демократических партий Германии, Австрии, Венгрии — пришли к выводу, что нужно раз и навсегда порвать со своими вождями, которые открыто встали на защиту интересов капиталистов своих стран.

Рядовые социал-демократы из военнопленных убедились, что Шейдеманы, Каутские, Бауэры, Вандервельде, Макдональды, так же как и русские меньшевики, изменили учению Маркса—Энгельса, что они вместе с буржуазией выступают против диктатуры пролетариата, против коренных интересов рабочего класса, что с ними не добиться освобождения рабочих от ига капитала, не избавиться от вечной кабалы и рабства.

На одном собрании при обсуждении вопроса об организации интернациональной бригады выступил венгерский рабочий, бывший социал-демократ:

— В период 1917—1919 годов я сомневался в правильности тактики большевиков и колебался между теориями эволюции и революции; к тому же наши кадровые офицеры, агитируя против Октябрьской революции, застращали меня репрессиями после возвращения в Венгрию. Офицеры из запаса, среди которых были адвокаты, инженеры, высокопоставленные чиновники и помещики, старались убедить нас, что, мол, революция, подобная Октябрьской, нарушает национальное единство народа и прекрасные перспективы развития родины, что лучшая демократия — это существующая и прогрессирующая буржуазная демократия на родине, что большевизм — это русско-азиатское явление и в Европе не может иметь почву.

Так нас старались сбить с толку.

Но события последних двух лет показывают, что большевизм перестал быть учением понятным и близким только рабочему классу России, он стал ныне близким и понятным рабочим всего мира.

Мы убедились, что рабочий класс капиталистических стран Европы везде штурмовал и штурмует капитализм и стремится к диктатуре пролетариата, борется за Советы.

Теперь ясно, что даже самая прогрессивная буржуазная демократия есть не что иное, как нищенская подачка и обман рабочих. Настоящая свобода и равноправие наступают только тогда, когда рабочий сможет распоряжаться продуктами своего труда. Но это возможно только в обществе без капиталистов и помещиков, при отсутствии эксплуатации человека человеком.

Русский рабочий класс, сумевший так решительно и мастерски свергнуть власть капиталистов и помещиков, установить диктатуру пролетариата и с величайшей самоотверженностью отстоять ее в кровавой борьбе, под руководством Коммунистической партии во главе с великим Лениным построит социалистическое общество.

Дело социалистической революции — это кровное дело всех рабочих мира. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» претворяется в жизнь. Тяга к объединению, к международной солидарности рабочих всех стран никогда прежде в истории рабочего движения не была так сильна, как после Октябрьской революции в России.

Товарищи! Я долго был пассивен, сомневался, колебался, стоял в стороне от большой борьбы. Я в долгу перед революцией, перед своими братьями по классу, поэтому я вступаю в ряды интернациональной бригады и призываю присутствующих последовать моему примеру.

Да здравствует единство и международная солидарность рабочих всех стран, ведущие к всемирной социалистической революции.

Так выступил честный рабочий, убежденный в победе рабочего класса, т. Киш. В таком духе высказывались многие.

Формирование бригады близилось к завершению, и я попросил Иркутский губернский комитет партии отправить меня на противосеменовский фронт. Просьбу мою удовлетворили, и вместе с товарищами Бронштейном, Буртманом, Кузьминой, Морозовым-Сенотрусовым и многими другими я выехал на восток.

В Верхнеудинске после беседы с главкомом Эйхе я получил назначение в 1-ю Иркутскую стрелковую дивизию.

Из Гонготы я с группой товарищей, едущих на фронт, в поисках 1-й Иркутской дивизии направился пешком через степь вдоль Яблонового хребта.

Командир партизанского отряда Н. А. Каландарашвили с группой товарищей.

В Верхнеудинске нам поручили захватить полную телегу перочинных ножиков, скромный подарок петроградских рабочих бойцам Народно-революционной армии. В Гонготе мы договорились с одним крестьянином о перевозке груза.

В нашей группе из десяти человек никто не имел оружия, получить его мы должны были только в дивизии. Между тем японцы и семеновцы находились поблизости.

Двигались мы через степную местность. Вдруг появились кавалеристы, быстро направлявшиеся к нам. Мы решили, что это семеновцы, и заволновались: ведь оружия не было.

— В цепь! — скомандовал кто-то.

Кавалеристы, подъехав шагов на 500, остановились. Это оказались бойцы отступавшей части. Мы присоединились к кавалеристам.

В деревне близ Иван-озера нам сообщили, что японцы и казаки приближаются. Крестьянин, перевозивший наш груз, заявил, что дальше гнать свою лошадь не намерен. Что оставалось делать? Решили все-таки спасти подарки. Набили карманы ножиками и быстро направились к лесу.

Поздней ночью мы выбрались на тракт, встретились там с артиллеристами и, совершив ночной марш, добрались до села Беклемишево. Там мы выяснили обстановку. Оказалось, наши части отступили с укрепленных позиций между Иван-озером и Тассей-озером.

Перешеек охранялся бывшими партизанами из отряда Бурлова. Из-за усталости, да и недисциплинированности бойцов Народно-революционной армии семеновцам и японцам удалось прорваться через перешеек и выйти к Беклемишево. Семеновцы напали врасплох на отдыхающие части 2-й бригады 1-й Иркутской дивизии, и она вынуждена была отступить. Беспечного командира бригады пришлось отстранить от командования. Вместо него назначили стойкого коммуниста Горшкова, бывшего учителя.

Штаб дивизии разместился в Малой Сосновке, и там я в первый раз встретился с энергичным и образцовым начдивом Василием Буровым и комиссаром дивизии Снoскаревым. Меня назначили помощником начальника штаба по оперативной части во 2-ю бригаду.

Беспорядочное отступление вынудило нас срочно выставить заслон в Малой Сосновке с целью собрать

все отступающие части и отдельных бойцов и направить их в район деревни Грязнухи.

Отступающие бойцы рассказали, что 1-й полк, которым командовал Кулукин, отрезан семеновцами между Старо-Читинским и Витимским трактами. По приказу начдива Бурова конная команда отогнала форпост семеновцев, расположенный около вершины Кондина, между селами Беклемишево и Грязнухой, и полк Кулукина смог выйти из окружения.

Народно-революционная армия была разношерстной по составу. В нее влились партизаны, повстанцы из бывшей колчаковской армии, среди командного состава было много эсеров. Так, начальник штаба нашей бригады Соловьев и его первый помощник были ярыми эсерами, недавно только служившими у Колчака. Они даже перед нами развивали эсеровские взгляды. Их пропаганда падала на благоприятную почву, так как костяк бригады в основном состоял из бывших колчаковских солдат. В такой обстановке приходилось держать ухо востро.

Через несколько дней после моего прибытия в бригаду ее комиссар Минаев уехал на конференцию в Верхнеудинск, и меня назначили военным комиссаром бригады.

Части нашей бригады занимали позиции у вершины Кондина. Время было тяжелое. Бойцы уже больше недели не видели мяса, хлеба, соли. Появились дезертиры. Стоявшая в деревне Грязнухе команда пулеметчиков в один прекрасный день удрала с пулеметами в полном составе. Я догнал их на лошади в восьми верстах от Грязнухи. Кое-как вместе с командиром бригады Горшковым нам удалось вернуть пулеметчиков обратно.

Шесть главарей мы посадили в Грязнухе под арест, а на следующий день собрали всех бойцов бригады и рассказали о трудностях, стоящих перед нами, о необходимости их преодоления, о чести революционного мундира. Нам ответили выкриками:

— Дайте хлеб, соль, сапоги, шинели, иначе никуда не пойдем.

Трудно было успокоить голодных, да и к тому же бывших колчаковских солдат.

К концу дня прибыли наконец продукты из Верхнеудинска, находившиеся в пути целых шесть дней. Но даже и это не внесло полного успокоения. Демобилизационное настроение сохранялось.

Штаб 2-й бригады I-й Иркутской дивизии. В центре командир бригады Горшков и комиссар Мюллер.

Нужно было принять решительные меры для восстановления дисциплины. Пришлось снова собирать всю бригаду, но на этот раз поведение бойцов было еще более развязным. Тогда мы решили наказать зачинщиков.

На следующий день вся бригада вышла на позиции. Порядок и дисциплина были восстановлены.

В дальнейшем, с конца мая по июль, на нашем участке наблюдалась сравнительная тишина, больших боев с белогвардейцами не происходило. Заключенное перемирие между представителями ДВР и японским командованием дало нам возможность перегруппировать и реорганизовать воинские части.

В конце июня нашу бригаду направили в Петровский Завод на укомплектование. Здесь произвели основательную чистку не только среди командного состава бригады, но и среди рядовых бойцов. Бывших колчаковцев заменили рабочими из Иркутска и Верхнеудинска.

Возвращение на отдых одного из полков 1-й бригады 2-й Иркутской дивизии.

В июле я был назначен комиссаром штаба главкома Народно-революционной армии и выехал в Верхнеудинск. Везде чувствовалась реорганизация, выдвигались молодые товарищи на руководящую работу.

Особенно энергично партийные организации занимались укреплением армейских частей. За лето их боеспособность и дисциплина настолько поднялись, что в успехе разгрома атамана Семенова сомневаться не приходилось.

Японцы это чувствовали и все чаще пытались договориться о перемирии, чтобы тем самым отодвинуть

срок решительного боя. Наконец, 25 июля 1920 года началась эвакуация японских войск из Читы и Сретенска.

Жаль, что мне не пришлось участвовать в последнем этапе борьбы под Читой. В июле я выехал в распоряжение ЦК РКП (б) в Москву.

В этом же году кончилась война с белополяками и Врангелем. Еще одна стычка под Кронштадтом, еще бои с японскими оккупантами в Приморье, и последняя пядь русской земли — Владивосток — стала советской.

Трудящиеся страны Советов, руководимые Коммунистической партией, одержали победу на всех фронтах гражданской войны. Первый натиск империалистов кончился для них позорным провалом, и советский народ смог приступить к мирному труду.

Сотни тысяч трудящихся, павших в боях и убитых в застенках белогвардейцами по всей необъятной России в грандиозной битве за идеалы коммунизма, заслужили вечную славу и уважение всех трудовых людей мира.

ПЕРЕГОВОРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

По радио

Венгерская Советская республика устанавливает связь с Советской Россией.

Венгерская Советская республика просит товарища Ленина к аппарату.

Через 20 минут Москва отвечает:

— Ленин у аппарата.

— Товарищ Ленин! Венгерский пролетариат взял вчера вечером, 21 марта 1919 года, всю государственную власть в свои руки и, установив диктатуру пролетариата, приветствует Вас, как вождя международного пролетариата. Просим Вас передать революционному пролетариату России нашу революционную солидарность и привет.

Партия социал-демократов приняла нашу платформу коммунистов. Обе партии работают совместно, и до решения Московского конгресса III Интернационала, который должен решить название партии, мы именуем себя Венгерской социалистической партией. Просим по этому вопросу Ваших указаний. Народные комиссары сейчас заседают.

Венгерская Советская власть просит Советский Союз заключить с нами договор.

С оружием в руках будем бороться против любых врагов пролетариата. Просим информировать о военном положении.

В 9 часов 10 минут Москва ответила:

— Здесь Ленин. Сердечно приветствую Венгерскую Советскую республику и ее пролетарское правительство. Ваше послание я только что передал съезду РКП(б). Воодушевление огромное. Решение Московского конгресса III Коминтерна сообщим как только возможно быстро, также сообщим сведения о военном положении. Обязательно необходимо поддерживать радиосвязь между Москвой и Будапештом.

С коммунистическим приветом и пожатием рук

Ленин.

Опубликовано в «Vörös Ujsag» («Красная газета») 23 марта 1919 г. (Будапешт).

---

[1] Перевод автора.

РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВСТУПАЮТ В ВЕНГЕРСКУЮ КРАСНУЮ АРМИЮ

Удивительно красивое зрелище представляла площадь в крепости Буда, куда в воскресенье после обеда стекалась революционная молодежь столицы, русские подданные и русские военнопленные.

Уполномоченный Московского Красного креста прочитал собравшимся радиограмму Советского правительства следующего содержания:

«Вы, военнопленные, которые пережили все ужасы империалистической войны и на собственном теле испытали эксплуатацию русской и венгерской буржуазии, всеми силами поддержите молодую Венгерскую Советскую республику! Враги уже сговорились задушить русский и венгерский пролетариат. Каждый русский и венгерский пролетарий и крестьянин должен быть в рядах венгерской Красной Армии и драться, как венгерские пролетарии в России беззаветно воюют за интересы Советской власти в России. Защищайте пролетариат Венгрии!

Русские, как и венгерские пролетарии, сражаются за общие интересы всех пролетариев мира.

Чичерин, комиссар по иностранным делам».

С большим воодушевлением слушали присутствующие содержание этой телеграммы. Затем на русском языке выступил с приветственной речью от революционного Советского правительства заместитель народного комиссара по военным делам Самуэлли Тибор:

— Мы не хотели возвратиться из России до тех пор, пока там рабочий класс не обеспечил свою победу над капиталистами. Мы хотели там защищать русский пролетариат.

Просим вас поддержать нас! Скоро наступит время, когда объединится пролетариат всего мира. Русский и венгерский пролетариат должен показать пример! Мы уже уничтожили нашу буржуазную банду, однако нужно уничтожить всю мировую буржуазию.

Призываю вас вступить в Красную Армию для защиты общих интересов мирового пролетариата. В России — на Урале, в Самарканде, в Донбассе, в Восточной Сибири — сражаются интернациональные полки. Они знают, что воюют не только за интересы русского пролетариата, но и за интересы всего мирового пролетариата, война против русской контрреволюции есть война против всей контрреволюции. В этой борьбе ваше место в Красной Армии.

Опубликовано в «Vörös Ujsag» («Красная газета») 30 марта и 1 апреля 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Опечатки

Страница	Строчка	Напечатано	Следует читать
87	18 сверху	огранизатора	организатора
120	1 снизу	продолжал.	продолжал:
136	7 сверху	беднуку	бедняку
138	16 сверху	крестьян	крестьян,
145	3 снизу	существовало	существовало,
158	1 сверху	прикрепления	прикрепленная

В пламени революции (1917-1920 гг.)

2 р. 10 к.

81